

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**Nº 11–12 2015
November–December**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2015**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 11–12 2015 (November–December)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief

Petra Busch, Austria

Consulting editors

Jolanta Lewicka, Poland

Rostislav Komarov, Russia

International editorial board

Egor Rachynski, Ukraine

Natalia Bondarenko, Russia

Rima Dzhansarayeva, Kazakhstan

Nikolay Inshin, Ukraine

Alajos Fazekas, Hungary

Slavka Konstantinova, Bulgaria

Tatiana Yashkova, Russia

Jennifer Mathieson, Scotland

Hong Han, China

Alessandro Massaro, Italy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Journalism

*Djumagazieva Nurjan,
Kyrgyz State National University
Journalism faculty, docent
E-mail: nnn330@yandex.ru*

Kyrgyz Aqyns Toktogul and Togolok Moldo about nature and environment

Abstract: In this article on wide literary material the author analyzes reflection of the surrounding nature and the environment of the Kyrgyz people in verses of outstanding representatives of national poetry of Kyrgyz aqyns: Toktogul Satylganov and Togolok Moldo. Considering their poetic creativity the author comes to a conclusion that they were not simply talented observers and poets landscape writers but also guardians for the native nature, and strugglers for careful attitude to it and rational use of its gifts.

Keywords: nature, poetry, aqyns, reflection, the way of reflection, environment, kyrgys.

*Джумагазиева Нуржан,
Кыргызский Национальный Университет,
Факультет журналистики, доцент
E-mail: nnn330@yandex.ru*

Природа в творениях кыргызских акынов: Токтогул и Тоголок Молдо

Аннотация: в статье на широком литературном материале автор анализирует отражение окружающей природы и среды жизнеобитания кыргызского народа в стихах выдающихся представителей народной поэзии кыргызов: акынов Токтогула Сатылганова и Тоголок Молдо. Рассматривая их поэтическое творчество, автор приходит к выводу о том, что они были не просто талантливыми наблюдателями и поэтами пейзажистами, но и радетелями за родную природу, бережное отношение к ней и рациональное использование её даров.

Ключевые слова: природа, поэзия, акыны, отражение, способ, способ отражения, окружающая среда, кыргызы.

Рассматривая культуру всего мира, следует констатировать, что следующим этапом развития любой национальной литературы, по сравнению с мифо-эпическим и фольклорным, являлся этап развития долитературной традиции. Он связан с отходом национального искусства художественного слова от мифо-эпических форм и сюжетов, но, вместе с тем, и от чисто фольклорных форм. На данном этапе литературное творчество в изустных формах становится преимущественно делом не столько талантливых от природы, сколько профессиональных литераторов. Среди тюркских народов такие литераторы получили название акынов.

Акыны — народные поэты, явление свойственное практически всем народам мира и, в особенности — тюркским, исполняли произведения устного поэтического творчества под аккомпанемент музыкальных инструментов (комуз, кыяк и пр.) В основе их литературного творчества находилась творческая переработка фольклора, где практически каждое произведение имело народный сюжет, но, в тоже время и отражало индивидуальные особенности

творчества поэта. Обладая превосходной памятью, глубокими познаниями народной жизни, наблюдательностью, определенным сценическим дарованием, эти народные поэты выступали подлинными жемчужинами национальной культуры кыргызского народа.

С известной степенью условности, акыны подразделяются на следующие группы: Певцы-импровизаторы — дагамакчы, авторы-исполнители панегирических и обличительных песен; Певцы-сказители — джомокчу, исполнители эпических произведений и Певцы-морализаторы — нускоочу, слагавших и исполнявших назидательные песни философского характера.

Рассматривая приведенную классификацию. Следует отметить, что она является в известной степени условной. Акыны, как правило, были людьми весьма широкого дарования, поэтому, один и тот же поэт может быть отнесен к нескольким группам сразу. Непосредственно, литературно-поэтическая деятельность поэтов-акынов включала в себя сразу несколько форм. Среди них можно выделить участие в айтышах, поэтических состязаниях акынов, на-

родных собраниях, празднествах. В отдельных случаях акыны исполняли функции глашатаев. По хронологии в развитии акынской литературы Кыргызии можно выделить два основных этапа — импровизационный, который близко родствен мнемоническому искусству сложения, запоминания и воспроизведения литературно-эпических произведений в устной форме, что было нами рассмотрено выше на примере Манаса, и письменный, который связан с записью произведений. Следует также отметить, что, не смотря на существенные отличия изустного (импровизаторского) и письменного направления развития акынской поэзии, корень у них — един. Он находится в творческом развитии национального фольклора, которое осуществляли высоко одаренные акыны.

Давая творчеству кыргызских акынов комплексную характеристику, следует констатировать, что соотношение личности и традиции в их деятельности может быть охарактеризовано следующим образом: в зависимости от характера произведения реализация творческой индивидуальности акына менялась. Так, исполняя произведения на бытовую и личностную тематику, степень творческой индивидуальности поэта проявлялась больше, тогда как при складывании и исполнении эпических или лирических произведений фольклора или народной поэзии преобладала традиционная линия, а личное и индивидуальное отходило на второй план. Однако, следует однозначно констатировать, что такие границы стирались, когда в творчестве поэтов-акынов начинала звучать тема Родины, родной земли, красоты и чистоты её богатейшей природы. В этих произведениях органично сплетались традиционные сказочно-мифологические и эпические сюжеты со всей широтой личного дарования поэта сказителя, его острым взглядом талантливого наблюдателя и горячего патриота родного края.

Примерами такого подхода могут служить переработки акынами сюжетов народных поэм и сказок как, например, творчески переработанные акыном Молдо Кылычем поэмы «Пернатые», «Пир птицы Буудайык», великим Тоголоком Молдо поэмы «Сказание о наземных и водных птицах», равно как и поэма «Бедняк хан», переработанная выдающимся акыном Токтогулом Солтыгановым. Тем не менее, следует констатировать, что при всём уважении акынов к традиционным произведениям, большее место в их творчестве занимали импровизации, содержавшие большое количество личных художественно-поэтических форм и приемов, свойственных конкретному поэту-сказителю. Изустная форма акынского творчества, хотя, с одной стороны, ограничивала возможность развития художественных форм поэзии акынов, но в тоже время, предоставляла широчайший простор для импровизационного творчества, где традиция сливалась с личностью поэта-импровизатора, углубляя традиционные устные поэтические средства.

Обращаясь непосредственно к творчеству кыргызских акынов, отметим, что рассмотрены нами будут, в основ-

ном, творцы-поэты, жившие во второй половине XIX — первой трети XX веков, творчество которых наиболее полно записано и хорошо исследовано. Одним из наиболее типичных представителей кыргызской акынской поэзии является **Токтогул Салтыганов** (1864–1933). Будучи одним из крупнейших, выдающихся и наиболее известных акынов киргизского народа, он был человеком трагической судьбы. Автор множества остросоциальных произведений — вольнолюбивых и изобличительных песен, Токтогул был приговорен в 1899 году к смертной казни, впоследствии замененной каторгой. Пройдя через горе и отчаяние, тюрьму и сибирскую каторгу, он не сломился и продолжал в своих произведениях говорить о лучших днях, в приходе которых был непоколебимо уверен. Сам он занимает в этих произведениях ведущее место, как защитник народа, рассказчик о правде и справедливости.

Пережитое Токтогулом вылилось в несколько важных черт, характеризующих его творчество. С одной стороны, это глубокая моральная уверенность в своих творческих силах и своём значении, как акына, в жизни народа. С другой стороны своеобразие художественной системы, созданной им на основе личностного преломления традиционных образов фольклора в авторской поэзии. Именно поэтому, песни Токтогула, несут в себе верность богатейшим национальным традициям поэтической импровизации, свойственной киргизскому фольклору, вместе с чем, отличаются реалистической силой и глубиной чувств. В его дореволюционных произведениях большое место занимают песни о жизни на каторге и в ссылке, где традиционные фольклорно-мифологические образы обновляются и приобретают особую эмоциональность и правдивость, преломившись в призме переживания трагических обстоятельств жизни автором. Примером таких произведений могут быть названы следующие, а именно: «Тяжелой стала моя жизнь», «Песнь узника», «Песнь побега», «В заточении» и др [6].

Активно продвигаясь по пути совмещения традиционных и личностных приёмов устного художественного творчества, он обновляет традиционные образы животных, сакральных для кыргыз — коня, кречета, сокола, используя которые раскрывает себя, свои переживания. Однако, обновление поэтических тропов происходит у Токтогула, в отличие от устных народных произведений, не разрозненно по каким-либо отдельным, характерным для каждого, их особенностям или признакам, а по определенной, выработанной им системе, в соответствии с общей идеей произведения, проходящей через него красной нитью. Традиционные образы преломляются им в аспекте его собственной судьбы — узника, каторжника, страдальца, злою силою изгнанного из родного края наставника народа, заступника и защитника его от произвола.

Обобщая рассмотрение отражения окружающей среды в творчестве Токтогула Салтыганова, следует констатировать, что его базовой парадигмой отражения выступил принцип сравнения, в рамках которого отмечаются два

способа его реализации. Так, на начальных этапах, в творчестве Токтогула в описываемом им образе, он выделял ряд качеств, присущих различным животным и птицам, отождествляя с ними свои личные качества как человека и акына, то позже он начинает персонифицировать конкретных людей в образах животных и птиц, как положительных, так и отрицательных. В свою очередь, принципы жизни человека выводятся им из отраженных в стихотворном полотне образов природы, где её вечная простота и чистота являются лучшим учителем и наставником.

Другим великим кыргызским акыном, заслужившим славу акына-мыслителя, является **Тоголок Молдо** (Байымбет Абдырахманов, 1860–1942). Человек широчайших талантов — манасчы, акын, музыкант, поэт, получивший мусульманское образование, Тоголок Молдо занимает особое место в кыргызской поэзии и литературе в целом. Именно ему принадлежит заслуга в формировании собственно кыргызской национальной литературы, в том виде в котором мы её знаем, а собранные им материалы по истории, быту и фольклору кыргызов оказывали и оказывают неоценимую помощь как национальным, так и иностранным исследователям историкам, антропологам, этнографам, культурологам и т. п.

Обладая поистине безграничным талантом, Тоголок сочетает в себе черты народного поэта, уделяя большое внимание таким формам народного поэтического искусства как плачи-причитания — кошоки и плачи-жалобы — арманы, но в тоже время, его талант проявляется подлинно животворящим родником в стихотворениях и поэмах, где также так же нашли своё выражение способности его как мыслителя, талантливого наблюдателя и художника слова.

Понимая всю беспредельную, иногда суровую, но, в тоже время совершенную красоту окружающей природы Тоголок в частности говорил, что: «... в мире только природа лишена недостатков» и «... Как бы талантлив ты ни был, все равно не сможешь воспеть всю её красоту» [1].

Однако, не смотря на такие мысли, отразить красоту природы родного края, Тоголоку удалось со всем присущим ему поэтическим талантом. Имея острый глаз наблюдателя, подвижный ум мыслителя и поэтический талант акына Тоголок усматривает совершенную красоту в самих явлениях природы, окружающих человека с самого раннего детства на протяжении всей жизни. В своём творчестве он не отрывается от родной земли, уходя в мир небесного, стремясь восполнить «недостатки действительности» эпическими и сказочными подробностями в произведениях искусства. Поэтому, его произведения имеют, кроме важного социального смысла, ещё и большое познавательное значение учит видеть и познавать красоту родного края. Наиболее значимыми произведениями Тоголока Молдо, как акына-пейзажиста, являются три поэмы: «Ала-Тоо», «Два времени года: самое жаркое и самое холодное», «Земля и её дети». Рассмотрим их подробнее.

Особое место в этом ряду занимает поэма «Ала-Тоо». Именно в ней выражает поэт всё величие и красоту «Пе-

гих гор». Так, воспевая красоту гордых горных вершин, он, в частности, пишет:

*Над тобою цепи вершин,
У одной седа голова,
Та покрыта сетью морицин,
Склон другой туманом одет,
Но для каждой найдет слова
И прославит всех Байымбет*

Однако, кроме самих горных вершин, являющихся выражением красоты и величия Ала-Тоо, поэт со свойственной ему точностью расширяет представление слушателя/читателя об описываемых горах создавая их наиболее полны образ в призме красоты растений:

*Если ты, доверясь тропе,
Побываешь хоть раз в Арпе —
Залюбуешься красотой,
Веселее станет тебе.
Сколько там различных цветов,
А трава какая, взгляни! [4]*

В своих многочисленных поездках по родной стране, восхищаясь прекрасной природой Родины и воспевая в своих произведениях Тоголок обращается к временам года, представляя осень, лето, зиму и весну во всей своей красе:

*Составляют, сменяясь, год.
И о каждой этой поре
По отдельности речь пойдет» [5].*

В поэме «Ала-Тоо», продолжая традицию, начатую в Манасе, где различные события из жизни людей и их бытовой, воинский и трудовой уклад увязывался с проявлениями окружающей природы и их отражением в поэтическом тексте поэт рисует пейзажи всех четырех времен года, непосредственно увязывая их с особенностями кочевого скотоводческого хозяйства. Так, весна — время выпаса скота и его обильного приплода, время обилия молока и кумыса, когда народ после голодных месяцев зимы, наконец, может сытно поесть, по словам поэта «это жизнь вступает в права»! Поэтому, Тоголок, обращаясь к народу, призывает его упорно трудиться весной, чтобы получить хороший урожай и обеспечить зиму. А в поэме «Ала-Тоо» поэт говорит: «... скажу тебе, любят люди нелегкий труд. Благодарны они судьбе, изобилье находят тут» [5].

В свою очередь, лето — это не только пышный расцвет всей природы, это время для умелого отбора скота и, в частности, отбора лучшего молодняка коров, значение которых кочевник киргиз, как видит поэт, еще недооценивает, обращая своё пристальное внимание больше на коней, чем на коров:

*Кобылица призывно ржет,
любы летние ей деньки.
Резвы рыжие стригунки.
Жеребцов отдельный косяк,
раздобревший на ковыле,
скачет с ржаньем в утренней мгле
то галопом, то на рысях,*

*словно черти вселились в них.
Не узнаешь коров худых,
повернуться им тяжело... [5].*

Особое отношение поэта к корове-кормилице выражено в стихотворении 1888 года «Чума», где обращаясь к болезни как к одушевленному лицу, поэт просит, умоляет её не забирать их кормилицу — корову:

*Ох, семья моя велика,
И корова для нас, что мать, —
Не протянем без молока —
Не спеши ее отнимать,
Отступишь, отойди, чума,
От коровы ты откажись,
Оглянись, посмотри сама
На бедняцкую нашу жизнь.
О чума, отпусти, молю,
Отпусти корову мою,
Пожалей ты моих детей,
Сосчитай-ка мою семью!
Десять ртов у меня, гляди!
Чем я стану птенцов кормить?
Пощади, чума, пощади,
Не руби последнюю нить!
О чума, в чем моя вина?
Ведь корова у нас одна,
Не души ее, не души,
Чтоб не плакали малыши.. [2, 28].*

Талантливо живописуя осень как время года, когда спиной суровая зима, Тоголок Молдо предупреждает земляков о её опасности и о том, что она не страшна тому, кто сумеет подготовиться к ней. И здесь талантливый акын находит весьма острое и точное средство выражения, показывая необходимость подготовки к зиме в сатирическом стихотворении 1907 года: «О собаке, которая хотела сшить себе доолдай» [2, 56].

В этом своём творении Тоголок выводит посредством образа собаки насущные проблемы человеческой жизни. Фактически стихотворение делится на три части. В первой, испытывая жестокою зимнюю стужу, замерзая, собака горюет об отсутствии у неё теплого доолдая:

*Лютой злою зимою
От стужи околеваю,
Зубами стучу и вою,
Мечтаю о доолдае!
Меня доолдай согреет.
Ай, хорошо в доолдае!*

Здесь же она находит и решение вопроса — наняться на службу к баю, пасти овец и взять оплату шерстью, из которой ей сделают тёплый доолдай — предел горемычных мечтаний:

*Наймусь к хорошему баю,
Буду работать не даром
И буду к зиме в доолдае.
Много шерсти овечьей
Возьму в награду у баю*

*И буду в тепле, беспечно
Лежать себе, размышляя...*

Но вот проходит зима и весна, а собака не найдя в себе силы преодолеть лень не нанимается на работу:

*Но вот зима миновала,
Потом весна миновала,
И наша Собака забыла,
Как в снегу завывала.
Жаркое солнце светит.
Собака сидит без дела.
Язык непутевый свесив,
Нежится, разомлела.. [2, 60].*

В произошедшей встрече с лисицей, указывающей на то, что нельзя мешкать — надо шить доолдай, так как подходит зима, собака отвечает ей:

*— Ах, Лисичка родная,
Кто мне шерсти предложит?
Что и делать, не знаю.
Кто мне, бедной, поможет?..*

Как видно из этого эпизода Тоголок противопоставляет мир природы, выведенный в образе лисицы и мир человека — образ собаки. В этих условиях непосредственность, прагматичность и целесообразность природы, её естественных обитателей — диких зверей, которые вынуждены заботиться сами о себе и человека, который будучи интегрированным в сложную системы социально-экономических взаимоотношений, придаётся лени, надеется на помощь третьего лица со стороны и, в результате оказывается в состоянии сравнимом с тем, когда он решил не допустить в будущем затруднительного положения, а то и ещё более худшем. Так собака, поленившись всё лето закончила так:

*Ленивая эта Собака
Забыла, как выла, страдая.
За целое лето Собака
Не сшила себе доолдая!*

При этом, необходимо отметить, что к вопросу рационального использования природных богатств родной земли Тоголок обращался не единожды, но всегда такое обращение было не простым описанием, а требованием от земляка и соплеменника разумно вести свое хозяйство, кропотливо разрабатывая богатства родного края. В своих стихах акын пытается объяснить природные закономерности, увязать особенности каждого времени года с условиями и спецификой ведения кочевого хозяйства. При этом, не будучи ученым и просветителем в полном смысле и значении этого слова, тем не менее, важное просветительское значение его творчества не следует отрицать.

В наши дни, когда кочевое прошлое кыргызского народа уже ушло в область преданий оно является предметом изучения и исследований. Особенно важность этих процессов обостряется в наши дни, когда полным ходом идет глобализация, все шире и глубже разворачиваются интеграционные процессы. В этих условиях, возникает настоятельная потребность народу взглянуть в свое далекое былое, что

даст возможность, на уровне неизмеримо возросшего самосознания и с интернациональных позиций, осмыслить все ценное, прогрессивное, жизнеспособное, что было приобретено нацией на своём историческом пути и по ходу общественной эволюции. В этом и заключается назначение изучения устного поэтического творчества народа.

Сегодня, в условиях цивилизованного мира, все здравомыслящие люди, признавая важность социально-экономического использования природных ресурсов, придают большое нравственное значение охране окружающей среды и рациональному природопользованию, трепетному отношению к земле, ее недрам, озерам и рекам, растительному и животному миру. Больше взять от природы, не дав ей ничего взамен, сегодня уже не считается генеральной парадигмой развития цивилизации. На смену ей пришло

понимание необходимости жить с природой в полной гармонии, показывая на деле свою разумность. Это одна из актуальнейших и острых задач современного этапа развития Кыргызстана как суверенного государства.

Природа и ее компоненты являются национальным достоянием Кыргызской Республики, одним из основных факторов ее экономического развития. Конституция Кыргызской Республики гласит: «в интересах настоящего и будущего поколений в Кыргызстане принимаются необходимые меры для сохранения экологической безопасности, охраны научно-обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшение окружающей человека среды» [3, 56].

Список литературы:

1. Аманалиев Б. Общественно-политические и философские идеи Токтогула и Тоголока Молдо (дооктябрьский период). – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963. 228 с.
2. Библиотека всемирной литературы. Поэзия народов СССР XIX – начала XX века. Серия вторая. Том 102.
3. Конституция Кыргызской Республики (23 октября 2007). Бишкек: Изд-во Академия, 2007, С. 56.
4. Тоголок Молдо. (Абдырахманов Байымбет) Дорогой песен. М., 1960. С. 133.
5. Тоголок Молдо. Дорогой песен. М.: Молодая гвардия, 1960, с. 5–8.
6. Токтогул Сатылганов. Избранные произведения/Пер. с киргиз. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1950. – 108 с.

*Nakonechna Zoriana Ivanivna,
The Press Studies Research Institute of the Vasyl Stefanyk
National Scientific Library of Ukraine in Lviv, The National Academy
of Sciences of Ukraine Lviv, Ukraine, Junior Research Fellow
E-mail: n_zoria@ukr.net*

The peculiarities of formation of the repertoire of the periodicals of the concern "The Ukrainian press"

Abstract: The peculiarities of formation of the repertoire of the periodicals of the concern "The Ukrainian press", which functioned in Lviv during 1925–1939 yrs have been studied and newspapers and magazines of this concern have been characterized.

Keywords: the concern "the Ukrainian Press", I. Tyktor, periodical, daily, newspaper, magazine.

*Зоряна Іванівна Наконечна,
Научно-дослідницький інститут пресознавства,
Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника,
Національна академія наук України, Львів, Україна
младший научный сотрудник
E-mail: n_zoria@ukr.net*

Особенности формирования репертуара периодических изданий концерна «Украинская Пресса»

Аннотация: Исследовано особенности формирования репертуара периодических изданий концерна «Украинская Пресса», который функционировал во Львове на протяжении 1925–1939 гг., охарактеризировано газеты и журналы этого концерна.

Ключевые слова: концерн «Украинская Пресса», И. Тиктор, издание, ежедневник, газета, журнал.

Концерн «Украинская Пресса» (под этим названием) возник в г. Львове (Украина) 1934 г., однако издатель Иван Тиктор начал его создание намного раньше, а именно в 1925 г., когда он выкупил в Украинской военной организации убыточную газету «Новий Час» («Новое Время»; выходила с 1923 г.) и продолжил ее издавать единолично. Продав землю, оставленную ему в наследство, И. Тиктор выплатил все долги периодического издания и начал создавать издательский концерн. (Не будем подавать его биографию, поскольку о нем можно прочитать во многих энциклопедических и справочных изданиях [1; 2; 3].)

Газета «Новий Час» стала первым достижением концерна. Благодаря организаторскому таланту И. Тиктора (кстати, вплоть до 1929 г. он фигурировал и как редактор, и как издатель) она быстро достигла популярности (ее выписывали не только в Галиции, но и в США и Канаде) и заняла надлежащее место рядом из самым известным галицким ежедневником «Діло» («Дело»). В качестве редакторов прессы органа в разное время выступали Дмитрий Палиив, Осип Боднарович, а самый длительный период его редактировал Лев Чубатый (1930–1939 гг.).

О том, что газетой заинтересовались читатели, свидетельствует много фактов, например изменение периодичности (сначала она выходила дважды в неделю, а от 1932 г. и до конца существования (1939 г.) была дневником), рост тиража. Мы не будем акцентировать технических характеристик ни этого, ни других изданий концерна, поскольку детально об этом можно прочитать в историко-библиографических исследованиях Научно-исследовательского института прессы Львовской национальной научной библиотеки Украины им. В. Стефаника [4], энциклопедических и справочных изданиях, а уделим внимание их содержательно-тематическому наполнению и месту на прессовом рынке Украины на протяжении 20–30-х гг. XX в.

На протяжении 1923–1939 гг. газета «Новий Час» стремилась удовлетворить потребности разнообразной читательской аудитории. Ее можно определить как общественно-политическую, потому что освещала политическо-партийные, украинско-польские отношения, а также религиозно-церковную жизнь, просветительские, культурные, экономические вопросы, больше всего обращая внимание на актуальные общественные проблемы. На страницах издания публиковались художественные произведения украинских и зарубежных писателей, биографии известных политических деятелей, актеров, художников, писателей, немало места занимали рубрики с короткими информационными сообщениями и заметками. Редакция предоставляла преимущество этим журналистским жанрам, потому что они, не занимая много места, информировали обо всех актуальных событиях в жизни местного населения и за рубежом.

«Новий Час» содержал много разнотематических иллюстративных материалов, а также дополнения, некоторые из них появлялись на страницах основного издания

(«Право», «Ловецтво», «Пластовий прапор» и др.), некоторые — отдельно («Туристка і Краєзнавство» (1925), «Літературно-науковий додаток» (1937–1939) и др. [4]). Таким образом И. Тиктор стремился заинтересовать и общественно-политических, и культурных деятелей, и женщин, и детей.

В целом отметим, что эта газета была одной из наиболее читаемых, потому что в доступной форме предлагала ответы на всевозможные вопросы социума. Некоторые общественно-политические деятели считали ее «желтой прессой», но мы не согласны с такой характеристикой: как независимая от партий или общественно-политических организаций (большинство тогдашних политических структур «заботились» об определенном издании, что отражалось на его содержании), она пыталась незаангажировано, определенной мерой нейтрально характеризовать общественные события, поэтому читатель мог делать свои выводы.

В 1928 г. концерн начал издавать еженедельник «Народня Справа» («Народное Дело»). По определению редакции, эта газета стала «дочерью» «Нового Часа». Газету можно охарактеризовать как прикладную, предназначенную для конкретной читательской аудитории — крестьян и их семей. Основная тема на ее страницах — эффективное ведение крестьянского хозяйства, а также представление практической помощи крестьянам — для подписчиков было введено страхование домашнего скота. Кроме того, на страницах газеты в доступной форме рассматривались общественно-политические проблемы украинцев, освещались основные мировые события, в ней публиковались сатирико-юмористические материалы, а также материалы, предназначенных специально для женской аудитории. Пристальное внимание редакция уделяла вопросам образования, самообразования, в частности призывала создавать в селах общества борьбы с неграмотностью, ей удалось найти подходы, чтобы заинтересовать крестьян просветительскими идеями. Газета продержалась вплоть до начала Второй мировой войны и достигла неслыханного для тех времен тиража — 40 тыс. экземпляров.

Ежемесячно (отдельные номера — один раз в два месяца) в 1931 г. И. Тиктор начал издавать журнал для украинских детей дошкольного и младшего школьного возраста «Дзвіночок» («Колокольчик»; редактор — И. Тиктор, впоследствии — Ю. Шкрумеляк). Издание, как и предыдущие, просуществовало до 1939 г. Основное задание журнала заключалось в распространении среди детской читательской аудитории понимания необходимости самообразования. Его содержание представляли публикации воспитательного, познавательного и развлекательного характера, много художественных произведений. В журнале дети в доступной форме могли прочитать об истории своей страны, религиозных праздниках, выучить отдельные слова на немецком и английском языках. Все материалы сопровождали качественные иллюстрации, автором которых был Эдвард Козак. В 1937 г. при редакции журнала выходила библиотека для молодежи «Ранок» («Утро»).

Чтобы привлечь читателей, к журналу выходили бесплатные приложения. И. Тиктор стремился сделать это издание доступным для самых бедных детей, поэтому подписка была маленькой — всего два золотых на год. Благодарные детские заметки даже из-за границы (Аргентина, Австралия, США), которые редакция постоянно публиковала под соответствующими рубриками, свидетельствовали, что изданием интересовалось много читателей. В целом этот журнал заметно повлиял на распространение самообразования среди украинской молодежи, формирование ее проукраинской общественно-политической позиции в обществе.

Следующим этапом в деятельности И. Тиктора стал выход иллюстрированной газеты «Наш Прапор» («Наш Флаг»; редакторы — Иван Тиктор, Лев Чубатый, Михаил Струтинский, Григорий Стецюк), которая начиная от 29 декабря 1932 г. дважды в неделю, а от 1936 г. через день широко освещала как украинские, так и мировые общественно-политические и экономические события, важнейшие новости из жизни культурно-просветительных, спортивных обществ (существовала до 1939 г.). Основная цель газеты заключалась в формировании национальной гражданской позиции у читателей, потому именно общественно-политическая аналитика занимала центральное место среди публикаций издания. Кроме того, в издании печатались статьи-советы хозяйственного характера, литературные, театральные, спортивные новости, художественные произведения малых жанров, а также фельетоны. В целом эта газета в отличие от предыдущих изданий И. Тиктора была рассчитана на подготовленного читателя, который интересовался научными и научно-популярными материалами разнообразной тематики.

Подписчики «Нашего Прапора» ежемесячно бесплатно получали книгу «Украинской Библиотеки», которая была основана при редакции этой газеты. Она, как и другие издания концерна, имела ряд приложений, например: «Рідне слово» («Родное слово»), «Музикальна бібліотека» («Музыкальная библиотека»).

Следующее издание концерна — образец высокого уровня сатирико-юмористической прессы — журнал «Комар». От 1933 г. (первое число вышло 1 января) он захватывал своих читателей острой критикой тогдашнего общественно-политического строя, высмеивал при необходимости экономическую, культурную жизнь галичан. Сначала еженедельник редактировал Лев Чубатый, а с 1938 г. — Эдвард Козак.

«Комар» постоянно «страдал» от цензуры польского правительства, но часто с помощью юмора авторскому коллективу удавалось приспать бдительность цензоров. Публикации подписывались псевдонимами и криптонимами, иногда даже редакционный коллектив не знал настоящую фамилию автора статьи, поэтому большинство из них так и остались нерасшифрованными до сих пор. Претензии к «Комару» излагали не только цензоры, но и другие журналы, в частности, В. Целевич в газете «Діло» неоднократно

отмечал некомпетентность редакции и желание только финансовой выгоды (кстати, это касалось не только сатирико-юмористического журнала, но и всех остальных изданий И. Тиктора). Однако должны не согласиться с В. Целевичем, поскольку высокие тиражи свидетельствовали, что украинцам необходимо было именно такое издание.

Еще два периодических издания концерна — газета «Наш Лемко» (1934–1939) и журнал «Українська ілюстрація» («Украинская иллюстрация»; 1934).

Политико-краеведческий двухнедельник «Наш Лемко» издавался, как свидетельствует название, для лемков — этнографической группы украинцев, которые проживали преимущественно в Карпатах и Закарпатье. Используя и говор, и литературный украинский язык, авторский коллектив стремился донести основные общественно-политические события лемкам, которые раньше не имели собственного периодического издания, предоставлять им советы в ведение домашнего хозяйства, пропагандировать просвещение, подавать литературные произведения. Принимая во внимание читательское назначение много статей освещали проблемы, с которыми сталкивалась именно эта этническая группа, преграды, создаваемые польской властью, для ее развития (порой — даже для существования). В разное время газету редактировали М. Таранько, Б. Бородайко, Ю. Тарнович, И. Тиктор.

В 1934 г. к 10-летию своей издательской деятельности и выхода в свет первого номера «Нового Часу», И. Тиктор начал издавать художественный журнал «Українська ілюстрація» («Украинская иллюстрация»). Невзирая на надежду издателя, что этот журнал заполнит пробел, существующий на рынке украинского издательского дела, вышел только один номер (7 января). (Кстати, это единственный проект И. Тиктора, который сразу же прекратил существование.) Его содержание представляли многочисленные иллюстрации, статьи художественной тематики, а также несколько публикаций, посвященных концерну «Украинская Пресса».

В целом в концерне издавалось семь периодических изданий, шесть из которых просуществовали до 1939 г. и были закрыты через известные исторические события — начало Второй мировой войны, и только «Українська ілюстрація» предоставлена одним номером, хотя планировалась как месячник. За тематическим наполнением — три из них были общественно-политическими, однако отличались читательским назначением и, соответственно, способом изложения материалов: «Новий Час» — для массового читателя, «Наш Прапор» и «Комар» — для подготовленной аудитории. Две газеты можно отнести к просветительским изданиям: «Народня Справа» — для крестьян, «Наш Лемко» — для этнографической группы украинцев. Один журнал — «Дзвіночок» — предназначался детям, по целевому назначению его можно классифицировать как просветительский и воспитательный. Один журнал — «Українська ілюстрація» — был сугубо художественным. Таким образом, можем утверждать, что И. Тик-

тор стремился удовлетворить информационные потребности различных социальных и возрастных групп читателей. Относительно формы воплощения его издательских проектов — газеты с частой периодичностью (от двухнедельника («Наш Лемко») до ежедневника («Новий Час»),

как журналы выходили только «Дзвіночок» и «Українська ілюстрація».

Стоит отметить, что в концерне издавались также календари и много научных, научно-популярных и художественных книг.

Список литературы:

1. Іван Тиктор: талан і талант: монографія/Н. Зелінська, Л. Сніцарчук, Е. Огар та ін.; кер. авт. кол. О. Думанська. – Львів: Українська академія друкарства, 2007. – 240 с.
2. 30-ліття видавничої діяльності І. Тиктора. – Вінніпег, 1953.
3. Якимович Б. Тиктор Іван Микитович/Б. Якимович //Українська журналістика в іменах: матеріали до енциклопед. слов. – Львів, 1996. – Вип. 3. – С. 291–298.
4. Українські часописи Львова 1848–1939 рр./уклад.: М. М. Романюк, М. В. Галушко. – Львів, 2003. – Т. 3, кн. 1: 1920–1928 р.; Т. 3, кн. 2: 1929–1939 р.

Section 2. Cultural studies

Shahla Badir Naghiyeva,

Correspondence: Department of Literature of the Foreign Countries,

Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan

E-mail: shnaghiyeva@adu.edu.az, nshahla1@mail.ru

Maintenance of meaning and form in poetry translation

Abstract: The article has been written on the author's research experience as a Fulbright Visiting Scholar Program winner in collaboration with the US poet-translators of the East Carolina University and George Mason University and collaboration with Alison Mandaville, a poet translator, Visiting Fulbright Scholar hosted by the Department of Literature of the Foreign Countries of Azerbaijan University of Languages. Possibility of keeping form and meaning of a poem in translation from Azerbaijani into English and vice versa is focused on in this article.

Though dialectical combination of the meaning and form of poetry in translation is required and when deep meaning and philosophical-poetical content is expressed with perfect form its power of influence is more emphatic specificity of the Eastern poetry differing from the other poetries with richness and colourfulness makes it inevitable to give some losses in translation of poetry. Translators give preference to giving some sacrifice from form of the poem in case strictly adhering the meaning of the poem.

Keywords: Form, meaning, richness, colourfulness, Eastern poetry.

Throughout history peoples of the world have had great interest to other peoples' lifestyle, art and culture. The role of translation is undeniable in establishing ties among the cultures.

Hence, the translator will have to bridge the gap, small or large, between two cultures. Culture is to be understood not only in the narrower sense of man's advanced intellectual development as reflected in the arts, but also in the broader anthropological sense of all socially conditioned aspects of human life, as a totality of knowledge, proficiency and perception. Culture has thus to do with common factual knowledge, usually including political institutions, education, history and current affairs as well as religion and customs [7, 27].

Since translation is recognized as an act of culture-specific communication, a translator is the 'first reader' of the other culture as is shown in the foreign language text and he is expected to present the other in a primary process. It should be also mentioned that for the translator learning to translate means 'learning to read', i. e. to produce meanings which are acceptable for the cultural community the reader belongs to [11, 128].

According to Tytler "Translation should give complete transcript of ideas of the original work" [10] Is it always possible?

Unlike translators of other works, a translator of a literary text should be self-expressive. He should leave traces of his own character just as an artist leaves his own impressions in his paintings. To this effect, the literary text translator has a high degree of freedom in transferring a text from one language into another. [9, 107].

There is much to be mentioned about the role of translation of literature of the peoples into the languages of the other nations to benefit from one another's literary world.

Poetry being the leading branch of literature of any nation expresses the feelings, emotions, imaginations of the poet on the given topic in a romantic way specific to each culture and language. So translation of poetry requires special talent of a poet from the translator to express the poet's product appropriately in the target language.

Poetry is an art, and chief of the fine arts; the easiest to dabble in, the hardest to reach true perfection [1].

The word poetry comes from the Greek word "poiesie" meaning "make". Different from its meaning acquire today it was used to all literary genres that were considered to be product of the imagination. Poetry created by ordering meter, rhythm, rhyme of every language to reflect the spirit and lifestyle of every nation is great moral wealth belonging to them. How about changes taking place in translation of poetry having such specific features into the world languages? Is it possible to keep all its peculiarities while translating? Undoubtedly, no. Should meaning of a poem be sacrificed to its form, or vice versa in translation?

The answer to all these question maybe the same or a bit different due to the characteristic features of every language. Especially translators should be careful when translating Eastern poetry differing from the other poetries with richness and colourfulness. Because beginning from the ancient times the Eastern poets have paid special attention to the form of the poems along with the depth of the meaning and content, in other words, they felt the dialectical combination

of the meaning and form and did their best to reflect it in their works.

When deep meaning and philosophical-poetical content is expressed with perfect form its power of influence is more emphatic. It is believed that verse strategy is close to the original form of the text than that of prose. Verse strategy gives us an opportunity to enjoy and experience figures of speech [1]. Beauty of the poetic form has had special importance in the Eastern poetry, Azerbaijani poetry as well and this feature has always been focused on by the translators translating our poetry into English. The samples translated into English from Azerbaijani poetry are the best sources to put light on the above-mentioned questions. Below is given a part from the poem entitled "Pride" written in free verse form by Langstone Hughes translated into Azerbaijani by Vahid Arabov in which a fourteen-line poem has been given in 28 lines each 6 stanzas consisting of four lines and the last two of 5 lines:

Let all who will
Eat quietly the bread of shame
I cannot!

Without complaining loud and long
Tasting bitterness in my long throat?
And feeling to my very soul?
It's wrong!

For honest work
You prefer my poor pay.
For honest dreams,
Your spit is on my face!
And so my fist is clenched
Today
To strike your face!

V. Ərəbin tərcüməsi:

Qoy hər kəs yeyir, yesin
Asan, minnətli çörək
Belə haram çörəyin
Axırı nədir görən?

İnsanın varlığına
Zəhərdir haram çörək.
Kişi olan heç zaman
Onu yeməsin görək.

Ey könül mətin dayan!
Bil ki, o yemək deyil.
Sən bir parça çörəkçün,
Nə alçal, nə də əyil.

Halal duz-çörək üçün
Az pul verin siz mənə.
Ancaq minnət vurmayın,
Deməyin bir söz mənə.

Sənsə özgə malından
Özünə tac qurmusan,
Mənim qanımı içmiş,
Bu günsə qudurmusan.

Milyonların puludur,
Özünə xərclədiyin.
Minlərin göz yaşdır,
Şərab kimi içdiyin.

Mənsə yavan çörəklə,
Dolanaram, bil ancaq
Bu gün yumruqlarımı
Uda bilməyəcəksən,
Boğazında qalacaq! [6]

Regarding the maintenance of meaning the translator's feeling of the poem on its own prevailed over the real meaning of the poem. Consequently, the poet's rebellion against eating bread not earned with labour has not been expressed properly.

Even the title of poem is "Pride (Qürur)" in Azerbaijani language has been translated as "iftixar" which does not express the content of the poem.

In case the poem written in free verse form in original is possibly translated into Azerbaijani language rich with literary devices in syllabic verse form, it should not be regarded as distortion in translation. But making unnecessary additions to the original by changing structure in translation is betrayal from the side of translator.

On the contrary, the more clearly and accurately the meaning in the original is expressed in translation the more we can talk about the success of the translator.

According to E. Etkinds "accurate translation" is rarely possible. Poetry translation is not possible without losses and changes... The main thing in poetry translation is that the translator should be well-aware of the sacrifices he/she gives in certain cases [2].

The translation is considered to be unsuccessful if the form of the poem is changed for the sake of rhyme and express the meaning of the original indirectly.

We can offer another translation version of the poem we have talked about:

İştahla yeyirsə haram çörəyi
Yeyənlər qoy yesin,
Mən bacarmaram.

Tələ acısını daddım hər zaman
Haqsızlıq görəndə etmədim üsyan
Urək də dərk edir bu həqiqəti
Olanlar hamısı yanlışlıq, yalan

Halal əməyimin dəyərini sən
Heç vaxt acgöz ağam, görə bilməzsən.
Şirin xəyallarım saf, təmiz ikən
Tüpürüb onlara ləkə saldın sən

Sən indi hazır ol, növbə mənimdir,
Güclü yumruqlarım üstünə gəlir.
(translated by the author)

The meaning of the original has been maintained on one hand, the form has had considerably less loss compared to the above-shown translation of the poem.

Another poem by Langstone Hughes translated by V. Arabov has been given in the same book with the above-mentioned poem. Different from translation of the poem "Pride" translation of the following poem is much more successful in terms of maintaining the spirit of the poet and less has been sacrificed in both- meaning and form of the poem:

It was long time ago.
I have almost forgotten my dream
But it was there then,
In front of me,
Bright like a sun, —
My dream.

Translation:
Uşaq idim, bilmirdim,
Xəyal nədir, arzu nə?
Arzum günəşlə birgə
Boylanırdı üzümə. [6]

While translating poems by the outstanding figure of the British poetry W. Blake with poetry rich and deep philosophically translators should be careful to keep harmony of form and content, and feel the spirit of the poet. Anyway, giving some loss from the original in translation for the sake of presenting the philosophy expressed in the poem is inevitable.

Below is an example to support this view:
Pity would be no more,
If we did not make somebody Poor:
And Mercy no more could be,
If all were as happy as we.

Translation:
Kasıblar olmasa dünyada əgər,
Təəssüf hissi də heç yaranmazdı.
Hamı doğulsaydı xəşbəxt, bəxtəvər
İndi nə mərhəmət, nə rəhm vardı. [12]

Fidelity of the translator in keeping the form and meaning of the original is obviously seen. In translation of another poem entitled "Infant Sorrow" (Körpə kədəri) by the poet the translator had to make some changes in the form of poet for the sake of maintaining the meaning:

My mother groaned, my father wept,
Into the dangerous world I leapt;
Helpless, naked, piping loud,
Like a fiend hid in a cloud.

Struggling in my father's hands,
Striving against my swaddling bands,
Bound and weary, I thought best
To sulk upon my mother's breast.

Translation:

Atam qüssələndi, inlədi anam
Bu müdhiş dünyaya can atdığım an.
Qışqıra-qışqıra, aciz və üryan,
Sanki buludları yarırdı şeytan,

Ata qollarında üsyan etlədim,
Çırpınıb özümə yuva dilədim.
Duydum ki, aləmi бүрүсə də nur
Ən işıqlı dünyam ana qoynudur [12]

The poem reflects the process how a child is born. Translation of the second stanza of the poem has been given a bit differently from the original. In the lines

Bound and weary, I thought best
To sulk upon my mother's breast

the poet thinks that the best thing for him is sulking upon his mother's breast. Translator has expressed this meaning this way: though the world is full of light the most peaceful and light shelter for the baby is mother's breast which makes the poem more emphatic.

Translator should never forget that "form of the poem acquires some meaning when it serves to deliver the content" [4, 137].

L. A. Bunin dealt with keeping adequacy in the following way: "When translating I did my best to be close to the author's text, keep simplicity of the language, comparisons and epithets, repetition of the words, even the number of lines and their rowing. But it was not so easy." [5, 41–42].

Difference is never pure, no more so in translation, and for the notion of translation we would have to substitute a notion of transformation: a regulated transformation of one language by another, of one text by another. We will never have, and in fact have never had, to do with some 'transport' of pure signifieds from one language to another, or within one and the same language, that the signifying instrument would leave virgin and untouched [3, 4].

To sum up, notwithstanding the fact that form of a poem is as important as the meaning of it, some loss is inevitable in form of the poem rather than the meaning which should strictly be maintained in translating poetry from Azerbaijani into English.

References:

1. Stedman E. S., <http://www.quotes.net/quote/39365>
2. Еткинд Е. Г. Поезия и перевод//Мастерство перевода М-Л.: 1963.
3. Jacques Derrida (1981: 4, Derrida, J. (1981) Positions, trans. Alan Bass. Chicago: University of Chicago Press
4. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М., стр. 137.
5. Мастерство перевода. М.1962, 1963, 1963, 1968, 1969, 1970, 1974, 1975, 1996. S. 41–42.
6. “Poetik tərcümələr”, Xəzər Universitəsi, 2006.
7. STUDIES ABOUT LANGUAGES. 2002. NO. 3 Cultural Issues in Translation Anna Ginter, p. 27, 31 p.
8. Shiyab Said M., A Textbook of Translation. Theoretical and practical implications P. 107, 191 p.
9. Shiyab Said M., A Textbook of Translation.Theoretical and practical implications, Antwerpen: Garant; London, 2006. P. 111, 191 p.
10. Tytler Alexander Fraser, Essay on the Principles of Translation, 1979, London: J. M. Dent, DOI: 10.1075/hl.6.2.09ste
11. Wolf, M. (1997). Translation as a process of power: Aspects of cultural anthropology in translation, in: Snell-Hornby, M. Jettmarova, Z. Kaindl, K. (ed.. Translation as Intercultural Communication, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia.p. 128.
12. www.translit.az

Section 3. Linguistics

Khrisonopulo Ekaterina Yurievna,
Saint-Petersburg State University of Culture,
Candidate of Philology, the Faculty of World Culture,
Department of Foreign Languages and Linguistics
E-mail: hrisonopulo@mail.ru

The interactive dimension of personal reference in dialogic responses: the case of *I bet* and *you bet* in English

Abstract: The proposed paper explores motivations for contrastive uses of English first- and second-person pronouns as constituents of the clauses *I bet* and *you bet* in dialogic responses. As evidenced by linguistic data, both pronouns contribute — in different ways — to the expression of communicative support by shaping the clauses with *bet* as interactively aligned utterances.

Keywords: personal pronoun, dialogue, communicative support, speech event, interactive alignment, epistemic state.

The proposed paper aims to reveal motivations for contrastive uses of English first- and second pronouns as clausal subjects in dialogic communication. Traditionally, the pronouns *I* and *you* are treated as the basic items of personal deixis whose function consists in reference to the speaker and the addressee, respectively. However, a number of the pronouns' uses in actual communication suggest that reference alone may not provide sufficient basis for choosing a particular pronoun as a clausal subject. A case in point is the distinction between *I* and *you* when the pronouns make part of the expressions *I bet* and *you bet* in dialogic responses, as in (1) and (2):

(1) 'I couldn't say no to an offer like that.' — "I'll bet!" (www.macmillandictionary.com/dictionary/british/bet).

(2) 'Are you coming too?' 'You bet.' (www.macmillandictionary.com/british/bet).

According to Macmillan English Dictionary [7], that provides the above examples, the expressions *I bet* and *you bet* convey the meanings specified here in (1a) and (2b):

(1a) *used for saying that you understand or agree with what someone has just said;*

(2a) *used for saying 'yes' in an enthusiastic way.*

Both definitions are obviously very similar and suggest that — independently of which pronoun is actually used — the collocation of the pronoun with *bet* is intended to convey a kind of "epistemic support" to the initial speaker. On the other hand, *I bet* and *you bet* receive contrastive definitions in cases like (3) and (4):

(3) 'I'm going to tell her what I think of her.' 'Yeah, I bet!' (www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/bet_1).

(4) 'Are you nervous?' 'You bet!' (www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/bet_1).

According to Oxford Learner's Dictionaries [8], *I bet* and *you bet* in (3) and (4) convey the meanings given in (3a) and (4a):

(3a) ... *to tell somebody that you do not believe what they have just said;*

(4a) ... *used instead of 'yes' to emphasize that somebody has guessed something correctly or made a good suggestion.*

The uses of *I bet* and *you bet* in (3) and (4) show that whereas the first one conveys disagreement, the latter one, again, functions as a way of saying 'yes'. Besides, whatever the communicative import of the expression employed in response, it is obviously not directly related to the actual reference of the 1st or the 2nd person pronoun. In all the four mentioned examples it is the *speaker's* agreement or disagreement which is expressed, not the addressee's. This implies that the contrast between *I* and *you* as constituents of the respective collocations goes beyond a purely referential distinction.

The proposed study of non-referential values conveyed by English *I* and *you* has involved addressing the following four theoretical points: (a) E. Benveniste's [1] suggestions on the functional properties of personal pronouns, namely, double reference of the first- and second-person pronouns manifested through their pointing to speech-event participants via prior evocation of "the instance of discourse" and close interrelatedness of *I* and *you* in "the correlation of subjectivity"; (b) a cognitive grammar account of personal pronouns suggested in R. Langacker [3; 4; 5; 6] that posits the latter's association with conceptual content on the basis of their relation to the ground, the current discourse space (CDS) and intersubjectivity; (c) the assumption, substantiated in Stewart *et al.* [12] on the crucial role of dialogic interactions and coordinating activities in the generation, shaping and enactment of meaning; (d) the theoretical approach suggested in the studies of

E. Sidorov [9; 10; 11] that contain an account of linguistic phenomena from the perspective of activity theories of cognitive processes and speech phenomena and that posit the principle of communicative coordination and interactive alignment as the basic mechanism for the speaker's and addressee's activities in communication in general and for the interlocutors' choices of linguistic items (including pronouns) in particular.

In what follows, the paper discusses contrastive uses of *I bet* and *you bet* with special focus on particular contribution of the pronouns to the meaning of the expressions in dialogic responses. The analyzed data come from two main sources: the corpus of spoken English represented in the British National Corpus (BNC) [13] (500 examples); online dictionaries of Contemporary English [7; 8; 14; 15] (75 examples).

The first step of analysis has involved assessing the **communicative import** of utterances in turn-initial position. At this first step it has been established that *I* and *you* are used alternatively in dialogic responses in two usage types: in reactions to oral narratives, as in (1); in responses to the previously expressed direct or indirect questions, as in (2) and (4).

Within these two usage types the collocation with *I* occurs in reactions to oral narratives, whereas the clause with *you* comes as a response to the first speaker's question or some form of expressing uncertainty. At first sight, there is no obvious rationale behind this distribution of responses, since the speaker (*I*) takes epistemic commitment in the form of betting about the story s/he doesn't know, and, on the other hand, the act of commitment-taking is suggested to the addressee (*you bet*) in a situation where it is nearly impossible to do it because of the addressee's uncertainty.

In accounting for the rationale behind the seemingly illogical uses of *I bet* and *you bet* it is necessary to identify the communicative needs that are either explicitly or implicitly signaled by utterances in turn-initial positions. In most general terms, a communicative need, or motive, makes an integral part of an utterance as a unit of speech activity, which, in turn, is included into a particular speech event as a unit of communication [10, 109–127]. Following the assumption that an utterance in a communicative event presents a unit of an **interactively aligned speech activity** (see, for instance, [9, 72; 10, 84]), the use of the pronouns *I* and *you* as clausal subjects may be plausibly considered as linguistic items that contribute to this alignment or, more specifically, **respond to the communicative need**, as conveyed by an utterance in the turn-initial position.

Coming to the identification of the mentioned communicative needs at the second stage of analysis, it is supposed that such needs can be conveyed — both directly and indirectly — either in the initial speaker's utterance or in the second speaker's response, for instance, in case of echoing or elaborating some aspects of the previously expressed content.

The corpus of dialogues that contain oral narratives in turn-initial utterances and that elicit (as mentioned previously) responses with *I bet* suggest that the primary communicative need

of the one who tells a narrative is to be listened to and be understood by an interlocutor. Obviously, this need is understood by the initial speaker's interlocutor in example (5):

(5) '*They're a pretty depressed lot at the moment*' ***I bet*** *they are. They have nothing to do. Not much to look forward to ...*' (BNC).

In mentioning a negative emotional state of the people in (5) the initial speaker wants to make the narrated story part of dialogically negotiated "shared knowledge". The co-speaker reacting to the story with *I bet* signals — through the very use of *I* — that he activates, or **enacts, a speech event** and that he is thus cognitively and communicatively involved in the further discussion of this story. Moreover, this communicative support is elaborated in the subsequent utterance where the second speaker provides some explanation of the people's depressed state. Similarly, the use of *I* in *I bet* helps to express communicative support in example (6):

(6) '*... she wanted to watch this film. I said no, you don't get into bed you know?*' 'Yeah.' '*She was asleep within ten minutes.*' ***I bet!*** *Best way er.*' (BNC).

In the given example, the initial speaker directly addresses his interlocutor to support the statement that there was no way of getting to bed while watching TV. The requested support comes from the second speaker who says *I bet* and further confirms the negotiated idea by calling it "best way".

What the given examples in (5) and (6) have in common is that the 'I' of the co-speaker is implicitly requested to make the corresponding oral narrative part of **shared knowledge as a necessary prerequisite for further communicative interaction**. On the other hand, it remains unclear why the first-person pronoun collocates with *bet* if there is no actual betting on the part of the speaker. Besides, there are no obvious reasons for choosing the first-person pronoun as a way of activating the "instance of discourse", since the latter can be equally enacted by *you*.

One of the possible answers to the posited questions is that enaction requires intentionality and if, following Gallagher [2], one assumes that it is the consciousness of 'self' which is associated with the sense of agency and "ownership for action" it is only natural to use *I* (rather than *you*) for signaling **the intentional evocation of a speech event**. Besides, **the enaction of intentionality with the use of *I* obviously entails the evocation of the intentional component in the meaning of the verb *bet***. This intentional component is specified in Oxford Learner's Dictionary [8], as shown in (7):

(7) *bet*: ... *trying to predict the result*.

The cited part of the definition "trying to predict the result", in turn, presupposes the ability to imagine the situation in question and to grasp its essence. Thus, according to The Longman Dictionary of Contemporary English Online [14], the phrase *I bet*, used as a response, conveys the sense specified in (8) and illustrated by examples in (8a) and (8b):

(8) *you understand or can imagine the situation that someone has just told you about.* (www.ldoceonline.com/dictionary/bet_1).

(8a) 'God, I was so angry.' 'I bet you were.' (www.ldoceonline.com/dictionary/bet_1).

(8b) 'It makes things much easier.' 'Yeah, I'll bet it does.' (www.ldoceonline.com/dictionary/bet_1).

In other words, owing to the enaction of intentionality in uses of *I* as part of *I bet*, saying *I bet* amounts to saying *I imagine*, and this is precisely what is needed by an author of an oral narrative. When a participant of a conversation can bet and thus intentionally imagine something he or she sounds empathetic and supportive, as in the following conversation:

(9) 'Ah, we were pleased, Daddy and I' "I bet you were." (BNC).

The co-speaker's imagining the narrative is especially needed when it contains a description of some unusual circumstances, as in (10):

(10) 'I started to come round when they put me on the slab. I was lucky not to go straight in the fridge, I tell you.' 'I bet!' 'The word 'autopsy' kept running through my mind. You know? But they were at the end of their shift. They closed the old door behind them and there I was alone with a few dozen stiffs. Assuming they were stiffs and not a fresh consignment of medical mistakes.' (BNC).

In (10), the narrator speaks about having been taken for a dead person in hospital and about his escaping the fridge by a mere chance. The phrase *I bet* which comes as a reaction to the story from the co-speaker signals the latter's active involvement in the narrated plot through the act of intentional mental visualization and thus — through giving an epistemic guarantee (*I bet*) that the story is plausible. In other words, the *I* of *I bet* functions as a **trigger of the interlocutor's communicative support**, which stimulates further narration.

Obviously, triggering intentionality through the use of *I* would also involve **evocation of actual**, rather than fictional, or virtual **reality**. As a result of this, in cases when a turn-initial utterance describes from an interlocutor's viewpoint — an unreal or improbable situation, as it was in example (3) earlier, the response *I bet* would integrate two senses: the ego's intentional evocation of actuality (*I*); the ability to imagine an actual situation as opposed to the one described (*bet*).

As a result of combining these two senses, the response *I bet* can convey irony or sarcasm, as in (11) and (12):

(11) 'I'm definitely going to give up smoking this time.' 'Yeah, I bet!' (www.ldoceonline.com/dictionary/bet_1).

(12) 'And so I promise lower taxes and a better world for everybody,' the candidate said. 'I bet,' muttered John (www.wordreference.com/definition/bet).

The irony of *I bet* in both cases is reflected in the corresponding dictionary definitions given in (11a) and (12a):

(11a) *Used to show that you do not believe what someone has just told you* (www.ldoceonline.com/dictionary/bet_1).

(12a) *Used to express sarcasm, or to show disagreement* (www.wordreference.com/definition/bet).

Interestingly, the expression of irony or sarcasm puts a constraint on the combinability of *bet* with the second-person pronoun *you*. Of special interest here is the reason behind

that constraint, considering that in cases like (11) and (12) it is the statement (and, in a way, "betting") of the addressee (*you*), not the speaker's (*I*), which is the object of irony. The constraint can probably be explained with reference to the communicative value of *you* in collocation with *bet*.

As mentioned earlier with reference to examples (2) and (4), the use of *you bet* as a response contributes to the confirmation of what has been previously suggested in an uncertain manner. This suggests that the very use of *you* in a dialogic response signals the addressee orientedness of the respective utterance, or its **interactive alignment** with the interlocutor's needs. The need in question is that of having more certainty about the issue being discussed. The use of *you* in this context qualifies the interlocutor as a **salient participant of a speech event**, whereas the use of *bet* ascribes an action to the addressee ("betting") which is necessary for regaining the state of certainty. In other words, saying *you bet* is supposed to communicate more confidence to the addressee in a negotiated situation.

Usually uncertainty is expressed in the form of a question. It can also be conveyed by a clause that refers to a speaker's supposition, as in (13):

(13) 'I suppose you are right,' the young hedgehog allowed. [...] 'You bet your bristles I'm right,' Ferd replied (BNC).

The expression *you bet* may appear in responses even when there is no explicit reference to the first speaker's state of uncertainty, for instance:

(14) 'We can't let her go alone,' he said to Jack. 'You bet we can't!' Jack hurled himself down and Ho followed (BNC).

In (14), the pronoun *you* identifies the addressee not only as a participant of a speech event, but as the subject of an epistemic state. In this case, the undertaking of the announced action (= not letting a third person go alone) requires that the first speaker be certain that he would be right in doing so. The response *you bet* obviously contributes to settling the epistemic problem through the integration of two dialogic instructions: (a) establishing the addressee as a focus of attention (*you*) in an epistemic (or mentally represented) situation; (b) attributing to the addressee potential epistemic commitment taking (*bet*), which in turn presupposes **communicative enactment of an epistemic state** that is requisite for the performance of the announced action.

The analyzed examples show that there are both differences and similarities in uses of *I* and *you* in collocation with *bet*. Both pronouns act as **triggers of a speech event**, which puts the content of the initial utterance onto the plane of shared knowledge. On the other hand, whereas *I* enacts the intention of one's self in imagining the negotiated content and placing it in the sphere of actuality, the use of *you* places the interlocutor into the sphere of epistemic (or virtualized) reality where the potential act of betting is intended to stabilize or alleviate the state of uncertainty.

The function of *you* as a trigger of enaction of an epistemic state becomes salient when the initial speaker does not resort to the explicit verbalization of uncertainty, as in (15) and (16):

(15) Merrill smiled. 'Well, see you in church, as they say.' **You bet.** I'll be there with bells — as they say,' Rob laughed. 'Wedding bells.' (BNC).

(16) 'Now you look like everyone else!' he complained. 'You look like every other shop girl!' 'No, I do not, Patsy!' Ellie retorted. 'No shop girl could afford this style! This style is the very height of fashion!' **You bet,** Patsy said. 'And where are you planning to show it off? At Sunday lunch? When Pa gets home?' (BNC).

In (15), *you bet* functions as a response to the implicit uncertainty on the part of the first speaker that the characters would get married. On the other hand, the use of *you bet* in (16) provides some communicative support to the initial

speaker by informing the latter that she could have some certainty (*you bet*) about acceptability of her disputable opinion.

Results of the conducted analysis suggest that contrastive uses of first- and second-person pronouns in collocation with the verb *bet* are motivated by the needs of communicative interaction rather than by reference to different speech-event participants as such. As constituents of complex linguistic expressions (such as *I bet* and *you bet*) the pronouns function as enaction triggers of experiences and states that are requisite for maintaining — through communicative support — further dialogic interactions.

References:

1. Benveniste E. Man and language//Benveniste E. Problems in general linguistics. Transl. by M. E. Meek. – Coral Gables: Florida: University of Miami Press, 1971. P. 195–246.
2. Gallagher S. Philosophical conceptions of the self: implications for cognitive science//Trends in Cognitive Science. 2000. Vol. 4. N 1. P. 14–21.
3. Langacker R. W. Discourse in cognitive grammar//Cognitive Linguistics. 2001. Vol. 12. N 2. P. 143–188.
4. Langacker R. W. Remarks on the English grounding systems//Grounding: the epistemic footing of deixis and reference [ed. F. Brisard]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 29–38.
5. Langacker R. W. Constructing the meanings of personal pronouns//Aspects of meaning construction [ed. G. Radden, G-M. Kopcke, N. Berg, P. Siemund]. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 171–187.
6. Langacker R. W. Interactive cognition: toward a unified account of structure, processing and discourse//International Journal of Cognitive Linguistics. 2013. Vol. 3. N 2. P. 95–125.
7. Macmillan English Dictionary [Electronic resource]/Macmillan Publishers Limited//Macmillan Dictionary Online: [site]. – Electronic data. Great Britain; USA, 2009–2014. – URL: <http://www.macmillandictionary.com>. – Title from screen (accessed 15.11.2014).
8. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]/Oxford University Press//Oxford Learner's Dictionaries Online: [site]. – Electronic data. Oxford, 2014. – URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Title from screen (accessed 18.11.2014).
9. Sidorov E. V. Ontologiya diskursa [The ontology of discourse]. -Moscow: Librokom, 2009.
10. Sidorov E. V. Rechevaya kommunikatsiya: fundamentalniye neobkhodimosti [Speech communication: the fundamental necessities]. – Moscow: Russian State Social University, 2010.
11. Sidorov E. V. Poryadok teksta [The order of text]. – Moscow: Russian State Social University, 2011.
12. Stewart J., Gapenne O. and Di Paolo, E. A. (eds.). Enaction: toward a new paradigm of cognitive science. – Cambridge, Mass., London, England: The MIT Press, 2010.
13. The British National Corpus [Electronic resource]/BYU – BNC: British National Corpus; Ed. M. Davies//BYU – BNC: British National Corpus: [site]. – Electronic data. USA, Brigham Young University, 2007. – URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>. – Title from screen (accessed 10.11.2014).
14. The Longman Dictionary of Contemporary English [Electronic resource]/Pearson Education Limited//The Longman Dictionary of Contemporary English Online: [site]. – Electronic data. United Kingdom, 2014. – URL: <http://www.ldoceonline.com>. – Title from screen (accessed 03.11.2014).
15. WordReference.com [Electronic resource]/USA; Ed. M. Kellogg//WordReference.com. Online Language Dictionaries: [site]. – Electronic data. USA, 1999–2015. – URL: <http://www.wordreference.com>. – Title from screen (accessed 04.11.2014).

Hamaliia Vladyslava,
 Nationale Linguistische Universität, Kiev
 PhD-Studentin,
 E-mail: wladetta@bigmir.net

Die Rolle des Tempos in der prosodischen Gestaltung eines Werbetextes

Abstract: The article presents the results of the experimental phonetic research and focuses on characteristics in the voiced advertising text. According to the auditory and acoustic analysis perceptive and acoustic parameters of tempo in modern voiced advertising text are revealed.

Keywords: tempo, voiced advertising text.

Der Begriff „das Tempo“ wird traditionell als temporale Organisation der Phrase verstanden. Es hängt von der Dauer der Laute ab und wird sowohl durch eigene Merkmale der Laute als auch durch die Aussprachegeschwindigkeit, des Sprechers bei der Intonationsgestaltung der Phrase bestimmt. [1, S. 126] Unter allen prosodischen Parametern der Rede ist das Tempo der individuellste und am wenigsten erforschte Parameter [4, S. 15]. Dennoch lassen sich einige allgemein gültige Gesetzmäßigkeiten beim Tempo bestimmen. So meint zum Beispiel N. D. Svetozarova, dass ein Sprecher bei Mitteilungen von etwas Neuem, Wichtigem, Aktuellem mehr Zeit braucht als bei Mitteilungen über etwas bereits Bekanntes und Offensichtliches [5, S. 48].

Bei der Beschreibung des Tempos als einer Komponente der Intonation unterscheidet J. Laver die drei wichtigsten Tempoarten, und zwar: langsames, mäßiges und schnelles Tempo. Für eine detaillierte Analyse temporaler Redeparameter schlägt der Autor vor, dieser Klassifikation darüber hinaus ein verlangsamtes und beschleunigtes Sprachtempo hinzuzufügen [7, S. 158].

Unter Wissenschaftlern, die sich mit der Tempoforschung in den verschiedenen Textsorten beschäftigen, gibt es keine einheitliche Meinung dazu, wie die Tempomessung durchgeführt werden soll [6, S. 126]. Gewöhnlich hängt das Sprachtempo von der Zahl der Silben im Syntagma ab, die indirekt proportional zur Durchschnittsdauer der Silbe ist [2]. Ein weiterer Gesichtspunkt bei der Messung des Tempos ist, dass man nicht nur die Lautphasen, sondern auch die Stummphasen (Pausen) misst. Daher ist die Unterscheidung zwischen dem Gesamttempo (Sprechzeit mit Pausen) und dem Artikulationstempo (Berücksichtigung nur der Phonationsphasen ohne Pausen) von Bedeutung [6, S. 126]. Als Einheiten zur Messung des Tempos können solche Segmente gelten wie der Laut, die Silbe, das Morphem, das Syntagma oder der Satz, als Haupteinheit wird aber meistens die Silbe gewählt [ebenda, S. 127].

Die Veränderungen im Sprechtempo sind oft mit semantischen Funktionen verbunden. Im Einzelnen wird das Tempo von folgenden Faktoren bestimmt:

— Wichtigkeit des Gesagten (die wichtigsten Teile des Textes werden durch ein langsames Sprachtempo hervorgehoben);

— Erwecken der Aufmerksamkeit des Gesprächspartners für die Mitteilung (wird vor allem durch langsames Sprechen erreicht);

— Erklärung und Verständnis des Gehörten (langsames Sprachtempo gibt dem Zuhörenden genug Zeit, um alles zu verstehen und sich zu merken);

— Emotionaler Zustand des Sprechenden (positive Gefühle führen meistens zur Beschleunigung des Sprechtempos);

— Ausdruckskraft der Rede.

Außerdem hängt das Sprachtempo von einer Reihe extralinguistischer Faktoren ab, wie zum Beispiel zeitliche oder räumliche Bedingungen, Zeitmangel, Sprachetikette oder Beziehung der Gesprächspartner [3].

Mithilfe der Tempovariation kann man auch inhaltsvolle Textabschnitte unterstreichen, indem man sie langsamer ausspricht. Nach O. O. Wolfovskaja, beeinflusst die Sprachgeschwindigkeit die Wahrnehmung des Textes. Zu schnelles oder zu langsames Sprechen wird vom Zuhörer als lästig und ermüdend empfunden.

Die vorliegende experimentelle Studie nutzt mündliche Realisierungen der modernen deutschen Werbung als Material. Den Hauptkorpus der Daten bilden Werbeaufnahmen, die im nationalen deutschen Fernsehen von 2008 bis 2014 gezeigt wurden. Die Originalwerbetexte wurden aus dem Internet auf den Computer Acer Travel Mate 2480 in MP4 und MP3-Formaten gespeichert und mit Hilfe des Programms Switch Sound File in Audio-Dateien mit der .wav-Audiodateierweiterung umgewandelt. Der ganze Materialkorpus umfasst 15 Werbetexte mit einer Gesamtlaufzeit von 12 Minuten und 27 Sekunden.

Die Resultate der Untersuchung haben einen deutlichen Unterschied zwischen dem Sprachtempo in der Werbung und beim Vorlesen eines normalen Textes bestätigt. Der vorgelesene Text wird im normalen Tempo ohne wesentlichen Wechsel der Sprachgeschwindigkeit gesprochen. Im Gegensatz dazu konnten in den analysierten Werbetexten Fragmente festgestellt werden, die in einem beschleunigten, verlangsamten oder sogar langsamen Tempo gesprochen wurden. Somit kann man Werbetexte, im Unterschied zu normal vorgelesenen Texten, durch ein nicht gleichbleibendes Sprachtempo charakterisieren.

So wird zum Beispiel der Hauptteil der Werbung durch ein schnelleres Tempo gekennzeichnet, während der Werbeslogan in einem wesentlich langsameren Tempo gesprochen wird. Solche Tempounterschiede in verschiedenen Abschnitten der Werbetexte unterscheiden die moderne

Werbung vom Vorlesen. Damit wird die Aufmerksamkeit der Zuhörer angezogen und geschärft. Außerdem übt dies eine emotionale Wirkung aus.

Wie bereits gesagt, wurde in den analysierten Werbetexten eine wesentliche Verlangsamung des Sprechtempo in den Werbeslogans festgestellt. Das gilt mit 89,7% für die überwiegende Mehrheit der untersuchten Slogans und soll im nächsten Beispiel veranschaulicht werden. (Im angeführten Beispiel ist der Werbeslogan fett gedruckt)

Beispiel 1: [...] Ja, ich mache das schon seit ein paar Jahren. Dann schnallen Sie sich mal an. Wissen Sie, dieses Auto ist super einfach zu bedienen. Sehen Sie, wo „Start“ steht? Ja, drücken Sie darauf. Dann schalten Sie den Gang auf D für Fahren. Sie brauchen nur das Brems- und Gaspedal.

— Und du kannst nicht fahren, oder?

— Natürlich kann ich nicht fahren, ich bin ein Kind.

Toyota Hybrid. So einfach, dass selbst ein Kind es tun könnte.

Beispiel 2: Ein traumhaftes Zuhause muss nicht groß sein, sondern clever. Irgendwie schon komisch, wenn man sich's genau überlegt. Der Platz, nach dem du die ganze Zeit suchst, ist genau hier, Und war es schon die ganze Zeit.

Sie haben Ideen — wir haben IKEA.

Die Höranalyse zeigt, dass der Werbeslogan in den meisten Fällen in einem langsameren Sprechtempo realisiert wird, wobei die Aussagen der Höranalyse durch instrumentelle Methoden überprüft wurden. Es zeigte sich, dass das Sprachtempo in der modernen deutschen Werbung als gemäßigt und verlangsamt bezeichnet werden kann, wobei die durchschnittliche silbische Dauer 190–225 Millisekunden beträgt.

Das bestätigt voll die Resultate der Höranalyse, bei der die Auditoren das Sprachtempo als normal und ein bisschen verlangsamt bezeichnen.

Die Ergebnisse der durchgeführten Untersuchung bestätigen den engen Zusammenhang zwischen dem Sprachtempo und der kommunikativen Absicht des Sprechenden. Es zeigt sich, dass die handelnden Personen in der Werbung wichtige und gehaltvolle Textstellen langsamer aussprechen. Andererseits werden Informationen, die dem Sprecher nicht wichtig scheinen, im beschleunigten Sprechtempo realisiert. Auf diese Weise trägt der Tempo-Wechsel der Sprechenden dazu bei, die Aufmerksamkeit der Zuschauer oder Zuhörer zu lenken. Weitere Beispiele sollen dies veranschaulichen. (Nach jedem Syntagma wird in Klammern die durchschnittliche Silbendauer in Millisekunden angegeben).

Werbung: Um den vorhandenen, Platz optimal zu ,nutzen (243,6)/, musst du nur offen sein (174,3) und ein paar clevere kleine „Ideen haben (221,5)//. Es geht dar'um (134,8)/, verborgenen ,Platz zu finden und zu nutzen (238,7)/und, Möbel auszusuchen (157,8)/, die sich für „viele Sachen eignen (167,7)//. Clevere Ideen für Zu'hause (311,2)

Dieser Textabschnitt wird in normalem Tempo mit einer durchschnittlichen Silbendauer von 205 Millisekunden gesprochen. Dennoch steigt diese Kennziffer im achten Syn-

tagma, das den Werbeslogan ausmacht (im Beispiel fettgedruckt), auf über 311 Millisekunden. Auffällig ist auch, dass das Sprechtempo im sechsten und siebten Syntagma deutlich schneller (bis 150–165 Millisekunden) wird.

Das lässt sich damit erklären, dass diese Syntagmen nur Hintergrundinformationen beinhalten. Außerdem wird so der Werbeslogan, der nach zwei schnelleren Abschnitten im achten Syntagma kommt, zusätzlich betont, weil dann das langsame Tempo im Slogan als noch langsamer wahrgenommen wird. Das lenkt die Aufmerksamkeit des Zuhörers auf diesem Abschnitt und betont die wichtigste Information.

Eine weitere Feststellung der Höranalyse ist, dass das Tempo im Hauptteil der Werbung sich deutlich von dem im Werbeslogan unterscheidet. Um das Sprechtempo dieser beiden Segmente miteinander zu vergleichen, wurden Abschnitte aus verschiedenen Textteilen, die aber von gleicher Dauer sind, einander gegenübergestellt. Die Dauer der Syntagmen wurde in Millisekunden gemessen, dazu wurde die Anzahl der Silben in den jeweiligen Syntagmen berechnet. Die unten angeführten Beispiele veranschaulichen Länge und Dauer der Syntagmen in den verschiedenen Segmenten der Werbetexte:

Hauptteil der Werbung (2143 Millisekunden):

Ein © ganz traumhaftes © Zu'hause/ (2 Rhythmusgruppen, 8 Silben).

Werbeslogan (2143 Millisekunden):

Die © Bahn macht © mo 'bil. (2 rhythmische Gruppen, 5 Silben).

Hauptteil der Werbung (2811 Millisekunden):

können © auch 'mehr © Zeit den © 'Kindern © 'widmen (3 rhythmische Gruppen, 10 Silben)

Werbeslogan (2811 Millisekunden):

ein © 'Kind es © 'tun könnte (2 rhythmische Gruppen, 6 Silben)

Hauptteil der Werbung (2043 Millisekunden):

die © 'erste 'Hilfe für © 'Menschen (3 rhythmische Gruppen, 8 Silben)

Werbeslogan (2043 Millisekunden):

Das © 'Beste oder 'Nichts (3 rhythmische Gruppen, 6 Silben).

Aus den Beispielen wird ersichtlich, dass das Sprechtempo im Hauptteil der Werbung schneller ist. Bei gleicher Zeitdauer werden im Hauptteil der Werbung 3 bis 5 Silben mehr gesprochen als im Werbeslogan. Außerdem zeigt die Analyse der Strukturparameter der Syntagmen, dass es dort weniger rhythmische Gruppen gibt. Auffällig ist auch, dass für den Hauptteil der Werbung eine weniger häufige Betonung charakteristisch ist. Die geringere Silbenzahl in den Werbeslogans zeugt von deren langsamerem Tempo im Vergleich zum Hauptteil der Spots.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass in der modernen deutschen Werbung die Tempowahl sehr stark vom Inhalt und der Funktion des betreffenden Abschnittes bestimmt wird. Diese Faktoren spiegeln auch den emotionalen Zustand des Sprechers wieder und sie lenken die Aufmerksamkeit der Adressaten auf das semantische Zentrum der Rede. Die Sprech-

geschwindigkeit wirkt dabei auch auf die Wahrnehmung des Gesagten, und zwar in der Weise, dass ein zu schnelles Sprechen den Zuhörer eher ermüdet und belastet. Ein ver-

langsamtes Sprechen und eine deutliche Artikulation nutzen die Sprecher dagegen, um auf die wichtigsten Abschnitte ihrer Rede aufmerksam zu machen.

References:

1. Бондарко Л. В. Основы общей фонетики / Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. – СПб., филол. ф-т. С.-Петербург. ун-та., 2000. – 156 с.
2. Бондарко Л. В. Темп речи / Л. В. Бондарко // Русский язык / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1979. – С. 349.
3. Іщенко О. С. Функціональний аспект темпу мовлення / О. С. Іщенко. – [Електронний ресурс] / Режим доступу : <http://bulletin.cdu.edu.ua/base/2007/v116pp113-122.pdf>
4. Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков / Татьяна Михайловна Надеина. – М. : Наука, 1977. – 278 с.
5. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка / Наталья Дмитриевна Светозарова. – Л., Изд-во ЛГУ, 1982. – 175 с.
6. Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации / Лаймдот Криштьянович Цеплитис. – Рига : Зинатне, 1974. – 272 с.
7. Laver J. The Gift of Speech : Papers in the Analysis of Speech and Voice / J. Laver.- Edinburgh: Edinburgh University Press, 1991. – 400 p.

Section 4. Pedagogy

*Ajibayeva Aynura Jakshymbekovna,
candidate of pedagogical sciences,
associate professor, Talas State University Kyrgyzstan
E-mail: a_ajibaeva@mail.ru*

Some questions of quality management of training in higher education institution

Abstract: Some questions of quality management of training in higher education institution reveal in this article. Problems of use of methodology when carrying out pedagogical researches are considered as most important component of studying of the phenomena of preparation teacher's personnel in Kyrgyzstan.

Keywords: training quality management, methodology, training of elementary school teachers, pedagogical system.

*Ажибаева Айнура Жакишымбековна,
кандидат педагогических наук,
доцент.Таласский Государственный Университет Кыргызстан
E-mail: a_ajibaeva@mail.ru*

Некоторые вопросы управления качеством обучения в вузе

Аннотация: В данной статье раскрываются некоторые вопросы управления качеством обучения в вузе. Рассматриваются проблемы использования методологии при проведении педагогических исследований как важнейшего компонента изучения явлений подготовки учительских кадров в Кыргызстане.

Ключевые слова: управление качеством обучения, методология, подготовка учителей начальной школы, педагогическая система.

Управление качеством обучения — сложный и многогранный процесс, требующий своего методологического обоснования. Речь идет о подготовке педагогических кадров для Кыргызской Республики, среди которых важное место занимают учителя начальной школы.

Проблемы использования методологии при проведении педагогических исследований — важнейший компонент изучения явлений подготовки учительских кадров в Кыргызстане.

Методология — это теория научно-познавательной деятельности, направленная на изучение и разработку методов научного познания. Она является составной частью гносеологии, в которой выступает как учение о методах познания. Известно, что научно-познавательный процесс состоит из трех компонентов: объекта познания, познающего субъекта и метода познания. Используя методы, субъект познает исследуемый объект. Естественно, объем и глубина полученных новых знаний, зависит от эффективности и правильности выбора использования методов исследования. Определение научного метода затруднено, что обусловлено их множеством и многообразием. В качестве рабочего определения мы принимаем следующий научный

метод — это совокупность способов, путей и принципов, требований и норм, правил и процедур, технических средств и инструментов, обеспечивающих взаимодействие субъекта с познаваемым объектом для решения поставленной исследовательской задачи. Другими словами, научный метод представляет собой теоретически обоснованное нормативное познавательное средство.

В методологическом знании особую роль играют принципы и требования к исследовательской деятельности. По мнению ученых — педагогов разница между принципом и требованием усматривается в том, что принцип должен иметь глубокое и развернутое обоснование выражать способ достижения социально значимых целей на основе учета объективных закономерностей и носить более обобщенный характер (без применимых к исследованию всех ситуаций в данной сфере) [1]. Принцип всегда обязателен. Для исполнения требование может относиться к части педагогических ситуаций и не быть столь глубоко обоснованным в теоретическом плане. Конкретные требования вытекают, как правило, из того или иного принципа, но их использование диктуется особенностями ситуации [2]. Традиционно выделяют следующие общенаучные

принципы. Это, прежде всего, принцип объективности. Он выражается, прежде всего, в учете порождающих то или иное явление факторов, условий, в которых они развиваются. Исследовательских подходов и средств, позволяющих получить истинные знания об объекте, предполагает исключение субъективизма, односторонности и предвзятости в оценке, в подборе и оценке фактов.

Другим методологическим принципом является близкий рассматриваемому выше принцип сущностного анализа. Соблюдение данного принципа связано с соотносением в изучаемых явлениях общего, особенного и единичного, проникновением в их внутреннюю структуру, раскрытия законов их существования и функционирования, условий и факторов их развития, возможностей целенаправленного их изменения. Этот принцип предполагает движение исследовательской мысли от описания к объяснению, а от него — к прогнозированию развития педагогических явлений и процессов.

Для педагогических исследований, как известно, образовательно-воспитательные процессы протекают в динамических системах. Система — это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность, единство [1]. Структуру системы составляют элементы (компоненты), которые могут быть выделены по различным признакам, чаще всего по месту и функциям. Поскольку речь в нашем исследовании идет о системе подготовки учителей начальной школы, нас интересует понятие «Педагогическая система». Мы согласны с И. П. Подласым, что педагогическая система — это упорядоченное множество взаимосвязанных и взаимозависимых структурных компонентов, каждый из которых в свою очередь представляет собой весьма сложное образование и может рассматриваться как самостоятельная система [2]. Все это говорит о системном характере педагогических явлений, всего учебно-воспитательного процесса в вузе, в рамках которого должна осуществляться подготовка учителей начальной школы. Таким образом, речь идет о системном подходе к изучению педагогических явлений. Другими словами — это целостное единство всех факторов, способствующих достижению поставленных целей в обучении и воспитании человека. Это сложное образование, состоящее из разнокачественных элементов. Традиционно считается, что педагогические системы бывают малыми, средними, большими и супербольшими. К малым системам относят отдельные системы воспитания обучающихся. К системам средней величины относятся системы действующего учебного заведения в целом, его работы со студентами, преподавателями и т. д. Это системы с внешними связями и малых систем между собой. К большим подсистемам относят системы образования района, города, области. Это, как правило, большие социально-педагогические комплексы, куда входят помимо школ и училищ учреждения культуры, сферы быта и т. д. Каждая система имеет свое назначение и, следовательно, свой набор компонентов.

Отражая дидактическую природу педагогических явлений, их целостный характер, компоненты педагогической системы должны быть представлены как необходимые и достаточные для оптимального функционирования. На этом основании вуз как педагогическая система представлен совокупностью системообразующих факторов, условий функционирования, структурных и функциональных компонентов. Системообразующие факторы представлены факторами целей и результатов, условия функционирования социально-педагогическими и временными условиями, структурные компоненты — управляющей (педагогический коллектив) и управляемой (студенческий коллектив) системами, содержанием, средствами, формами и методами педагогической деятельности, функциональные компоненты педагогическим анализом, целеполаганием и планированием, организацией, контролем, регулированием.

Сказанное позволяет нам рассматривать вуз как педагогическую систему. Рассмотрение вуза как педагогической системы означает, что деятельность должностных лиц, преподавателей и студентов должна быть направлена на выработку целей и достижение результатов, на создание условий для подготовки учителей начальных классов.

Важнейшим системообразующим фактором функционирования системы является цель совместной деятельности администрации, коллектива педагогов и студентов. Исходя из необходимости совершенствования подготовки учителей начальной школы, мы рассматриваем как одну из целей вуза (педагогической системы), компетентность его выпускников.

Поскольку подготовка учителей начальных классов — это серьезная социально-педагогическая проблема, целесообразно отметить условия функционирования педагогической системы. Под данными условиями мы понимаем обстоятельства, определяющие ее состояние и развитие. Говоря о вузе как педагогической системе, мы можем выделить две группы условий ее функционирования: общие и специфические. К общим условиям традиционно относятся социальные, экономические, культурные, национальные, географические условия. К специфическим — особенности социально-демографического состава студентов, местонахождение вуза, его материальная база и воспитательные возможности. Переход от одного обучения к другому является значительным скачком в индивидуально личностном развитии. Системообразующие факторы, социально-педагогические и временные условия определяют особенности взаимодействия структурных и функциональных компонентов.

Вуз как педагогическая система имеет свои структурные компоненты, которые мы условно делим на четыре уровня.

Первый уровень — ректор, Ученый совет, студенческий совет.

Второй уровень — заместители ректора (проректоры).

Третий уровень — преподаватели.

Четвертый уровень — студенты.

Схематично данную систему можно представить следующим образом (см. схему 1.)

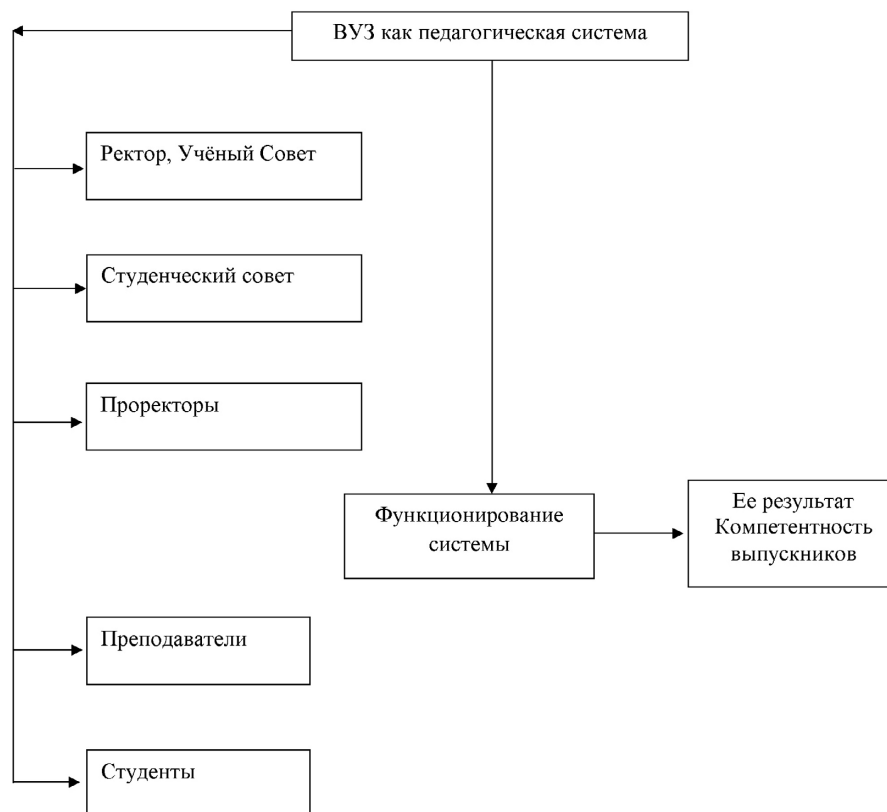

Схема 1. Вуз как педагогическая система

Естественно, что данная система нуждается в четком и планомерном управлении.

Одним из важнейших управленческих подструктур вуза является кафедра. Деятельность кафедр в вузах Кыргызстана определяется «Положением о кафедре высшего учебного заведения Кыргызской Республики» от 07.12.2004 г. Прописанные в «Положении» цели, задачи, функции и основы деятельности кафедры также сви-

детельствуют о системном характере функционирования кафедры, что служит дальнейшим обоснованием применения системного подхода в изучении проблемы управления качеством подготовки учителей начальной школы.

Таким образом, сказанное говорит о системном характере педагогических явлений, всего учебно-воспитательного процесса в вузе, в рамках которого должна осуществляться подготовка учителей начальных классов.

Список литературы:

1. Мамбетакунов Э., Сияев Т.М. Педагогиканын негиздери. Б., 2008. – 304 б.
2. Подласый И. П. Педагогика в 2 кн. – М., 1999. – Кн.1. – 576 с.
3. Тезисы докладов международной научно-технической конференции 13-15 октября 1999 г. Брянск, БГТУ.

*Kuzina Irina Valeryevna,
candidate of pedagogic sciences,
associate professor of the chair of general pedagogy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Arzamas Branch
E-mail: irina_val52@mail.ru*

Media representation as way of formation of common cultural competences of process of professional formation of future teachers

Abstract: in article on the example of processing methods of media education the problem of formation of common cultural competences of process of training and education of bachelors is considered.

Keywords: spiritual and moral education, media representation, common cultural competences, pedagogical activity, pedagogical perception.

Кузина Ирина Валерьевна,
к. п. н., доцент Арзамасского филиала Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
E-mail: irinaval52@mail.ru

Медийная репрезентация как способ формирования общекультурных компетенций в процессе профессионального становления будущих педагогов

Аннотация: в статье на примере технологических приемов медиаобразования рассматривается проблема формирования общекультурных компетенций в процессе обучения и воспитания бакалавров.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, медийная репрезентация, общекультурные компетенции, педагогическая деятельность, педагогическое восприятие.

На современном этапе развития образования все дисциплины педагогического цикла нацелены, в первую очередь, на формирование у студента осознания себя как будущего специалиста, отвечающего за становление мировоззренческой сферы у подрастающего поколения. Изучение педагогической науки не должно сводиться к теоретическим знаниям о функциях, законах, закономерностях, методах, средствах обучения и воспитания. В большей степени изучение педагогики нацелено на развитие общекультурных компетенций, в частности, педагогического восприятия социально значимых явлений действительности в широком смысле. Нельзя забывать, что педагогические знания в дальнейшей профессиональной деятельности становятся основой для проектирования педагогом работы по духовно-нравственному воспитанию и развитию личности школьника [8].

Если рассматривать «педагогическое восприятие» как составляющее двух лексем: «педагогический — соответствующий правилам, требованиям педагогики, умелый с точки зрения педагогики» [5] и «восприятие» — целостный предметный образ, важная часть коммуникативного процесса, то особое внимание следует обратить на то, что: 1) восприятие — это чувственное отражение информации, получаемой в процессе непосредственного взаимодействия с источником информации; 2) в прилагательном «педагогический» заложено значение термина «педагогика», который буквально с греческого переводится как «вождение детей». В социологической энциклопедии под педагогикой понимается «совокупность представлений, знаний, норм, техник и умений, накопленных в культуре относительно процессов взаимодействия взрослых и детей» [5].

Педагогическое восприятие социально значимых явлений действительности — это разновидность педагогической деятельности, заключающаяся в переработке информации, в умении анализировать увиденное с точки зрения его влияния на растущего человека, в умении выстраивать траекторию взаимодействия ребенка с окружающей действительностью и миром взрослых.

Проблема формирования педагогического восприятия на социально значимые явления действительности для педагогических вузов является особо актуальной, так

как мотивация студентов-первокурсников к постижению методов и приемов педагогического мастерства невелика. Первый опыт педагогической практики на 2, 3-ем курсах определенности не прибавляет. Профессиональные компетенции еще не сформированы, изучение педагогической науки ориентировано на совершенствование общекультурных компетенций и воспитание в обучающемся высоко духовной личности, способной взять ответственность за школьников [7]. При этом важно отметить, что все специальные дисциплины направлены на формирование мотивационной сферы овладения педагогической профессией. Научить быть учителем, анализировать объекты и явления социума с позиции педагога; дать возможность принять самостоятельные решения и взять на себя ответственность за воспитание школьника — это составляющие процесса формирования педагогического восприятия социально-значимых явлений современной действительности [4].

В эпоху визуальной культуры, которая активно доминирует в обществе с конца XX века, особое значение приобретает процесс осмысления различных знаковых систем, влияющих на отношение человека к миру. Наиболее незащищенным от воздействия потока информации, обрушивающегося из различных источников (телевидение, интернет, новинки киноиндустрии, компьютерные игры), является ребенок: несоотнесенность экранных образов с реальностью разрушает связь с действительностью; вымысел, фантазии взрослых, мистицизм выстраиваются в бесконечную цепь симулякров и заставляют поверить в то, что окружающего не существует, есть только слепок, копия копии, и чем глубже погружение в жизнь, тем отдаленнее она становится. Ощущение непринадлежности к происходящему, идентификация себя с «героями» игр, художественных и анимационных фильмов «вырывают» ребенка из социума, отдаляют его от себя самого. Школа, совместно с родителями, обязана помочь подростку не уйти в мир виртуальной реальности, поэтому особая миссия возлагается на взрослых, на систему профессионального образования. На всех этапах обучения в педагогическом вузе должна создаваться система формирования педагогического восприятия социально значимых явлений

действительности, в основе которой — медийная репрезентация и элементы метода контент-анализа объектов визуальной культуры [6].

Рассмотрим на примере механизм формирования педагогического восприятия социально значимых явлений действительности у студентов.

Так, в мае 2009 года на экраны вышел мультфильм «Первый отряд», придуманный московскими авангардистами Алексеем Климовым и Михаилом Шприцем и нарисованный японской студией «4°C» под руководством режиссера Йошихару Ашино. Явление это могло бы остаться совершенно незамеченным на фоне экономического кризиса, если бы не искажало исторические события Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Из анонса, выставленного на одном из сайтов (www.megacritic.ru), можно узнать, что «мультфильм «Первый отряд» — это фантастическая история противостояния в 1942 году двух секретных оккультных военных ведомств: немецкого Ане-нербе и русского 6-го отдела. Немцы с помощью магии вызывают дух магистра ордена Меча, погибшего в Ледовом побоище, и тот начинает собирать вокруг себя армию демонов. Советская разведка подключает в ответ своего лучшего агента 14-летнюю девочку Надю, и та оживляет убитых в начале войны пионеров, чтобы вступить в бой с силами зла.

Сюжет выстроен по схеме тактического шутера (следующая жанровая классификация компьютерных игр), главная героиня Надя действует в составе команды. Она наделена уникальным даром предвидения и может «прочитать» судьбу человека. Надя и ее уже погибшие друзья Леня, Валя, Зина, Марат преодолевают препятствия, выходя на новый уровень сложности, в основе которого — новое боевое задание. С экрана на зрителей льется кровь, смотрят пустыми глазницами одетые в рыцарские доспехи скелеты. Свободно по территории нашей страны перемещаются шпионы Рейха, две молодые девушки: у них свое задание — уничтожить Надю. В финале Первый отряд одерживает победу, как в реальной битве, так и в битве пришедших из страны мертвых.

Этот полнометражный мультипликационный фильм длится около полутора часов. За это время в голове подростка складывается определенное представление о сложном периоде в истории России, унесшем миллионы людей. К сожалению, школьники в большинстве своем не знают, кто такие пионеры вообще, не имеют представления о том, какова их роль в жесточайшей борьбе с фашизмом. Неподготовленному к восприятию зрителю может показаться, что война — это приключение, опасное, жесткое, но приключение, в котором главное место занимают пионеры, сверхчеловеки, перемещающиеся между мирами и объединенные в команду под названием «Первый отряд». Яркие образы персонажей мультфильма надолго запечатлеваются в сознании, и уже никакие книги по истории не смогут изменить представление о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Мультфильм «Первый отряд», несомненно, — социально значимое явление современной действительности: в 2015 году исполнилось 70-т лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. Оставлять его без внимания нельзя. Следовательно, необходимо подготовить к его просмотру подрастающее поколение. Как сделать так, чтобы школьники, столкнувшись с таким мультфильмом, смогли в процессе просмотра разграничить вымысел и факты — вот задача, которая ставится перед студентами на занятиях дисциплин педагогического цикла.

На первом этапе формирования педагогического восприятия социально значимых явлений действительности предлагаем посмотреть мультфильм не только с точки зрения «я-зритель», но и с позиции педагога (учителя, классного руководителя), определить, на какой возраст рассчитан «Первый отряд», и чем он будет интересен ребенку. Решение данной проблемы заставляет студентов поставить себя на место специалиста, ответственного за духовно-нравственное становление школьника, активизирует аналитические способности [3].

На этапе обработки письменных ответов целесообразно применить элементы метода контент-анализа и совместно со студентами обработать полученные результаты, с целью выявления значимости проблематики мультфильма в социальном контексте. Так, из 100 респондентов больше половины (67 человек) отмечают, что как зрителю «мультфильм «Первый отряд» понравился: хорошо сделан, очень эмоциональный»; «мультфильм — неплохой, с четким сюжетом и глубоким смыслом»; «фильм достаточно сильный, отражающий переживания людей» и т. п. 32 студентам «Первый отряд» не понравился: «Впечатлений много, и все негативные. Очень много черно-белого цвета, серости, крови, душераздирающих криков»; «Больше негативных эмоций. Конечно, идея патриотизма прозвучала, но изобилие сцен, связанных с потусторонним миром, оставило неприятное впечатление» и т. п. Один студент не смог определиться в собственном восприятии, отметив, что «много не понятно, поэтому нужно пересмотреть еще раз, чтобы определиться в собственных впечатлениях». С точки зрения учителя, студенты более критично отнеслись к просмотренному: «Первый отряд» — это то произведение, к которому нужно относиться с осторожностью. Безусловно, в нем отражены реальные события нашей страны, но очень много фантастики. Дети, не знающие истории своей страны, легко могут принять это за правду»; «Детям не нужно его ни смотреть, ни показывать, так как они не знают толком истории нашей страны»; «данный мультфильм не стоит показывать детям, так как он не отражает истинного хода истории. Делается акцент на мистике, оккультизме, а не на патриотизме и самоотверженности солдат» и т. п. Уже во время просмотра бакалавры обменивались размышлениями о том, как может повлиять на ребенка происходящее на экране. Они оказались единогласны в том, что «мультфильм ни в коем случае нельзя предлагать к обсуждению школьникам млад-

ше 12 лет», потому что «изобилие сцен, связанных с потусторонним миром, оставляет неприятные ощущения»; «очень тяжел психологически» и т. п. Анализ работ будущих учителей выявил, что, характеризуя мультфильм, студенты используют в речи абстрактные существительные: 1) при рассмотрении собственно мультфильма частотно употребление лексических единиц с отрицательной окрашенностью: «кровопролитие», «насилие», «убийство», «смерть», «мертвецы», «гибель»; 2) выражение гипотетической идеи заключено в употреблении общественно-политической лексики: «героизм», «самоотверженность», «сплочение», «патриотизм», «Родина». Текст (сюжет мультфильма) накладывается на подтекст (знания о реальных событиях), происходит интеграция ассоциативных рядов, поэтому взрослый человек во время просмотра способен к аналитическому восприятию мультфильма: он может отделить вымысел от правды (если таковая имеется) и определить важность мультфильма для развития ребенка. Итак, промежуточная цель достигнута — большинство бакалавров сумело идентифицировать себя с учителем, а, следовательно, готово взять на себя ответственность за воспитание подростков.

Третий этап представляет собой непосредственное решение педагогической задачи, обязательным условием которой является ситуация, где ребенок внутренне настроен на просмотр мультфильма «Первый отряд». Бакалаврам, готовящимся к педагогической практике, предлагаем продумать мероприятия, которые позволят подготовить школьника к восприятию (смогут оградить учащегося от негативной энергетики фильма и не приведут к разрыву связи «ребенок-реальность») [2].

В ходе решения задачи выстраивается система медийных репрезентаций. Так, одна из творческих групп бакалавров устанавливает, что в сети существует две версии мультфильма «Первый отряд»: полнометражный мультфильм и его версия «Первый отряд. First Squad», сюжет которой прерывается так называемыми историческими комментариями, которые несведущего человека могут убедить в том, что все происходящее — правда. Однако на сайте www.kinonews.ru/article_5350/ по поводу второй версии есть комментарий: «Ученые и ветераны, важно вещающие в «мокьюментарных» вставках между событиями, — в мультике не для придания налета достоверности, как все решили. Это скорее самоирония авторов и одновременно — мощный пинок тем тупицам, непонятно для чего оказавшихся в зрительском зале, бормочущим про бредовые идеи сценаристов и оскорбление памяти участников войны. Мы ни черта не знаем про то, каково там было, как могло быть и как не могло, а по отношению к героям всех фронтов «Первый отряд» снят с огромным уважением». В данном фрагменте рецензии «Острие меча («Первый отряд») критик Дмитрий 'Римайер' Жигалов открыто называет всех здравомыслящих людей «тупицами». Обращает на себя внимание и фраза: «... по отношению к героям всех фронтов «Первый отряд» снят

с огромным уважением». Если ребенок такое прочтет, а он обязательно прочтет, потому что практически на всех сайтах интернета, где выставлен мультфильм для свободной скачки можно найти ссылку на данную рецензию, то при просмотре сработает установка, и можно будет забыть о воспитании гражданской позиции и патриотизма. Для того, чтобы определить, что «Первый отряд» — единственный пока пример высказывания о героическом прошлом, который не нужно объяснять на пальцах людям, не знакомых с Мальчишом-Кибальчишом, про которого местный наш народ уже не помнит тоже» [1] студенты решаются на эксперимент (вырезают все мистические сцены из мультфильма). В результате получают следующее: фильм значительно сокращается, исчезает интрига и, как следствие, на десятой минуте теряется интерес к происходящему. У зрителя не возникает никаких ассоциаций ни с пионерами-героями, ни с тяжелыми буднями Великой Отечественной войны. Отсутствие у подростков конкретных знаний по истории не позволяет образной системе мультфильма переходить на другой, философский, уровень восприятия. Интеллект «спит», «работают» только эмоции.

Следующий шаг — это создание мультимедийной презентации о пионерах-героях, в которой рассказывается, кто такие пионеры, какие условия ставились перед подростками, чтобы они могли вступить в пионерскую организацию, каков смысл пионерской клятвы. Важно отметить, что особое внимание уделяется прототипам мультипликационных персонажей — пионерам Героям Советского Союза: Вале Котику (1930–1944), Зине Портновой (1926–1944), Лене Голикову (1926–1943), Марату Казею (1929–1944). В интернете достаточно сайтов, где можно найти исчерпывающую информацию, в том числе фотографии юных патриотов. В режиме online целесообразно познакомиться с биографией Нади Богдановой, чье имя было взято авторами мультфильма для супердевушки, способной перемещаться в пространстве. Таким образом, восполняется пробел в знаниях, восстанавливается историческая справедливость. Готовится почва к аналитическому просмотру «Первого отряда», который будет восприниматься именно как вымышленная история, в основе которой своеобразная авторская интерпретация военных событий, их представления о том, как все было.

Будущие педагоги считают, что далее необходимо показать школьникам отечественные мультфильмы о пионерах-героях, созданных в 1971 году: «Приключения красных галстуков» (режиссеры Владимир Попов, Владимир Пекарь) и «Скрипка пионера» (режиссер Борис Степанцев), в которых рассказывается о подвигах мальчишек и девчонок, отдавших жизнь во имя Родины. В них все предельно ясно: есть враг (изображение его карикатурно) и есть «свои», поэтому с первой минуты ребенок воспринимает события, находясь на стороне «своих».

Каждая из творческих групп, представивших свои проекты, приходят к выводу, что только комплекс мероприя-

тий сможет подготовить ребенка к безболезненному для его психики восприятию «мега-шедевра» и, тем самым, способствовать формированию гражданской идентификации личности школьника, воспитанию нравственного отношения к людям, чьи поступки преломили ход великой трагедии человечества.

Таким образом, вся деятельность от этапа просмотра и оценивания мультфильма «Первый отряд» до разработки медийных репрезентаций представляет собой процесс развития у студентов общекультурных компетенций, через развитие педагогического восприятия социально значимых явлений действительности.

Список литературы:

1. Вадим Зельбин. Тимур и его команда на том свете: URL: (<http://www.film.ru/article.asp?id=5933/>) (дата обращения 25.11.2015)
2. Иванцова Е. С., Кузина И. В., Лёвкина Е. В., Миронычева В. Ф. Организация практики бакалавров в условиях реализации компетентностного подхода. // Приволжский научный вестник, 2014. – № 8–2 (36). – С. 72–79.
3. Иванцова Е. С., Кузина И. В., Лёвкина Е. В., Миронычева В. Ф., Федосеева Н. В. Уровневый подход к оцениванию сформированности компетенций бакалавров в ходе учебной практики. // Приволжский научный вестник, 2014. – № 8–2 (36). – С. 80–87.
4. Лёвкина Е. В., Иванцова Е. С. Игровые технологии в обучении будущих педагогов. // Alma mater (Вестник высшей школы), 2015. – № 3. – С. 67–69.
5. Социологический словарь: URL: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=47589> (дата обращения 26.11.2015)
6. Фёдоров А. В. Медиаобразование: история и теория. / Учебное пособие для вузов. – М., 2015.
7. Федосеева Н. В. Духовно-нравственное образовательное пространство личности как путь её совершенствования. // European Journal of Education and Applied Psychology, 2015. – № 3. – С. 50–54.
8. Федосеева Н. В. Проектирование педагогом работы по духовно-нравственному воспитанию и развитию личности школьника. // European Journal of Education and Applied Psychology, 2015. – № 3. – С. 45–50.

*Asipova Nurbubu Asanalievna,
doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of "Pedagogy and Psychology",
Kyrgyz-Turkish University "Manas", Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: n-asipova@mail.ru*

*Karabalaeva Gulmira Tashtanovna,
candidate of pedagogical sciences, Associate Professor
of "Pedagogy and pedagogical technologies", Kyrgyz National University
named after Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: karabalaevagulmira@rambler.ru*

*Mamyrova Meerim Ishenbekovna,
Senior lecturer in "Engineering Pedagogy",
Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakova,
Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: mmi_sofico80@mail.ru*

Valuable orientations of modern students and the ways of their formation in the process of curatorial work

Abstract: This article discusses the social conditions of value orientations of modern students of technical universities and the activities of the curator aimed to correct them taking into account national traditions.

Keywords: curator, students, education, social status, formation, values, national traditions.

*Асипова Нурбубу Асаналиевна,
д.п.н., профессор кафедры «Педагогики и психологии»,
КТУ «Манас», г. Бишкек, Кыргызстан
E-mail: n-asipova@mail.ru*

Карабалаева Гульмира Таиштановна,
к.п.н., доцент кафедры «Педагогики и педагогических технологий»,
КНУ им. Ж.Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан
E-mail: karabalaevagulmira@rambler.ru

Мамырова Мээрим Ишенбековна,
старший преподаватель, кафедры «Инженерная педагогика»,
КГТУ им. И.Раззакова, г. Бишкек, Кыргызстан
E-mail: mmi_sofico80@mail.ru

Ценностные ориентации современных студентов и пути их формирования в процессе кураторской работы

Аннотация: В данной статье рассматриваются социальные предпосылки ценностных ориентаций современных студентов технического вуза и деятельность куратора направленная на их коррекцию с учетом народных традиций.

Ключевые слова: куратор, студенты, образование, социальный статус, формирование, ценностные ориентиры, народные традиции.

Общество состоит из разных социальных групп, каждый из которых нуждаются в специальном изучении. Студенты, как особая социальная группа, постоянно находятся в центре многих гуманитарных наук, каждый из которых рассматривает их как реальных носителей социальных перемен в обществе. Интерес к этой группе нами определяется тем, что сегодняшнему молодому поколению наиболее сложно ориентироваться в определении своих идеалов, жизненных ориентиров и ценностного отношения к происходящим изменениям в обществе переходного периода. От того, какие ценностные ориентации будут сформированы у молодого поколения, во многом зависит будущее развитие общества и страны. В условиях ломки сложившихся устоев неизбежна переоценка ценностей, и их кризис более всего проявляется в сознании этой социальной группы [1, с. 124–129]. С педагогической точки зрения студенческая молодежь, представляет собой социальную группу, которая все еще находится на определенной стадии своего социального формирования.

Большой вклад в изучении проблемы студенчества внесли такие ученые социологи, психологи и педагоги как: О.А. Абдулина, А.С. Власенко, В.А. Житенев, С.Н. Иконникова, И.С. Кон, Ю. Колесникова, Т.В. Ищенко, В.Т. Лисовский, А.Н. Семашко, И.П. Селезнева, Б.Рубин, Е.А. Руднева, Е.Б. Шарова и др. Каждый из перечисленных авторов внес свой вклад в определении студенчества, как особой категории молодежи отличающей своей социальной ориентацией.

Как показывают исследования образование молодежью (студенчеством), как и во всем мире, рассматривается как социальный лифт, который их доставит на тот или иной этаж социального статуса. Это говорит о том, что, в условиях рыночных отношений, когда у большинства населения меняются ценностные ориентации, получение образования для молодежи продолжает оставаться одним из приоритетных ценностей. Молодежь понимает, что

от их уровня образования и профессиональных способностей, зависит, их будущее, кем они станут, и какую, нишу займут в обществе. Они считают, что хорошее образование позволяет оставаться всегда на пике конкурентоспособности, быть востребованным на рынке труда в разных областях и сферах. Именно этим объясняется увеличение количества вузов и студентов обучающихся в них, в частности, в Кыргызстане. В настоящее время в Кыргызстане имеется 52 высших учебных заведений (вместо 9 до 1990 г.) [6]. По количеству студентов на 100 тысяч населения Кыргызстан занимает 14-е место в мире [7].

В тоже время следует отметить, что современные студенты находятся под постоянным прессингом социального самоопределения и выживания. Большинство студентов оказались в сложной ситуации, когда происходит переоценка ценностей, им приходится не только осваивать те или иные научные направления для того чтобы стать профессионалом своей области, но и зарабатывать для того, чтобы учиться. Современные студенты вынуждены в ущерб учебе тратить много времени на подработку.

Это характерно для студентов наших вузов, например в нашей группе, почти 70% сочетают учебу с работой.

Если раньше у студентов приобретение знаний и получение диплома стояло на первом месте, то сегодня на первое место выходит финансовая сторона вопроса. Богатство (деньги), материальные блага и удовольствия, квартира, дорогие вещи, денежная работа (любая), престижный вуз, карьера и успех любой ценой — вот тот не полный перечень ценностей к которой стремиться сегодняшняя молодежь [2].

О смене ценностных ориентаций у современных студентов отмечает в своем исследовании Н. Селиванова, которая подчеркивает, что сегодня наших студентов отличают агрессивность в поведении и социальная инфантильность. Она отмечает, что раньше у студентов преобладала — высокая энергия, стремление к романтике,

активному участию в общественной жизни. А теперь, как отмечает автор, происходит смена ориентиров вместо романтического юношеского максимализма, появляется трезвый расчет, такие качества как высокая коммуникативность, заменяется отчужденностью от общества, неуверенностью в себе и своем будущем, романтизм заменяется скептицизмом и цинизмом, проявляется стремление к потребительству [5].

Сложности формирования ценностного отношения связаны с тем, что если раньше в своих социальных ориентациях молодежь опиралась на опыт старших поколений, то сейчас в обществе, основанном на рыночных отношениях, она лишена этой возможности. Это связано с тем, что старшие поколения в лице родителей и родственников сами не имеют опыта рыночных отношений и вынуждены приобретать новый социальный опыт жизнедеятельности в рыночных условиях.

В особенности это касается реалий Кыргызской Республики, население которой, перешагнув целую эпоху капиталистических отношений, оказалось в обществе «равенства и распределения», где отсутствовала жесткая конкуренция и необходимость выживания. Социальные ценности, которыми жили наши старшие поколения, в новой ситуации во многом утратили свою социально-педагогическую значимость, и в силу этого почти не наследуются, так как современная молодежь, считает их непригодными для настоящей, и для будущей жизни. Следовательно, современные студенты оказались в тяжелой ситуации, когда происходит переоценка ценностей, и им приходится менять свое ценностное отношение [4].

Все это говорит о необходимости целенаправленной педагогической деятельности, направленной на формирование ценностных ориентаций студентов. На наш взгляд, в целенаправленной педагогической поддержке особенно нуждаются студенты технических вузов, так как по роду профессиональной направленности, они находятся немного в стороне от изучения многих гуманитарных дисциплин, которые влияют на формирование ценностных ориентаций.

Одним из важных педагогических факторов профессионального становления и формирования ценностных ориентаций студентов является внеучебная деятельность направляемая кураторами. Деятельность куратора студенческой группы является важным потому что, она интегрирует учебную и внеучебную деятельность, направленную на формирование в целостной личности студента.

Куратор — (от лат. *curator*), попечитель, опекун, лицо, которому поручено наблюдение, присмотр за ходом определённой работы или цикла работ. В условиях вуза куратор — это наставник, помощник и воспитатель студенческой молодежи [3].

Как свидетельствует образовательная практика вузов Кыргызской Республики, работа куратора студенческой группы состоит из основных разделов: организационной, учебной, научно-исследовательской, воспитательной,

общественной. За все эти виды работ куратор несет ответственность и должен выполнять в соответствии с требованиями вуза.

Наряду с образовательной деятельностью кураторы технических вузов призваны поддерживать студентов в их социальном становлении и формировании адекватных ценностных ориентаций. Это связано с тем, что студент в вузе проводит большую часть своего времени, и получает необходимые знания, умения, и навыки одновременно приобретает социальный опыт и усваивает ценностные отношения, характерные для данного общества.

Специальное изучение ценностных ориентаций студентов технического вуза в условиях КР говорит о том, что большинство из них имеют слабые представления о традициях и обычаях тех народов, среди которых они живут и учатся. Наше обращение к народным традициям в качестве ценностей обусловлено тем, что они представляют собой наиболее устойчивый социальный опыт, который отражает и распространяется на взаимоотношения людей в обществе. Основанное на таком предположении исследование, проведенное среди студентов технического вуза (КТУ им. И. Раззакова, г. Бишкек) показало, что из 150 студентов — лишь 41,3% знают о традициях своего народа и стараются придерживаться их.

В силу того, что многие народные традиции представляют собой веками выдержанный прогрессивный опыт и духовные ценности того или иного народа, существует педагогическая необходимость в использовании их в качестве средств социального формирования и в процессе внеаудиторной воспитательной работы вуза.

Внеаудиторная воспитательная работа в вузе — это основная сфера по приобретению социального опыта и формированию ценностных ориентаций. Важным направлением воспитательной работы является нравственно-патриотическое воспитание, и пропаганда здорового образа жизни, она развивает духовно-нравственные, эстетические ценности, общечеловеческие нормы морали, гуманизма, доброты, честности и справедливости, которые являются неотъемлемой частью общечеловеческих ценностей, и составляют содержание общей гуманитарной подготовки специалистов.

Большая роль при осуществлении воспитательной работы по формированию ценностных ориентаций студентов принадлежит куратору. Для получения хороших результатов от своей деятельности куратору надо постоянно вникать в жизнь студентов, изучать их и привлекать разнообразную внеаудиторную деятельность.

Анализ научной литературы, а также наш опыт показывает, что куратор имеет возможность целенаправленно влиять на многие стороны становления личности, в том числе на формирование ценностных ориентаций с опорой на народные традиции и обычаи.

Для успешной реализации указанных задач мы использовали разнообразные современные методы и формы воспитательной работы: тренинг, метод проектов,

деловая игра, коучинг и др. При этом в центре внимания находилось содержание бесед направленных на знакомство с народными традициями и обычаями. Так, например, нами проводились различные мероприятия и беседы на такие темы как: «Ваше отношение к обществу и Родине?», «Что вы знаете о культуре своего народа?», «Какое значение народные традиции имеют в вашей жизни?», «Пословицы и поговорки — кладёз народной мудрости», «Что такое духовно-нравственные ценности?», «В чем смысл толерантности?» и т. д. Все эти темы мы проводили со студенческой группой во время кураторских часов. Студенты участвовали в обсуждении и старались выявить, положительные и отрицательные стороны вопросов, касающихся народных традиций как ценности. Коллективное обсуждение вопросов мы рассматриваем как, наиболее актуальный и эффективный способ формирования критического отношения к окружающей действительности, в том числе и к народным традициям и обычаям. В процессе бесед и обсуждений мы узнавали об отношении студентов к своей Родине, культуре своего и других народов, традициям, окружающей природе, другим людям, и наконец, что для них в жизни является важным, т. е., что представляет для них ценность. Во время беседы, диспута, обсуждения и пр. сту-

денты раскрывают все стороны проблемы, одновременно получают новую информацию, обогащают свои знания. В результате меняются отношения студентов в лучшую сторону, и проявляется интерес не только к своей культуре, но и культуре и традициям других народов, среди которых они живут и учатся.

Таким образом, изучая ценностные ориентации современных студентов, мы видим, что большую роль в этом играет деятельность куратора, который является одним из основных субъектов воспитательного процесса. Деятельность куратора направлена на улучшение процесса воспитания и обучения. Благодаря кураторской работе студенты становятся ближе друг к другу, находят общие интересы, раскрывают свои уникальные качества и индивидуальные особенности. Такая работа помогает куратору сблизиться со своей группой и с каждым студентом, найти свой индивидуальный подход в формировании их ценностных ориентаций. В контексте нашей работы, народные традиции рассматриваются нами как один из наиболее эффективных средств формирования ценностных ориентаций студентов, так как в них отражены характерные для данной этнической группы социальные отношения, устойчивый и прогрессивный социальный опыт народа.

Список литературы:

1. Буравлева Н. А. Ценностные ориентации студентов/Н. А. Буравлева//Вестник Томского государственного педагогического университета – 2011. – № 6.
2. Вагапова Р. Р. Ценностные ориентации студентов в новых-социокультурных условиях//Проблема человека в свете современных социально-философских наук. – 2009. – № 3. – С. 13–19.
3. Ефремова Т. Ф. Новый толковый словарь. – М.: 2001
4. Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России//Социсс. – 1998. – № 5. – С. 99.
5. Селиванова З. К. Ценностные ориентации городской молодежи старшего подросткового возраста. Автореферат. – Уфа, 2000.
6. <http://rus.kg/news/events/4774>
7. <http://www.pr.kg/news/kg/2011/07/13/20428>

*Gurov Valeriy Nikolaevich,
Professor, Doctor of Education, winner of the Government
of the Russian Federation in the field of Education, Head of the Theory and Practice
of Education Management Development Institute of Education
of the Republic of Bashkortostan.
E-mail: valeriygurov@bk.ru
Ivantsova Natalya Aleksandrovna,
senior lecturer of the Department of theory and practice
of education management, Director of secondary school № 159
of the October district of TH city of Ufa.*

School methodological support in the context of the creation and implementation of innovative models of modern school

Abstract: The article discussed in detail the concept and essence of methodical work at school, given her own understanding. The main idea of the article is that thanks to the efficient work of the school training services, you

may create a modern, innovative school. The authors present the analysis of scientific sources on school-methodical service. The article shows that the restructuring of the activities of the school methodical service it is possible to carry out a preliminary diagnosis of her condition and on the basis of this modeling of the main directions and forms of work. The conclusion contains the comparative performance of the school in 2011 and 2015.

Keywords: School methodical service, the main directions of methodical work of school services, the basic forms of methodical work of school services, state diagnosis school training services of the educational organization, modeling the activities of the school training services.

*Гуров Валерий Николаевич,
профессор, доктор педагогических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
заведующий кафедрой теории и практики управления
образованием института развития образования Республики Башкортостан.
E-mail: valeriygurov@bk.ru*

*Иванцова Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры теории и практики
управления образованием, директор МАОУ СОШ № 159
Октябрьского района ГО г. Уфы.*

Школьная методическая служба в контексте создания и реализации модели современной инновационной школы

Аннотация: В статье подробно рассмотрены понятия и сущность методической работы в школе, приводится собственное понимание её. Основная идея статьи заключается в том, что благодаря эффективной работе школьной методической службы возможно создание современной инновационной школы. Авторы приводят проведенный анализ научных источников по школьной методической службе. В статье показано, что перестройка деятельности школьной методической службы возможно на проводимой предварительной диагностике её состояния и на основе этого — моделирование основных направлений и форм работы. В заключение приводятся сопоставительные результаты работы школы в 2011 и 2015 годах

Ключевые слова: Школьная методическая служба, основные направления работы школьной методической службы, основные формы работы школьной методической службы, диагностика состояния школьной методической службы в образовательной организации, моделирование деятельности школьной методической службы.

Важнейшим педагогическим условием проектируемой и реализуемой нами модели инновационной школы мы определили **школьную методическую службу**.

Методическая работа в научной литературе рассматривается как непрерывная деятельность по обучению и развитию кадров: выявлению, обобщению и распространению наиболее ценного опыта, стимулированию творческого поиска учителей, созданию собственных методических разработок для обеспечения образовательного процесса, поэтому является одним из важных условий повышения качества образования и воспитания в школе.

Наше понимание методической работы — это система многообразных, взаимосвязанных управленческих и педагогических действий, направленных на обеспечение качества образовательного процесса через развитие профессионального мастерства педагогов.

По мнению М. М. Поташника, В. М. Лизинского и др. авторов задачи и функции методической работы разделяются в зависимости от ее объектов:

1) к конкретному педагогу:

— совершенствование, обогащение его профессиональных знаний и умений;

— развитие мировоззрения, профессионально-ценностных ориентаций;

— развитие современного стиля педагогического мышления, педагогической технологии, готовности к самообразованию;

— развитие индивидуального педагогического стиля;

— организация информационного обеспечения педагога;

— поддержка педагогов, разрабатывающих и стремящихся к реализации программ, курсов, пособий и др.;

2) к педагогическому коллективу:

— сплочение на основе выработки единых педагогических ценностей и традиций;

— выявление, обобщение, внедрение передового педагогического опыта;

— стимулирование массового педагогического творчества, инициативы;

— организационная, педагогическая и содержатель-

ная поддержка экспериментальной и инновационной деятельности педагогов и др.;

3) к государственной системе образования:

- осмысление программно-методических требований, доведение их до педагогов;
- распространение передового педагогического опыта, современных научно-педагогических теорий.

В этой связи, реализация функций методической работы в общеобразовательной школе, может представлена следующими уровнями:

- организационный (структура службы, ее внутренние подразделения, взаимодействие, связи с другими внутри- и внешкольными подразделениями, нормативно-правовое и документальное обеспечение);
- содержательный (функции, направления деятельности);
- технологический (формы работы, используемые средства);
- кадровый (специалисты, участвующие в работе

службы, их профессиональная подготовленность.

На начальном этапе повышения роли методической службы в создании инновационной школы (2011 г.) мы провели диагностические срезы по основным затруднениям учителей в образовательной деятельности. Результаты следующие: неподготовленными для ведения инновационной деятельности в контексте применения современных образовательных технологий в проблемном обучении, опережающем обучении, модульном обучении, педагогическом сотрудничестве — 73,7% анкетированных, в методах ведения педагогического эксперимента — 70,8%.

В ходе диагностического эксперимента мы также выявили осведомленность родителей по вопросу введения новых стандартов. Результаты следующие: 50% опрошенных родителей знают о введении новых Федеральных государственных образовательных стандартов в систему основного общего образования; 30% не знают; 20% затруднились ответить на этот вопрос.

Осведомленность родителей о введении новых ФГОС

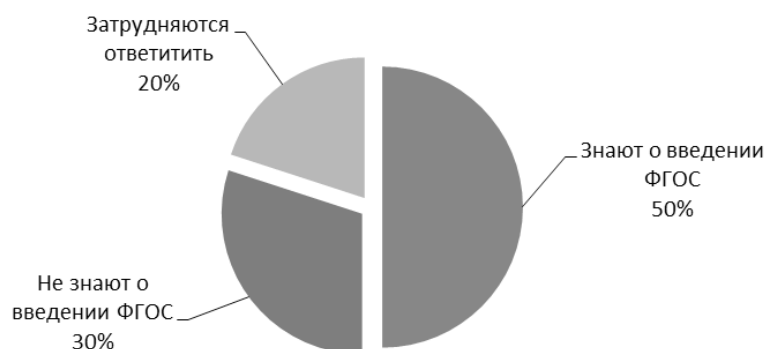

Рис. 1. Осведомленность родителей о введении новых ФГОС

Диаграмма позволила наглядно увидеть проблему, существующую в формировании адекватных представлений родительской общественности о сущности и задачах проводимой государственной модернизации системы основного общего образования.

Одновременно мы провели диагностику членов педагогического коллектива по ценностной ориентации (методика М. Рокича). Всего было диагностировано 36 педагогов.

Выбор ценностей коллективом педагогов

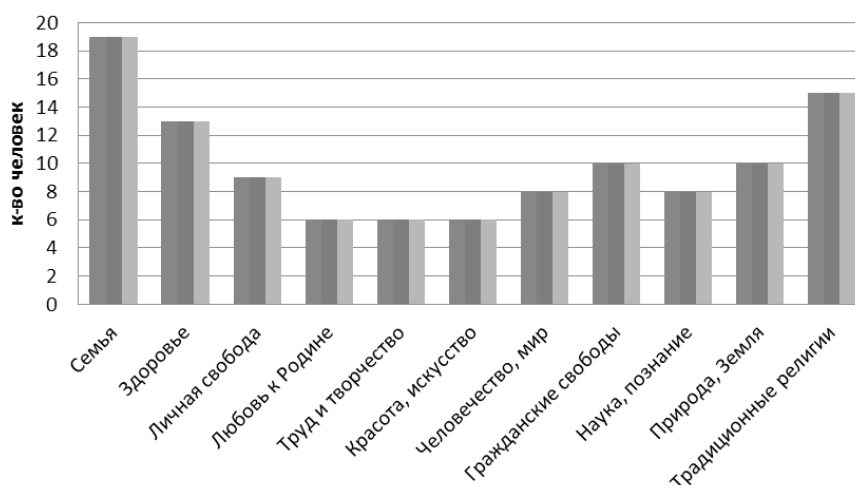

Рис. 2. Ценностные ориентации педагогов школы

1 место — счастливая семейная жизнь;
 2 место — здоровье;
 3 место — труд и творчество;
 4 место — личная свобода;
 5 место — патриотизм;
 6 место — гражданское право;
 7 место — наука, познание, труд;
 8 место — красота, искусство;
 9 место — природа, жизнь, родная земля, заповедная планета;
 10 место — человечество, мир во всем мире, прогресс;
 11 место — традиционные российские религии.

Данный выбор, по нашему мнению, характеризует ряд существующих проблем, которые необходимо учитывать при работе с кадрами в период реализации насто-

ящего проекта, а также в задачах воспитательной работы школы.

Также мы изучили удовлетворённость педагогов жизнедеятельностью в школе (проанкетировано 32 педагога).

По результатам анкетирования было установлено, что коэффициент общей удовлетворённости педагогов жизнедеятельностью в школе составляет 2,8 балла, что соответствует средней степени удовлетворённости.

Также было выявлено, что удовлетворённость педагогов организацией труда в школе соответствует среднему уровню (2,5 балла), возможность проявления и реализации профессиональных и других личностных качеств педагога соответствует среднему уровню (2,9 балла).

Оказался и средним уровень удовлетворённости отношений педагогов с учащимися и родителями (2,9 балла).

Уровень удовлетворенности педагогов жизнедеятельностью в школе

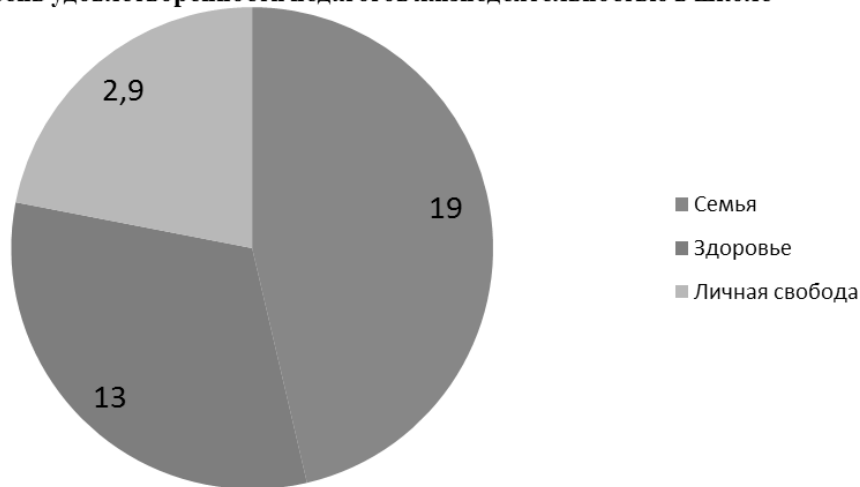

Рис. 3. Уровень удовлетворенности педагогов жизнедеятельностью в школе

В ходе проведенного обширного мониторинга были выявлены следующие проблемы в работе педагогов: преобладание классической формы проведения урока, отсутствие разнообразия форм уроков, направленных на развитие различных сторон личности учащихся, активизацию мыследеятельности и познавательных процессов; недостаточность знаний и представлений у учителей о формах и содержании инновационной деятельности и др.

Проведенная диагностическая работа позволила сформировать банк проблем в работе методической службы школы: недостаточная информированность родительской общественности о сущности модернизации системы российского образования и введении ФГОС; необходимость создания системы постоянно действующего мониторинга для отслеживания характера внутреннего и внешнего социального заказа на образовательную деятельность школы; необходимость создания системы методического обеспечения и непрерывного повышения квалификации и обучения кадров, ориентированную на требования новых ФГОС, работы школы в инновационном режиме, освоения передовых педагогических технологий; необходимость в глобальной информатизации образовательного процесса на всех уровнях.

Проведенный на диагностическом этапе мониторинг позволил нам смоделировать основные направления и формы работы школьной методической службы в аспекте создания инновационной школы. Направления — организация Совета по научно-методической работе, создание банка нормативных документов по введению ФГОС; определение творческих микрогрупп, распределение единичных заданий и разработка Основных образовательных программ начального общего образования, Образовательных программ основного общего образования (ФГОС); разработка рабочих программ: к УМК «Школа 2100», по системе обучения Л. В. Занкова, по системе обучения Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова; разработка предметных программ эстетического цикла; предметные программы по изучению башкирского языка; программы духовно-нравственного воспитания и формирования ЗОЖ; программы психолого-педагогической коррекции.

В соответствии с методической темой школы «Формирование ключевых компетенций обучающихся на основе использования современных образовательных технологий в условиях внедрения новых образовательных стандартов» была определена цель методической работы школы на 2011–2015 учебный год: создание необходимых условий для осво-

ения инноваций (в т. ч. образовательных ИКТ-технологий, технологии «смешанного обучения»), реализации программы развития школы: информационных, кадровых, методических, мотивационных, нормативного обеспечения.

Основными задачами методической службы школы были определены следующие: работа по развитию педагогического мастерства учителей посредством разнообразных форм методической деятельности (педагогический и методический советы, школьные методические объединения, творческие отчеты, открытые уроки, мастер-класс, методические декады, система организации и контроля курсовой подготовки педагогов, их аттестация); а также формирование новых подходов к контрольно-аналитической деятельности, подготовка учителей к проведению педагогического мониторинга; обобщение и распространение опыта творчески работающих педагогов; работа по внедрению в практику деятельности школы ИКТ-технологий (в т. ч. электронного и смешанного обучения) технологий проектной деятельности в урочной и внеурочной педагогической деятельности; отработка наиболее эффективных из них, сочетающих в себе разнообразные вариативные подходы к интеллектуальной и творческой деятельности учащихся.

Были сформированы школьные методические объединения: учителей русского языка и литературы; учителей математики, физики, информатики; учителей истории, обществознания и права; учителей естественнонаучного цикла; учителей оборонно-спортивного цикла.

Основными формами осуществления методической работы в школе стали: посещение и анализ уроков, проведение и анализ контрольных срезов, классно-обобщающий контроль, проведение предметных недель, «круглых столов», семинарских занятий, научно-практической конференции учащихся, анкетирования педагогов, проведения индивидуальных консультаций, собеседований, проведение педагогических чтений.

В рамках ознакомления педагогов с инновационными педагогическими технологиями работал обучающий семинар по применению технологии ИКТ «РОСТ». Также основная масса педагогического коллектива прошла обучение работе с интерактивной доской.

В школе стали активно применяться повышение квалификации; профессиональная переподготовка педагогических кадров; вебинары и открытые уроки на портале edu02.ru; участие в профессиональных конкурсах; участие педагогов в рабочих и экспертных группах.

Количество педагогов,
прошедших курсовую подготовку

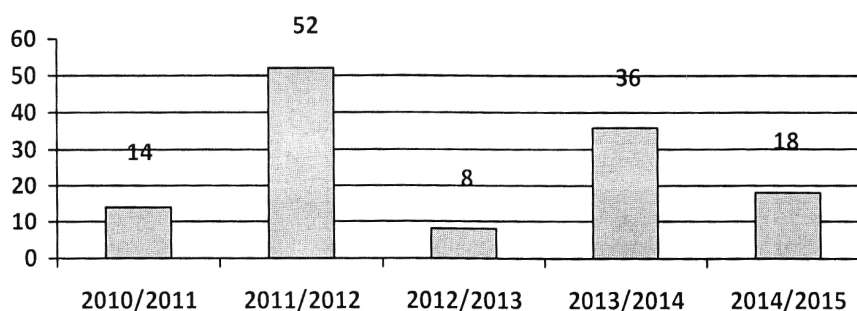

Рис. 4. Количество педагогов, прошедших курсовую подготовку по годам

В результате проводимой обширной работы была создана электронная база данных школьников и трудового коллектива, электронные журналы и дневники, сетевое пространство педагогов (виртуальная учительская), электронные образовательные ресурсы, сайт школы, виртуальный музей современной башкирской живописи, виртуальная библиотека, школьное телевидение, сетевые проекты учащихся; благотворительный фонд «Дети — наше будущее».

Учителя используют на уроках задания образовательного ресурса «Экзамен-медиа», систему «VOTUM», как инструмент проведения тестирования с целью проверки знаний во время урока, а также создают электронный контент для предметов в системе управления обучением Moodle. Если в 2013–2014 учебном году было 5 педагогов, которые работали в системе смешанного обучения и создали 5 курсов, то в 2015–2016– 21 педагог использует в системе электронного обучения материалы по 26 курсам. В школе реализуется целевая программа «Одаренные дети».

В 2014–2015 учебном году на базе школы проведены 5 республиканских семинаров с открытыми уроками учителей, мастер-классы, оказаны консультации директорам и заместителям директоров школ Башкортостана (250 руководителей); на базе школы создана стажировочная площадка Института развития образования Республики Башкортостан.

С 2010 г. по 2014 гг. качество обучения в школе выросло с 51,4% до 62%, поступление выпускников 11-х классов в учреждения профессионального образования по профилю обучения составило – 82,3%. 17 медалистов продолжают обучение в ведущих ВУЗах республики.

В 2013 г. школа награждена дипломом «За особый вклад в развитие инновационного образования» в рамках VII Городской общественной премии «Достояние столицы», стала победителем первого республиканского образовательного форума «Электронная школа», в 2014 г. — вошла в число «100 лучших школ России», в 2015-в общероссийский реестр «Книги Почета».

Список литературы:

1. Гуров В. Н., Степанов С. В. Методическая и социально педагогическая службы в современной школе: пути взаимодействия: Учеб. пос./СГУ; Под общ. ред. В. Н. Гурова. – Ставрополь: СКИПКРО, 2005. – 144 с.
2. Лизинский В. М. О методической работе в школе. – М.: Центр «Педагогический поиск», 2002. – 160 с.
3. Липчинская Е. Н. Школьное объединение как форма организации и совершенствования коллективной педагогической деятельности: Дисс. канд. пед. наук. – Л., 1988.
4. Поташник М. М., Моисеев А. М. Диссертации по управлению образованием: состояние, проблемы, современные требования. – М.: Новая школа, 1998. – 176 с.
5. Презентация на тему: «Вызовы модернизации общего образования и результаты исследований Тряпицына Алла Прокофьевна, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.myshared.ru/slide/959273/> (Дата обращения: 01 декабря 2015).

*Mironycheva Valentina Fyodorovna,
candidate of pedagogic sciences,
associate professor of the chair of general pedagogy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Arzamas Branch
E-mail: mironycheva52@mail.ru*

Technology of productive design training in spiritual and moral education of school students

Abstract: specifics of application of technology of productive design training in spiritual and moral education of school students are shown in article on the example of V. Krupin's creativity.

Keywords: spiritual and moral education, technology of productive design training, productive activity, V. Krupin's creativity, multimedia project, Orthodoxy, conciliarity.

*Миронычева Валентина Фёдоровна,
к. п. н., доцент Арзамасского филиала Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
E-mail: mironycheva52@mail.ru*

Технология продуктивного проектного обучения в духовно-нравственном воспитании школьников

Аннотация: в статье на примере творчества В. Крупина показана специфика применения технологии продуктивного проектного обучения в духовно-нравственном воспитании школьников.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, технология продуктивного проектного обучения, продуктивная деятельность, творчество В. Крупина, мультимедийный проект, православие, соборность.

Духовно-нравственное воспитание является одной из важных составляющих в процессе формирования будущего гражданина и патриота, человека высоко духовного и преданного своей Родине, знающего историю своей страны и традиции своего народа. Государство в лице образовательных организаций заинтересовано в привлечении разнообразных средств к осуществлению краткосрочных и долгосрочных планов духовно-нравственного становления подрастающей личности [10]. Негосударственные фонды, например, «Соработничество» через грантовый конкурс «Православная инициатива», в свою очередь оказывают конкретную помощь (финансовую, духовную и пр.) в процессе осуществления задач духовно-нравственного воспитания. Так, на современном этапе развития образова-

ния православная педагогика становится одной из важных составляющих педагогического знания в целом [2].

Большую роль в интеграции усилий по формированию здорового поколения играет слово как нравственная категория: через устное народное творчество, библейские истории, художественные произведения ребенок постигает окружающий мир, воспитывает в себе человека. Задача взрослого — привлечь все самое лучшее для достижения главной цели — формирование гражданской идентичности подрастающей личности. Особое внимание следует обратить на художественные произведения, которые являются носителями универсальных методов и приёмов постижения действительности и духовно-нравственного совершенствования [5].

В поисках духовного самосохранения современный читатель, так или иначе, откроет для себя удивительный мир необыкновенной прозы Владимира Крупина. Для этого необходимо лишь определить вместе с учащимися нравственные ориентиры, вдумчиво прикоснуться к тексту, попробовать на страницах произведений разглядеть картины уходящей эпохи и услышать отголоски истории предыдущих поколений. Диалог читателя и автора на школьном уроке позволит открыть путь к постижению основ отечественной культуры, духовного опыта поколений, так как, по мнению В. Распутина, «по работам Крупина когда-нибудь будут судить о температуре жизни в окаянную эпоху конца столетия и о том, как эта температура из физического страдания постепенно переходила в духовное твердение». [7] Многогранность художественного дара отмечает Н. И. Злыгостева: «Его творчество развивалось и продолжает развиваться в лучших традициях русской литературы. Ему присуща совестливость, душевная чуткость, философская глубина и нравственная прозорливость. Главной темой в его прозе и публицистике был и остается русский человек: его прошлое, настоящее и будущее» [1].

Более детальному знакомству с жизнью и творчеством писателя школьникам поможет технология продуктивного проектного образования, которая предполагает создание учениками новых продуктов (мультимедийной презентации, речевого высказывания в различных жанрах, написание творческих работ, исследовательских проектов и т. д.). Важно отметить, что активная деятельность школьников должна быть направлена на подготовку такого продукта, который обязательно будет востребован в образовательном процессе (написание сочинения, публичное выступление на уроке, защита исследовательского проекта, участие в различных конкурсах и т. д.). Учитель создает условия, позволяющие ученику самостоятельно определить индивидуальный смысл продукта, поставить цели, спроектировать этапы собственной познавательной деятельности, отобрать литературный материал для исследования (биографический материал, художественный текст, литературная критика, мемуары, интервью, публицистика и т. д.), контролировать собственный творческий процесс и оценить свою работу, подготовить публичную презентацию продукта. Результат качества самообучения зависит от степени включения ученика в конструирование собственного образования, уровня его интереса к объекту исследования.

При изучении творчества В. Крупина целесообразно предложить учащимся самостоятельно подготовить мультимедийный проект «Научиться любить, научиться прощать, научиться делать добро...». Это может быть работа в 9–11 классах, параллельных классах одной школы, своеобразный сетевой проект в учебных коллективах малокомплектных сельских школ, территориально расположенных рядом. Важно, чтобы школьники оценили значимость проекта, смысл которого заключается в эффективном взаимодействии всех участников образовательного процесса с целью более глубокого освоения творчества писателя.

В результате сетевого взаимодействия старшеклассники получают возможность продемонстрировать собственные знания, показать этапы реализации творческого замысла. Координацию проектом осуществляет учитель, а основные виды деятельности выполняют творческие группы.

На первом этапе необходимо внимательно изучить биографический материал, который можно найти на страницах интернета [8]. Знакомство с писателем позволит определить путь исследования творчества.

На втором этапе подбираем произведения для изучения: «Зерна» (1974), «Живая вода» (1981), «Спасение погибших» (1989), «Великоречская купель» (1990), «Крестный ход» (1993), «Прощай, Россия, встретимся в раю» (1995), «Слава Богу за все» (1995), «Люби меня, как я тебя...» (1998), «Рассказы последнего времени» (2001), «Прошли времена, остались сроки» (2005), «Русские святые» (2003), «Незакатный свет» (2006), «Босиком по небу» (2009) и др.

Учитель определяет круг вопросов, необходимых для исследования:

- Авторское кредо писателя: «У нас нет запасной Родины — спасение Отечества возможно только на путях Православия, русский язык доверяется только тем, кто любит Россию»;
- проблемы взаимопроникновения художественных и публицистических элементов в жанровой системе произведений В. Н. Крупина конца XX века;
- роль автора в художественном произведении;
- роль личностного начала.

Особое внимание сосредотачиваем на образе малой родины, образе Дома как константе художественного мира писателя, теме детства, семьи в художественном пространстве рассказов, на показе образов одиноких людей и стариков как зримого воплощения боли автора от увиденного в обычной жизни, на изображении паломников, идущих к святыням родной земли, на христианских образах и мотивах, на пейзажных зарисовках, на мастерском обращении с фактом, на диалогах героев, на воспоминаниях, вбирающих элементы публицистической стилистики и поэтики.

При создании проекта важно рассмотреть духовное содержание и проблемы, которые анализирует писатель в произведениях. Для более глубокого постижения текста необходимо проследить художественную реализацию соборности в произведениях писателя. По мнению Т. В. Кошурниковой, «соборность выступает как основная жанрообразующая категория и художественно реализуется в повестях В. Н. Крупина через философское осмысление православной проблематики, через образы святых, образы людей, тяготеющих к православным идеалам и традициям, через соотношение материального и духовного (земного и небесного) миров, через православную символику, одухотворенность быта героев, через фольклорное начало, народный язык и устное народное творчество. В жанровую структуру произведений вводятся христианские образы

и мотивы» [3]. Ученый считает, что «в основе творческой эволюции писателя лежит глубинная и основополагающая связь с православными традициями русской литературы, проявляющаяся в тематике, проблематике, в использовании художественных и жанровых элементов, свойственных произведениям ярко выраженной православной направленности (молитва, хождение, поучение, житие) [3]. Такое задание целесообразно предложить творческой группе, которая занималась изучением художественного сознания В. Н. Крупина. Это позволит старшеклассникам понять, что соборность реализуется через философское осмысление православной проблематики; образы святых, образы людей, тяготеющих к православным идеалам и традициям; православную символику; одухотворенность быта; фольклорное начало; народный язык и устное народное творчество. Для систематизации знаний учащиеся самостоятельно составляют таблицу «Художественная реализация соборности в произведениях В. Н. Крупина», которая я включает в себя три графы: «Способы реализации», «Произведения», «Смысловые доминанты текста».

Работа по подготовке проекта откроет школьникам предназначение творчества В. Н. Крупина — приведение людей к Православию (тему можно развить на уроках в православно ориентированных образовательных учреждениях). На этом этапе работы потребуются привести фрагменты интервью с писателем, зачитать высказывания автора. Пониманию основной идеи поможет так же и оценка его творчества В. Распутиным: «Расстояние между читателем и писателем в книге — вещь реальная, и зависит оно от того, с каким сердцем, остывшим или участливым и болящим, пишется книга, насколько согрета она теплом авторских затрат. Холодное, пусть и исполненное на высоком профессиональном уровне, произведение читается с душевным насилием, и это, как правило, «умственное» чтение, в нас говорит не потребность, а упрямство добраться до цели, чтобы облегченно вздохнуть над своим подвигом. В этом смысле Владимир Крупин необычайно близок к читателю, и достигается подобная близость, соседствующая с прямым собеседованием, редкой откровенностью и открытостью, живой обращенностью к столь же заинтересованному в их общем деле человеку. Пишет ли он от первого или от третьего лица, его герой весь на виду и ничего в себе не умеет скрывать, для Владимира Крупина личность не в том, чтобы уйти в себя, а в том, чтобы бескорыстно прийти к людям» [9].

Одним из видов продуктивной деятельности на уроке литературы является написание рецензии (технология работы в этом жанре школьникам знакома в связи с подготовкой к ЕГЭ по русскому языку, часть «С»). В качестве образца литературного творчества предлагаем работу В. И. Мельник «Из чего рождается рассказ? (Рассказ Владимира Крупина “Зимние ступени”)» [6], которую подробно анализируем на уроке.

Следующий этап может быть связан с выполнением идейно-художественного анализа наиболее значимых тек-

стов для духовного становления школьников. Выбор произведений осуществляют сами школьники, однако необходимо обратить внимание на философскую миниатюру «Змея и чаша» [4]. Для более детального анализа текста предлагаем следующие вопросы:

- В чем смысл названия философской миниатюры?
- С помощью каких изобразительно-выразительных средств автор создает образы Змеи и Змия? («... змеиной мудростью, змеиной хитростью, змеиной выносливостью, змеиной изворотливостью, змеиным терпением»).
- В чем, по мнению Змеи, заключается конечная цель жизни? («Осталось последнее: чтобы люди поняли нашу власть над ними, и тогда мы разрешим им жить. Только тогда, когда они поползут к нам за ядом, чтобы исцелиться, за золотом, чтобы купить хлеб...»; «Сейчас все змеи знают о конечной нашей цели — власти над всеми пространствами и племенами!»)
- Согласны ли вы с точкой зрения Змеи и Змия: «злые живут лучше, что все блага принадлежат им», «лишение совести ведет к победе над собой»?
- Как вы думаете, о ком идет речь в следующем диалоге:

(Со слов: «— Да. Но Он больше не придет. Не сможет. Они сами виноваты, вынудив нас на борьбу, это и Он, должно быть, понял». До слов: «Ради шутки можем и мы повеселиться, некоторые змеи легко могут жить в сиденьях автомобилей, прекрасно путешествовать до тех пор, пока не надоест хозяин машины, чем плохо?»)

Со слов: «Люди же судят друг друга по поступкам». До слов: «Да, нам жалко способных ходить, даже умеющих думать и говорить, но беспомощных».)

- Почему так испугало Змею появление главного героя?

(Со слов: «И здесь Змея увидела Его!» До слов: «Предел есть. Он в нашей силе наступать на вас. Иди!»)

- Какой символический смысл заложен в слове «Свет». Почему его так боятся змеи?

(Со слов: «... Он учинил явление Света». До слов: «Самые злые змеи превратились в бессильные плети».)

- Почему Змий так уверен в том, что зло непобедимо, а люди готовы уничтожить друг друга?

(«... их безумие, их жадность дошли до предела, они перестали ценить чужие жизни, у них нет понятия чужой боли, мы отдали им эти свои качества...» Со слов: «О, помнишь день символа — символа исцеления от всех болезней: змея и чаша?» До слов: все блага принадлежат им, что лишение совести ведет к победе над собой...»)

- Прокомментируйте фрагменты текста, которые, на ваш взгляд, наиболее ярко демонстрируют бездумное отношение людей к жизни.

- Объясните смысл финального монолога Змия:

(Со слов: «... до этих тревожных дней не было в этом мире сплоченнее нас, увереннее нас, и это надо продолжать и усилить». До слов: «О, видимо, Ему есть кого молить, мы тоже будем крепнуть».)

• Обратите внимание на финал миниатюры. Возникло ли у вас ощущение того, что жизнь обязательно изменится? Докажите свою точку зрения.

Далее школьники представляют собственные творческие проекты, созданные по текстам В. Кroupina.

Методическая ценность работы в сетевом проекте заключается в том, что у учителя появляется возможность на основе продуктивных технологий получить на уроке литературный творческий продукт, который можно сопо-

ставить с другими проектами в режиме реального времени (работы учащихся других школ можно выставить на сайте), общения на литературные темы, обмена информацией, обсуждения точек зрения, творческой рефлексии. Учитель уже не выступает в роли трансформатора знаний, а проводит литературоведческую корректировку. Литературный поиск и дискуссия позволяет школьникам осознать творческое кредо писателя, услышать его предостережение, «научиться любить, научиться прощать, научиться делать добро...».

Список литературы:

1. Злыгостева Н. И. Голос истинной правды // Вятские записки: научно-популярный альманах. – Вып. 2. – Киров, 2001. – С. 57.
2. Иванцова Е. С., Кузина И. В., Лёвкина Е. В., Миронычева В. Ф. Православная педагогика: от науки к практике. // European Journal of Education and Applied Psychology, 2015. – № 3. – С. 37–41.
3. Кошурникова Т. В. Жанровые модификации в творчестве В. Н. Кroupina: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. – Москва, 2008. – С. 9.
4. Кroupин В. Н. Во всю ивановскую: Повести, рассказы. – М.: Советский писатель, 1985. – С. 528–539.
5. Кузина И. В. Уроки литературы в старших классах // Практический журнал для учителя и администрации школы, 2004.

*Prikladko Aliona Mykhailivna,
Kharkiv National Automobile and Highway University
E-mail: a.prikladko@outlook.com*

Role kvaziprofessionalnoy activity in the formation of professional communicative competence of foreign students in higher technical educational institutions

Abstract: Relevance of the article is to explore the in rolls kvazyprofessyonal activities in the process of the of professional-communicative competence of foreign students in higher technical establishments; proved that the use kvazyprofessyonal activities it is a form of contextual learning, in which students go beyond the educational information, included in the simulated situation, solve the problem of professional tasks and questions of social interaction; the communicative potential business game forms the contextual learning of foreign students in higher technical establishments.

Keywords: kvaziprofessional activities, contextual learning, professional-communicative competence, foreign students of higher technical educational institutions.

*Приходько Алена Михайловна,
Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет
E-mail: a.prikladko@outlook.com*

Роль квазипрофессиональной деятельности в формировании профессионально-коммуникативной компетентности иностранных студентов высших технических учебных заведений

Аннотация: Актуальность статьи заключается в исследовании роли квазипрофессиональной деятельности в процессе формирования профессионально-коммуникативной компетентности иностранных студентов высших технических учебных заведений; доказано, что квазипрофессиональная деятельность является формой контекстного обучения, в которой студенты выходят за рамки учебной информации, включаются в моделируемые ситуации, решают профессиональные задачи и вопросы социального взаимодействия; исследован коммуникативный потенциал деловой игры как формы контекстного обучения иностранных студентов высших технических учебных заведений.

Ключевые слова: квазипрофессиональная деятельность, контекстное обучение, деловая игра, иностранные студенты высших технических учебных заведений.

В условиях глобализации профессиональную компетентность инженера составляют не только специальные компетентности, но и ряд «нетрадиционных» для инженерного образования качеств и компетенций социально-гуманитарного характера, таких как коммуникативная компетентность в целом, а также владение приёмами эффективной аргументации, умение вести деловые переговоры, способность к анализу и оценке принятых решений, а также другие коммуникативные умения, что составляют профессионально-коммуникативную компетентность современного специалиста. В таком контексте проблема формирования указанной компетентности приобретает особое звучание. Однако процесс формирования профессионально-коммуникативной компетентности у иностранных студентов определяется своей спецификой, что и определяет выбор форм, методов и средств обучения, которые позволили бы оптимизировать и интенсифицировать процесс профессиональной подготовки иностранных студентов технического профиля.

Известно, что принцип профессиональной направленности обучения является системообразующим принципом всего профессионального образования, важнейшим принципом учебной деятельности студентов.

Мы полагаем, что система профессиональной подготовки иностранных граждан в высшем техническом учебном заведении должна быть ориентирована на контекстное обучение. Именно контекстное обучение, как указывает А. Вербицкий, предполагает освоение профессиональных умений в различных видах деятельности студентов: собственно-учебной, квазипрофессиональной, учебно-профессиональной и профессиональной деятельности, что, в свою очередь, предполагает «погружение в профессиональную деятельность» через механизмы самопрограммирования и самореализации [2].

Одной из форм контекстного обучения является квазипрофессиональная деятельность, в которой студенты выходят за рамки учебной информации, включаются в моделируемые ситуации, решают профессиональные задачи и вопросы социального взаимодействия. «Проживание» квази- (псевдо-) профессионального опыта способствует развитию у иностранных студентов профессиональной мотивации, навыков профессионального общения, поскольку современные инженеры, как утверждает Е. Сунцова, являются творцами своей профессиональной карьеры уже не в локальном, а в международном масштабе, а профессиональную программу современного инженера теперь составляют сформированные умения в сфере технической коммуникации с социальной и природной (технической) средой в ходе производственной деятельности [5]. А. К. Фадеева, исследуя процесс формирования профессионально-коммуникативной компетентности студентов высшего технического учебного заведения, утверждает, что «от уровня владения

будущего специалиста знаниями и умениями управления коммуникационными процессами в технических системах, от его возможностей организовать информационное взаимодействие между исполнительными устройствами машин и умения формировать информационную базу управления автоматизированным производством зависит в целом эффективность всего производства» [6]. Поэтому создание квазипрофессиональной обучающей среды — это прежде всего процесс моделирования, создания реальных ситуаций, которые могут встретиться будущему специалисту технического профиля в его профессиональной деятельности. Такая обучающая среда позволит комплексно (взаимодействие всех субъектов квазипрофессиональной деятельности) и системно подойти к процессу формирования профессионально-коммуникативной компетентности как значимой характеристики профессиональной компетентности.

Как отмечает Ж. Фрицко, «основной проблемой профессионального образования является переход от актуально осуществляемой учебной деятельности студента к усваиваемой им деятельности профессиональной: в рамках одного типа деятельности необходимо «вырастить» принципиально иной». И именно отрыв теоретического обучения от предстоящей производственной практики, с одной стороны, и невозможность перенести саму практику в стены высшего учебного заведения, с другой, обуславливают необходимость создания промежуточного звена между учебной и собственно профессиональной деятельностью [3].

А. Вербицкий выделяет три базовые формы деятельности в контекстном обучении. Базовыми формами выступают учебная, квазипрофессиональная, учебно-профессиональная деятельности. Промежуточными служат любые формы — традиционные и новые, отвечающие специфике целей и конкретного содержания обучения на соответствующем этапе обучения [2].

Контекстное обучение предполагает и взаимообучение иностранных студентов, которое заключается в установлении контактов между двумя обучающимися с целью изучения одной области знаний или разных аспектов знаний, что позволит осуществлять подготовку студентов к реальной профессиональной коммуникации.

Квазипрофессиональная деятельность обеспечивает также и кооперативное обучение. Иностранные студенты под руководством компетентного преподавателя могут работать группами над проектом, обобщать и систематизировать полученные результаты, практиковать навыки презентации своих проектов или представления результатов работы группы, умения вести дискуссию на профессиональные темы. Именно в процессе квазипрофессиональной деятельности формируются такие навыки профессиональной работы, как способность быстро и качественно

ориентироваться в профессиональной ситуации, интеллектуальная гибкость, принадлежность профессиональному кругу, владение конъюнктурой профессиональной деятельности.

В рамках квазипрофессиональной деятельности иностранных студентов технического профиля рассмотрим коммуникативный потенциал использования деловой игры как формы контекстного обучения. Как показывает опыт, иностранные студенты — представители интравертированных культур (Китай, Монголия) — не желают вступать в коммуникацию в силу ряда причин: национально-культурных, личностных и т. п. Для такой категории студентов, мы полагаем, именно деловая игра как форма квазипрофессиональной деятельности является наиболее приемлемой для работы с иностранными студентами.

В деловой игре, как отмечает А. Вербицкий, «обучающийся выполняет квазипрофессиональную деятельность, которая несёт в себе черты как учебной, так и будущей профессиональной деятельности. Усвоение знаний, формирование умений, навыков осуществляются как бы наложенными на канву профессионального труда в его предметном и социальном аспектах. Эти знания усваиваются не про запас, не для будущего применения, не абстрактно, а в реальном для участника процессе информационного обеспечения его игровых действий, в динамике развития сюжета деловой игры, в формировании целостного образа профессиональной ситуации» [2]. Именно в деловой игре в условиях кооперации каждый иностранный студент приобретает навыки социального взаимодействия, коллективистскую направленность, ценностные ориентации и установки, присущие специалисту технического профиля. Очевидно, что в достижении таких целей профессиональной подготовки иностранных студентов деловая игра обладает наибольшими возможностями.

Как форма контекстного обучения и квазипрофессиональной деятельности деловая игра вносит в процесс профессиональной подготовки иностранных студентов новое качество в силу следующих своих особенностей: создание имитационной модели производства; приближение к реальным условиям профессиональной деятельности; переход от организации и регуляции деятельности преподавателем к саморегуляции и самоорганизации деятельности самим иностранным студентом. Такой подход к организации учебно-профессиональной деятельности иностранных студентов реализуется при помощи использования активных форм и методов обучения, поскольку обеспечивается в указанном процессе не только предметное, но и социальное содержание будущей профессиональной деятельности.

Одной из проблем, связанных с формированием профессионально-коммуникативной компетентности, явля-

ется, как мы полагаем, переход иностранных студентов от учебной к профессиональной деятельности в рамках производственной практики. Отметим, что иностранный студент получает знания в неродной для него языковой среде, что существенно усложняет профессиональную коммуникацию. Именно в процессе прохождения студентами производственной практики, когда иностранным студентам необходимо по максимуму использовать свой коммуникативный ресурс, и происходит формирование профессионально-коммуникативной компетентности, обеспечивая логическую завершенность профессиональной подготовки студентов.

Несмотря на достаточную теоретическую подготовку по спецпредметам и развитые речевые навыки, иностранные студенты зачастую не готовы к самостоятельной профессиональной коммуникации, что мы связываем с несформированностью их профессионально-коммуникативной компетентности. Решением этой проблемы, по нашему мнению, служит квазипрофессиональная деятельность уже на первом и втором курсах их профессиональной подготовки. Немаловажным в процессе квазипрофессиональной деятельности иностранных студентов является и сотрудничество преподавателей, осуществляющих языковую подготовку иностранных студентов, с преподавателями спецдисциплин в плане координации содержания и форм подачи учебного материала иностранным студентам. Такая деятельность, в частности, позволит создать квазипрофессиональную обучающую среду, обеспечивающую процесс интенсификации и оптимизации профессиональной подготовки иностранных студентов, совершенствование их умений профессионального общения, развитие личностных коммуникативных качеств.

А методически грамотно организованная квазипрофессиональная деятельность иностранных студентов технического профиля, несомненно, будет способствовать формированию их профессионально-коммуникативной компетентности как профессионально значимой характеристики в свете модернизации мировых образовательных процессов.

Таким образом, сегодня в условиях переосмысления парадигмы профессиональной подготовки иностранных граждан важно отметить, что каждый иностранный студент, вовлеченный в квазипрофессиональную деятельность, должен быть организатором и инициатором процесса развития своих профессиональных компетенций, отказаться от роли потребителя знаний и стать активным субъектом-созидателем процесса образования в соответствии со своими потребностями. А стремление к самообразованию, саморазвитию, профессиональной рефлексии — вот к чему должна привести правильно организованная квазипрофессиональная деятельность.

Список литературы:

1. Басалаева Н. В. Особенности смыслообразования в условиях квазипрофессиональной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2006. – 191 с.

2. Вербицкий А. А. Проблема трансформации мотивов в контекстном обучении // <http://www.library.by/portalus/modules/psychology>
3. Фрицко Ж. С. Квазипрофессиональная деятельность при подготовке будущих учителей в условиях педагогического колледжа // Интернет-журнал «Эйдос». – 2007. – 30 сентября. <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-24>.
4. Зязина, Т. В. Квазипрофессиональные технологии обучения в подготовке будущих педагогов / Т. В. Зязина // Проблемы научной организации образовательного процесса в медицинском вузе: материалы 1 межрегион. науч-практ. конф. – Воронеж: ВГМА, 2006.
5. Сунцова Е. Н. Техническая коммуникация как необходимый компонент образовательных программ российских инженерных вузов. Вестник Томского государственного педагогического университета / Научный журнал. – Томск. – Выпуск 6 (84), 2009.
6. Фадеева К. В. Формирование профессиональной коммуникативной компетентности студентов технического вуза: автореф. дисс... канд. пед. наук. – Чебоксары, 2010. – 20 с.

*Roshchin Igor Genadievich,
Associate Professor Department of social and humanitarian disciplines,
Nikolayev branch of the Kiev National University of Culture and Arts,
Candidate of Sciences on Physical Education and Sport
E-mail: roshchin80@mail.ru*

Historical aspects of occurrence of physical preparation as the focused pedagogical process

Abstract: The article presents the retrospective aspects of the development of scientific and methodological foundations of physical preparation as a focused pedagogical process. It described the contribution of the founders of the theory of physical training in the origins of its development.

Keywords: physical training, physical exercise, physical health.

*Рощин Игорь Геннадиевич,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Николаевского филиала Киевского национального университета
культуры и искусств, кандидат наук по физическому воспитанию и спорту.
E-mail: roshchin80@mail.ru*

Исторические аспекты возникновения физической подготовки как целенаправленного педагогического процесса

Аннотация: В статье представлены ретроспективные аспекты развития научно-методических основ физической подготовки как целенаправленного педагогического процесса. Описано вклад основоположников теории физической подготовки в истоках ее развития.

Ключевые слова: физическая подготовка, физическое упражнение, физическое здоровье.

Человечество за свое существование накопило немалый рациональный опыт использования двигательных возможностей человека, который из-за физического воспитания молодежи передавался каждому следующему поколению. С издавна физическое воспитание выступало процессом физической подготовки детей к активной жизнедеятельности, сущность которой составлял развитие физических потенций и качеств человека, расширение и усовершенствование ее функциональных возможностей. Содержание физической подготовки исторически определялось практическими потребностями индивида и общества, сначала — в охоте и ведении хозяйства, а впоследствии — в другой практической деятельности (военной, трудовой и т. д.).

С возникновением различных национальных систем воспитания, физическая подготовка стала их составной частью в плоскости приобретения умений и навыков, необходимых для физической активности и приумножения возможностей человека.

Содержательный анализ работ, касающихся вопросов общей физической подготовки подрастающих поколений, начнем с середины XVI века, когда появились печатные работы (не описательного, а научного стиля) по основам отдельных видов спорта и физических занятий: фехтование — итальянского мастера Ахиллес Мароцци (1536 г.) и строителя Камилло Агриппы (1568 г.), игры в мяч — итальянцев Паоло Кортезе (1511 г.) и Джованни ди Барды

(1580 г.), основ танца — Фабрицио Кароза да Сермонета (1575 г) и Чезата Негры (1590 г) [1]. Названные работы включали описания, и даже определенные математические расчеты движений, то есть содержали элементы научной теории. Однако, первой попыткой сформулировать основы физического воспитания, именно как учебного предмета, была работа «Диалог в гимназиях», немецкого медика и гуманиста Иохима Камерариуса, издана в Лейпциге в 1541 году. Автор описал две составляющие физического воспитания детей: обучение определенным движениям и развитие физических способностей.

И. Камерариус утверждал, что с помощью двигательной активности и специальных физических упражнений, можно изменять определенные параметры тела [2]. И хотя его работа не содержала таких научных элементов, как классификация или методика выполнения упражнений, их влияние на организм человека, расчетов нагрузок для достижения результата. Это была первая попытка упорядочения двигательной деятельности детей через ее организацию в пределах обучения, как подготовки к взрослой жизни.

Первым, на самом деле научным, творчеством можно считать аналитический 6-томный труд итальянского врача «Об искусстве гимнастики» Иеронима Меркуриалиса (1530–1606 гг.), опубликованную в 1573 году. В первых трех томах этого фундаментального произведения описана история античной гимнастики, в остальных трех — раскрыто полезность физических упражнений с точки зрения медицины. Автор попытался подробно объяснить влияние всех видов тогдашних упражнений на тело человека, функциональное состояние его организма и физическое здоровье. Он, в частности, писал: «Более всего ошибается то, кто утверждает, будто физические упражнения не способствуют развитию здоровья ... В отличие от них правильно и разумно вели себя Гиппократ, Платон, Гален и Авиценна, оставившие потомкам учение, согласно которому самый эффективный способ сохранить здоровье — правильное питание и соответствующие физические упражнения» [3].

И. Меркуриалис считал, что благодаря направленным упражнениям можно регулировать развитие организма и таким образом способствовать прогрессу: совершенствованию регуляторных функций нервной системы, развития мышечного аппарата, увеличению функциональных возможностей сердечно-сосудистой и дыхательной систем и т. д. Более того, врач справедливо отмечал, что комплекс физических упражнений позволяет получать не только количественные, но и качественные изменения в функциональных возможностях организма в целом.

Как врач, И. Меркуриалис впервые систематизировал все известные в то время упражнения (по влиянию на организм) и распределений их по назначению на: военные, лечебные, атлетические. При этом, единственным полноценным видом гимнастики он считал лечебную («законную» или «истинную»), поскольку только она «заботится о приобретении людьми здоровья». Атлетическую

гимнастику он называл порочной и подвергал жесткой критике, потому что она не была направлена на развитие организма человека, а способствовала только приобретению определенных форм тела. Задачей военной гимнастики он называл овладение специфическими движениями и умениями. И. Меркуриалис подчеркивал необходимость гармонии духовного и физического воспитания, осуждал излишества в еде, вине и сне, доказывал, что физические упражнения благотворно влияют на душу и тело человека, предотвращают психическую неуравновешенность. Основываясь на собственной врачебной практике, он утверждал, что каждое упражнение является полезной для организма человека, если она приносит радость, а не усталость. Он одобрял пассивное использование природных факторов, таких как передвижение в саду на кресле, на люльке, путешествия на кораблях и тому подобное. Он первым рекомендовал такое упражнение, как имитация боя с тенью для развития органов чувств [4]. И так, итальянский врач впервые в истории общей физической подготовки говорил о ее способах: регламентированные и нерегламентированные, развивающие и прикладные упражнения, а также использование оздоровительных сил природы с целью сохранения физического здоровья человека.

Изучение наследия И. Меркуриалиса дает право признавать его одним из основателей общей физической подготовки (первое описание и классификация физических упражнений, связь физических нагрузок с воздействием на организм человека), основателем оздоровительно-гигиенического направления в гимнастике. Хотя его работа не имела научных оснований, поскольку в то время еще слишком мало было сведений по анатомии человека, а физиология и психология вообще еще не существовали, бесспорной заслугой И. Меркуриалиса можно считать возрождение древне-греческой гимнастики как способа достижения физического совершенства человеческого тела, ее сочетание с медициной.

Следующей работой с элементами научного анализа, можно считать рекомендации известного французского акробата, «придворного» воспитателя Венских и Парижских королей, Аршанжа Тюккаро «Три диалога о упражнениях в прыжках и вольтижировка в воздухе», которая была опубликована в Париже в 1599 году и имела значительное влияние на дальнейшее развитие гимнастики. Автор этого наследия обращал внимание на необходимость развития таких физических качеств человека, как скорость — мгновенная реакция на ситуацию, координация — целенаправленная построение целостных двигательных актов с согласованием и благоустройством действий. Привлекательной чертой книги А. Тюккаро были описания стандартных и нестандартных (тех, что зависят от условий) движений [5].

В формировании содержания физической подготовки подрастающих поколения того времени, как элемента их общего воспитания, значительную роль сыграли такие художественные произведения: «Гаргантюа и Пантагрюэ-

лю» (1533 г.) французского профессора анатомии Франсуа Рабле, в которой он рекомендует обучение своего главного героя чередовать с отдыхом, а физические упражнения (бег, прыжки, стрельбу, метание, лазание и т. д.), формируют вспомогательно-прикладные навыки — с умственными занятиями; «Правитель» (1531 г.) английского просветителя Томаса Элиота, где он подчеркивает необходимость расширения физического воспитания с использованием не только физических упражнений, но и атлетических игр и танцев; «В душе и жизни» (1538 г.) испанского мыслителя Вивес, в которой утверждалось, что у учащихся обязательно должно быть время для игр, полезных для здоровья [2]. Предпосылками появления этих и других трактатов, а также практических действий педагогов того времени, служили достижения современной медицины и перевод трудов великих врачей Гиппократ и Галена.

В 1570 г. Появляется книга «Учитель» английского гуманиста Роджера Эшем, в которой автор предлагает включать физические упражнения (прежде всего, бег, борьбу, танцы, верховую езду) к программе обучения [5]. Интересной для практического использования можно считать труд «Опыты» (1580 г.) французского философа-гуманиста Мишеля де Монтеня, поскольку в ней раскрыто значение игры для укрепления здоровья детей. «Воспитывают, — говорил Монтень — не душу, не тело, а человека» [4].

Томазо Кампанелла в своем утопическом произведении «Город Солнца» (1600 г) описал физические упражнения, необходимые для укрепления здоровья, и рекомендовал собственные правила «моральной гигиены» и здорового режима [5].

Значительное влияние на формирование содержания физической подготовки ребенка, как составляющей ее общего развития и физического воспитания, процесса формирования личности, имел научный потенциал директора Лондонской торговой школы Ричарда Малкастера (1530–1611 гг.) «Исследование всех обстоятельств, обязательных в деле обучения детей, идет ли речь о воспитании духа или тела» [1]. В этом фундаментальном исследовании проанализированы 45 проблемных ситуаций, большинство из которых связана с физическим воспитанием. Автор физические упражнения и игры рассматривает как процесс специфического потребления культурных благ общества, в течение которого облегчается решение и целого ряда других педагогических проблем. Как видим, по содержанию и структуре этот задел претендует на серьезную, по тем временам, научную работу, которая сочетает теоретические выкладки, методические рекомендации и примеры из практики. Самое удачное сочетание теории

и практики позволило Р. Малкастеру получить весомые результаты в обучении и воспитании детей, и предоставило особую значимость его труда. Следует заметить, что это была первая работа педагогического направления — с рекомендациями и пояснениями.

Соглашаясь с большим количеством исследователей, считаем, что основатель научной педагогики Ян Амос Коменский (1592–1670 гг.) Внес значительный вклад и в формирование теории физического воспитания. Подтверждение этому находим в его трудах «Великая дидактика» (1638 г), «Выход из школьных лабиринтов» (1634 г), «О развитии природных дарований» (1652 г) и «Материнская школа» (1632 г) и первом иллюстрированном учебнике «Мир чувственных вещей в картинках» (1658 г.). Опираясь на научные достижения человечества и собственную прозорливость, Ян Коменский разработал целостную теорию взаимосвязанного умственного, духовного и физического воспитания, которая учитывает возрастные, психические и физиологические особенности развития детей, подростков и юношей.

Изучая содержание названных и других произведений писателей-гуманистов (философов, педагогов, врачей) того времени, современные исследователи утверждают, что их мнения относительно физической подготовки детей отличались, однако, в них и много общего, как:

— базирование на историческом опыте прошлых поколений;

— неприемлемость отношение к телу человека как к «тюрьме души»;

— признание взаимосвязи между физическими и духовными усилиями человека;

— введение эстетического идеала гармонически развитого человека;

— попытка выяснить анатомо-физиологические параметры и психологические особенности организма человека;

— признание существования возрастных особенностей развития ребенка, которые следует учитывать в ее физической подготовке;

— рассмотрение физических упражнений как средства сохранения физического здоровья;

— использование средств и сил природы в процессе физической подготовки;

— включение в систему физического воспитания не только отдельных видов спорта (бега, фехтования, верховой ездой, борьбой, метанием копья, стрельбой, плавание и т. д.), но и различных природных движений (бег, ходьба, лазание, метание и т. п.) и подвижных игр, в том числе с мячом.

Список литературы:

1. Бабанский Ю. К., Победоносцев Г. А. – Комплексный подход к воспитанию учащихся: В вопросах и ответах. – К.: 1985. – 256 с.
2. Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 287 с.
3. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 264 с.

4. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. – М.: Педагогика, 1986. – 240 с.
5. Пельменев В. К., Конеева Е. В. История физической культуры: Учебное пособие/Калинингр. ун-т. – Калининград, 2000. – 186 с.

*Tastemirova Gulshara Asilbaevna,
al-Farabi Kazakh National University,
Candidate of Philological Science*

*Ibragimova Meruert Nurhigitovna,
al-Farabi Kazakh National University,
the Faculty of Pre –University education
E-mail: ibragimova.meruert@mail.ru*

Some peculiarities of teaching kazakh to afghan listeners

Abstract: The article discusses similarities proverbs and sayings of Kazakh and Oriental people. Nowadays teaching Kazakh to foreign audience is rapidly developing. The article considers the main problems in the process of teaching the Kazakh language to Afghan students such as peculiarities of explaining lexis of the Kazakh language and phonetics of the Kazakh linguistics.

Keywords: Kazakh language, Afghanistan, phonetics, learning, orthography.

Listeners from Islam Republic of Afghanistan mainly consist of Pushtu, Tajik, Hazara, Uzbek nationalities. The official languages of the Republic of Afghanistan are Pushtu and Dari languages. In the written language it is used the Arabic-Farsi alphabet. Moreover, in Afghanistan 34 million people speak the Dari language which is considered to be a variant of Farsi.

In northern parts of Afghanistan such as Kandagar, Gylmand, Host, Nangarkhar, Paktya people get education in Pushtu because of dense population of Pushu nationality, while in districts Shubyrgan, Balkh, and Fariyab where there are a lot of people from Uzbek nationality the study is in the Uzbek language. However, in higher education institutions education is mainly in the Dari language.

In the Foundation Faculty of Al-Farabi Kazakh National University students from Afghanistan who are learning a language before entering the university have lessons of Kazakh first 6 weeks 36 academic hours in each. That is they have 3 Kazakh lessons 6 days a week. The Kazakh language is spoken at the lessons. There are approximately 15 thousand Arabic and Farsi words in the modern Kazakh language. These borrowed Arabic and Farsi words entered our language mainly in fields of science and education, astronomy, housekeeping, regarding Islam religion, in the direction of administration and politics. There are also a lot of words that don't regards to any of the groups mentioned above, they are used in everyday language, moreover there are a plenty of words which mean abstract notions in literary language.

The fact that there are a lot of Arabic and Farsi words helps Afghan students to understand certain words and intercommunicate at the Kazakh lessons. Because Arabic and Farsi languages are widely used in countries like Turkey, Pakistan, Iran, Afghanistan.

It is very challenging to teach Kazakh to a foreign audience. Teaching the Kazakh language to foreign students con-

sist of different parts like listening, reading, writing, speaking, communication, revising grammar exercises and so on. The main thing in the process of teaching Kazakh which requires paying a great attention is phonetics of Kazakh linguistics. At first lessons after explaining to Afghan students rules of letter and sound, alphabet we tell that vowels are divided into 2 groups: solid and soft vowels.

Being able to distinguish vowels as solid and soft ones plays an important role in mastering the Kazakh language and writing it accurately. After memorizing soft and solid forms of vowels and being able to distinguish them, we suggest paying attention to orthography of vowels. For example,

A letter "a" in the middle of "zh, sh" and "y" is pronounced as "ā" [ǎ], but it is spelled as "a": zhay, shay [dʒǎi, shǎi];

The last letter in the Arabic and Farsi words is spelled as "a", but pronounced as "ā" [ǎ], i. e. Zhamila, rasua [damilǎ, rasuǎ];

Sounds "o, ō, u, ū, ā" have their fixed places in syllables, they are mainly used in the first syllable: or, kōrshi, kulyn, ūlken, āngime.

Sounds 'y, i' are not used at the end of words, and etc.

Having learnt the orthography of vowels Afghan students have skills of writing in Kazakh in a literate way.

There are its peculiarities of explaining the lexis of the Kazakh language. In explaining one of the lexical themes — sayings and proverbs a teacher can ask students to give their own equivalents to Kazakh ones and it helps to compare them, to express student's ideas correctly, and to form students' speaking skills.

It is very important to use models of proverbs and sayings to motivate students to learn a language. Proverbs help students to enrich their vocabulary, to make them deeply understand hidden meanings, moreover, they have a significant meaning in upbringing.

During lessons Aughan students have made sure that proverbs and sayings of Kazakh and other Oriental people have a lot in common. To prove it let's take a Kazakh proverb 'Bireuge or kazba, ozin tusesin' which means 'Don't dig a pit for others, you may fall yourself in it'. This is similar to Firdousi's couplet 'Qim qazyp qousa teren qudyk, oilansyn ozi zhaily bolsa qulyk' (One who digs a deep pit should think of himself first).

To sum up, we are convinced that there a lot of peculiarities of teaching Kazakh to Aughan speakers. We believe that teaching by comparing two languages, explaining parts of the Kazakh linguistics as phonetics, lexis and so on help students to enrich their vocabulary and to make the teaching process more effective and interesting. It is obvious that getting acquainted with new vocabulary, finding their meanings and learning them by heart make students's memory better and speak in Kazakh with preparation or without.

References:

1. Rustemov L. Z. Qazirgi qazaq tilindegi arab-parsy kirme sozderi. – A, 1982.
2. Kumisbayev O. Parsy poeziyasy. – Almaty: Kazakh universiteti, 2003. – 132 p.
3. Kumisbayev O. Shygys shayirlary. – Almaty: Kazakh universiteti, 2004. – 137 p.

*Umarbekova Anara Anarbayevna,
Talas State University Kyrgyzstan
E-mail: nursart@mail.ru*

The pedagogical help to parents concerning the organization of studies of pupils of initial classes

Abstract: The maintenance of pedagogical education for parents concerning the organization of studies of pupils of initial classes is considered in this article. Such specific questions are analyzed as: the day regimen of the pupil, providing a place and observance of the daily optimum regimen for preparation for lessons, training of the pupil in the skills promoting quickly to get to work, and also in due time to do homework.

Keywords: pedagogical education; organization of studies; initial class; day regimen of the pupil; daily optimum regimen; preparation for lessons; training in skills, in due time to do homework.

*Умарбекова Анара Анарбаевна,
Таласский государственный университет Кыргызстан
E-mail: nursart@mail.ru*

Педагогическая помощь родителям по вопросам организации учебных работ учеников начальных классов

Аннотация: В данной статье рассматривается содержание педагогического образования для родителей по вопросам организации учебных работ учеников начальных классов. Анализируются такие конкретные вопросы, как: режим дня ученика, обеспечение места и соблюдения ежедневного оптимального режима для подготовки к урокам, обучение ученика навыкам, способствующим быстро приступать к работе, а также своевременно выполнять домашнее задание.

Ключевые слова: педагогическое образование; организация учебных работ; начальный класс; режим дня ученика; ежедневный оптимальный режим; подготовки к урокам; обучение навыкам, своевременно выполнять домашнее задание.

Общеизвестно, что успеваемость ученика связана и с заботами со стороны членов семьи. Прежде всего, родители должны чувствовать значимость учебной работы и всю ответственность своего участия в ней. Данную задачу ярко освещает высказывание известного педагога

А. С. Макаренко: «Правильное воспитание самого раннего детства — это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хоро-

шо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он действительно захочет, а кроме того, это дело приятное, радостное, счастливое» [3]. Как отмечено в данном высказывании организация учебной работы в семье на первый взгляд кажется легкой и без проблемной, но на самом деле при ее выполнении возникает множество препятствий разной степени трудности. Таким образом, при организации учебной работы ребенка родители, прежде всего, должны ставить требования к себе и, что нема-

ловажно, должны осознанно подходить и контролировать свои действия по отношению к ребенку. На правильность организации учебной работы влияют как внешние, так и внутренние факторы. К внешним факторам относятся правильно организованный режим дня, обеспечение ученика рабочим местом, соблюдение использования ежедневного оптимального времени для подготовки к урокам. К внутренним факторам можно отнести обучение ученика навыкам, способствующим быстро приступить к работе, умение работать в определенном темпе, не отвлекаясь на другие внешние объекты, а также своевременное выполнение домашнего задания.

Вышеперечисленные внешние и внутренние факторы определяют результативность учебной работы. Остановимся на каждом из этих факторов.

Немаловажную роль играет правильно составленный и организованный режим дня. Родители должны начать практику составления режима дня ребёнка и контролировать его соблюдение с первых дней обучения, потому как в жизни ребёнка появляется новое понятие — понятие обязанность. Если ребёнок с первого момента начинает привыкать к соблюдению режима, то в дальнейшем это для него становится нормой т. е. ребенок, принимая новые условия жизни, начинает правильно совмещать труд и отдых, в результате у него вырабатываются некие нормы дисциплины.

При составлении режима дня важно учитывать мнение врачей-гигиенистов относительно временных отрезков, когда трудоспособность ребёнка достигает своего пика. Например, ими отмечаются следующие временные интервалы, когда умственная трудоспособность более продуктивна: первый интервал, по мнению специалистов, с 8 часов утра до 11 часов дня, а второй — с 16 до 18 часов дня. Результативность подготовки ребёнка к следующим занятиям в указанные отрезки суток доказана практикой. Придя после уроков домой, ребёнок обедает, а после он играет в подвижные игры на свежем воздухе в течение не менее 3 часов. На помощь по дому ребёнок должен уделять 30–40 минут ежедневно, а готовить уроки в течение 1 часа. Исходя из вышеизложенного, режим дня для ученика 1 класса можно составить в следующем порядке:

Подъем	7.15;
Утренняя гимнастика, туалет	7.15–7.45;
Завтрак	7.45–8.00;
Дорога до школы	8.00–8.20;
Занятия в школе	8.30–12.15;
Дорога от школы до дома	12.15–12.30;
Обед	12.30–13.00;
Отдых	13.00–14.00;
Прогулка	14.00–16.00;
Подготовка домашнего задания	16.00–17.00;
Отдых	17.00–18.00;
Помощь по дому	18.00–18.45;
Ужин	18.45–19.15;
Свободное время	19.15–20.15;

Подготовка ко сну

20.15–20.30;

Сон

20.30.

Следует ожидать, что впервые дни ребёнок не может правильно распределять время по составленному режиму, в таких случаях родители должны прививать навыки соблюдения режима. Для этого обычно требуется 2–3 недели. Но при этом родители не должны забывать о том, что частые напоминания о режиме не должны быть утомительными. Следовательно, ребёнок должен самостоятельно приучаться соблюдать режим [2].

Приучить ребёнка в одно и то же время готовить уроки и доводить эти действия до уровня отточенных навыков в силах каждого родителя. Как выше сказано, организованный подход к действиям ребёнка должен служить предпосылкой к формированию необходимых для жизни навыков. Так как нарушение одного действия, предопределённым досмотренного в режиме, ведёт к негативным последствиям, это может повлиять на качество подготовки ученика к занятиям. Полноценный сон, утренняя гимнастика, правильное совмещение труда и отдыха и, что немаловажно, правильное питание — это факторы, которые напрямую действуют на уровень качества успеваемости ребёнка.

При составлении режима необходимо уделять особое внимание отдыху и сну ребёнка. Так, например, ученику начальных классов полагается спать в сутки 11,5–12 часов. Потому что только во время глубокого и полноценного сна отдыхают нервные клетки, происходит естественный рост организма и, как результат, повышается трудоспособность человека. Успеваемость учеников младших классов зависит, в первую очередь, от его состояния здоровья, поэтому очень важен правильный подход ко сну ребёнка и соблюдение определённых правил, например:

- 1) Вовремя ложиться спать и вставать;
- 2) Соблюдать гигиенические процедуры перед сном (умываться, чистить зубы, мыть ноги);
- 3) Не допускать перед сном переизбытка, подвижных игр и просмотра телевизора;
- 4) В комнате, где спит ребёнок, должна быть абсолютная тишина, свет должен быть погашен, недопустимо оставлять телевизор включённым.

Очень важно правильное соотношение труда и отдыха ученика. Бытует ошибочное мнение о том, что основное занятие ребёнка — это учёба, и ему не обязательно трудиться. Но, как и учёба, труд занимает важное место в процессе воспитания детей, потому что через трудовое воспитание формируются личностные качества ребёнка. Стоит отметить, что очень важно учитывать возрастные особенности детей, когда они помогают родителям сделать ту или иную работу. Так как, если занятие трудовой деятельностью ребёнка превышает допустимую норму, то это может вызвать у него переутомление либо физическую усталость. А подобное обстоятельство в свою очередь не может не сказаться на успеваемости ученика в целом. К большому сожалению, в настоящее время подавляющее большинство детей проводят свое время перед телеviso-

ром или Интернетом. Такая негативная тенденция понижает уровень способности учащихся к обучению. И поэтому следует ограничить просмотр телевизора и Интернета. Родители должны способствовать тому, чтобы дети играли в подвижные игры, особенно на свежем воздухе. Но и подвижные игры должны иметь свои разумные ограничения. Своевременность и уместность подвижных игр только поднимают трудоспособность школьника. Например, иногда подготовка уроков может быть крайне утомительной для ребёнка. Именно в подобных случаях рекомендуется уделять короткое время, примерно 10–15 минут, на то, чтобы дети могли отдохнуть, играя в подвижные игры.

В режиме дня должны учитываться разного рода нестандартные ситуации такие, как, например, когда ученик переходит с одного класса в другой. Как известно, в это время увеличивается количество и объём домашних заданий, следовательно, ученику потребуется больше вре-

мени. Кроме этого при составлении режима важно учитывать и учебную смену ученика. Такие внешние факторы требуют от родителей составления адаптированного и гибкого режима дня. Режим дня помимо адаптации требует постоянного контроля над его выполнением. Потому как во многих семьях в начале учебного года составляются режимы дня, которые в конце учебного года зачастую забываются. В этой связи родителям необходимо не только контролировать выполнение режима, но и тщательно анализировать все обстоятельства, касающиеся режима дня ученика.

Немаловажную роль играет подготовка рабочего места для ребёнка. Правильная организация рабочей обстановки для ученика способствует повышению уровня его успеваемости. Инвентарь ученика, главным образом стол и стул, для выполнения домашнего задания должны соответствовать его росту [4].

Рост ребёнка в см.	Высота стола в см.	Высота стула в см.
120–129	56	34
130–139	62	38
140–149	68	41

Рабочий стол ученика надо накрывать материалом желательно серого либо зеленого цвета, а свет должен падать с левой стороны стола. Это объясняется тем, что от света, падающего от лампы на лакированную поверхность стола или же на пёстрый материал, образуется блеск, что создаёт неудобства и дискомфорт для работы ученика. Если в домашних условиях ребёнку не предусмотрено отдельное место для подготовки к занятиям, то в такой обстановке можно в определённое время освободить место от общего стола и создать минимальные благоприятные условия для занятий. Родители не должны допускать ошибочного мнения касательно того, что ученику начального класса необязательно отдельное место для подготовки к урокам. Это может привести к неорганизованности, стихийности подготовки ученика к урокам, тогда как специально отведенное место для подготовки к занятиям служит позитивной предпосылкой для выработки определённых навыков и умений ребёнка. Иными словами, ученик привыкает не только к определённому времени, но и к месту, где он каждый день в определённое время готовится к урокам и когда он садится за стол, он сразу же приступает к работе. На этом столе ученик должен готовить только уроки, и на столе должны находиться исключительно школьные принадлежности.

К типичным проблемам родителей можно отнести ситуацию, когда родители не могут заставить ребёнка сесть за уроки. Иногда дети игнорируют и не слушают родителей. И после нескольких предупреждений, если ребёнок даже приступит к выполнению домашнего задания, без внутренней установки он не сможет начать работу. В такой ситуации ребёнок не может сосредоточить своё внимание на подготовке к урокам. Даже жесткие замечания родителей не принесут должного результата. Если подобная

ситуация происходит с ребёнком в первом классе, то корень проблемы кроется в более раннем сроке, т. е. были упущения со стороны родителей в воспитании ребёнка в дошкольном возрасте. Точнее, к таким упущениям можно отнести неорганизованность подхода к воспитанию ребёнка, безотказное исполнение любого желания ребёнка, но в будущем, казалось бы, безобидные упущения могут привести к безответственности, слабохарактерности ребёнка. Если вышеизложенная ситуация наблюдается у ребёнка в 3–4 классах, то это во многом объясняется усложнением учебного материала. Родители иногда просто формально напоминают о том, чтобы ребёнок готовил уроки. Но на практике назидательный тон, тем более жесткий подход не могут дать нужного результата, т. е. ребёнок, боясь родительских упрёков и назиданий, начнёт имитировать подготовку к урокам. Во избежание таких нежелательных ситуаций родители должны взять учебную деятельность школьника в семье под свой контроль. Это означает, что родители вносят ясность в проблемную ситуацию, вступая в тесный контакт с ребёнком. Родителям рекомендуется вместе с ребёнком готовить уроки и вникать в детальные вопросы подготовки, например, «какое задание, было задано по кыргызскому языку», «что мы должны делать?», «описать словесно этот рисунок» и т. д. В конце выполнения каждого задания по разным предметам родители вместе с ребёнком проверяют правильность выполненного задания. Такая совместная работа продолжается до тех пор, пока школьник не перейдет к самостоятельному выполнению заданий. Постепенно ребёнок должен с интересом подходить к каждому заданию, потому что, как отмечают психологи, когда отсутствует интерес к деятельности, ребёнок вдвойне теряет энергию, так как он готовит уроки через силу, заставляя себя. Если согла-

сованная и совместная работа педагогов и родителей пробуждают интерес ученика к учебной работе, то он без всякой помощи, либо приказа будет каждый день своевременно готовить уроки. Какого порядка должен придерживаться школьник при выполнении домашнего задания: С чего он должен начинать? С устных заданий или с письменных? Со сложных или лёгких заданий? Сложно ответить на такие вопросы однозначно, потому что невозможно всем ученикам предложить какой-то рациональный подход касательно данного вопроса. Несмотря на это педагогами начальных классов рекомендуется, чтобы ученик 1–2 классов начинал выполнение домашних заданий с письменных работ. И такая рекомендация объясняется тем, что ученикам 1–2 классов, как правило, письменная работа даётся труднее, чем устная. Именно поэтому ученики начальных классов должны начинать выполнять домашнее задание

с письменных работ, когда их энергия еще не затрачена, они внимательны и сосредоточены. А ученикам 3–4 классов, наоборот, надо начинать с устных заданий. Потому что с 3–4 классов идёт усвоение базового теоретического материала школьниками, без которого невозможно выполнение заданий практического характера [1].

Прежде всего, необходимо определить по каким предметам ребенок испытывает затруднения. И именно с этих предметов надо начинать выполнение домашнего задания. При всем этом, конечно же, учитываются индивидуальные особенности каждого ребенка: некоторые ученики проявляют активность в начале, а в ходе работы эта активность снижается, другие же, наоборот, набирают темп постепенно. Тем, кто активен вначале, необходимо начинать со сложных заданий, постепенно переходя к простым, во втором случае, наоборот, от простого к сложному.

Список литературы:

1. Бардин К. В. Как научить детей учиться. – М. – 1987. – 69 с.
2. Воликова Т. В. Учитель и семья. – М. – 1980. – 44 с.
3. Макаренко А. С. Книга для родителей. – М.: «Педагогика», 1988. – 242 с.
4. Шорина М. В. Беседа с родителями. Начальная школа. – 2011, № 6. – 12 с.

*Fedoseyeva Natalia Viktorovna,
candidate of pedagogic sciences,
associate professor of the chair of general pedagogy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Arzamas Branch
E-mail: nataliya.zhulina@yandex.ru*

Problems of selection and structuring content of spiritual and moral education

Abstract: in this article the problem of structuring the content of spiritual and moral education is considered, need of integrative approach for its construction locates, the principles of an obor of the content of education in this direction, possible options of its structuring are offered.

Keywords: content of spiritual and moral education, principles of selection of the content of education, integrative approach to structuring the content of education.

*Федосеева Наталия Викторовна,
к. п.н., доцент Арзамасского филиала Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского,
E-mail: nataliya.zhulina@yandex.ru*

Проблемы отбора и структурирования содержания духовно-нравственного воспитания

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема структурирования содержания духовно-нравственного воспитания, обосновывается необходимость интегративного подхода в его построении, предлагаются принципы отбора содержания воспитания по данному направлению, возможные варианты его структурирования.

Ключевые слова: содержание духовно-нравственного воспитания, принципы отбора содержания воспитания, интегративный подход к структурированию содержания воспитания.

Одной из важнейших проблем воспитания в современных образовательных организациях является отбор и структурирование содержания духовно-нравственного воспитания. Недопонимание смысла духовно-нравственного воспитания порождает ограниченное представление о нем как имеющем сугубо религиозную направленность как среди сторонников, так и среди противников религиозного компонента в образовании. Несмотря на то, что в Концепции духовно-нравственного воспитания и развития личности гражданина дается четкое определение духовно-нравственного воспитания, позволяющее достичь в конечном итоге разумного компромисса на уровне воплощения его в рамках воспитательной деятельности.

Решением проблем духовно-нравственного воспитания, в том числе вопросами содержания духовно-нравственного воспитания, занимается также фонд «Соратничество», который систематически проводит грантовый конкурс «Православная инициатива», поддерживая разноплановые и разномасштабные проекты в образовании и воспитании.

Вопросы содержания духовно-нравственного воспитания рассматривались с точки зрения традиционной педагогической мысли, адаптированной к православию, в трудах С. Дивногорцевой [2], Л. В. Загрековой, Л. В. Кильяновой [4] и другими, а также А. Гармаевым [1], Г. Шестуном [15] с позиций православных традиций.

Однако, проблема отбора и структурирования содержания духовно-нравственного воспитания рассматривается недостаточно. Общеуниверсальный уровень его построения в психолого-педагогической литературе почти не разбирается. Если содержание образования по концепции В. В. Краевского и А. В. Хуторского имеет личностно-ориентированную иерархически-уровневую структуру как процесс восхождения содержания образования от абстрактного уровня до уровня системы личностного мировоззрения, то относительно содержания воспитательной деятельности подобного вопроса не возникает в принципе. Педагог осуществляет выбор содержания воспитания чаще всего без относительно его теоретического осмысления, отдавая предпочтение тому материалу, который представляется ему наиболее целесообразным на данный момент времени в контексте той или иной работы с учащимися (познавательной, эстетической и т. п.). Неоднозначность, иногда полярность в оценке проблем духовно-нравственного воспитания, изобилие значимых на первый взгляд материалов по нравственному воспитанию ставят педагога перед проблемой их адекватного выбора.

Поэтому построение содержания воспитания должно быть детально рассмотрено. В связи с этим, следует опираться на системно-деятельностный, личностно-ориентированный подходы к отбору и проектированию содержания воспитания, сбалансированность светской и религиозной составляющей как разумного компромисса в его отборе и проектировании, значимого и для светски и православно-ориентированных образовательных организаций.

Система теоретических норм построения содержания духовно-нравственного воспитания имеет дуальный характер. С одной стороны, дидактические основы его построения обуславливают необходимость соблюдения принципов систематичности и последовательности воспитательного материала, наглядности и связи с жизнью, соблюдения уровня доступности, обеспечение развития эмоционально-волевой сферы личности обучающегося. С другой, целесообразно определить те нормы, которые отразят специфику духовно-нравственного воспитания. Анализ программ и внеклассных воспитательных мероприятий (сборники, материалы сайтов методсовет [9] и современный учительский портал [14]) по духовно-нравственному воспитанию позволяет выявить ряд общих их характеристик, на основе которых можно выделить следующие принципы отбора содержания воспитания:

- принцип безусловного воздействия на эмоционально-волевую сферу (использование такого материала, методов и средств, которые вызовут отклик, оставят яркие впечатления);

- принцип возвышения (предполагает максимально уважительное отношение к участникам образовательного процесса, выраженное в средствах подачи материала, формах взаимодействия педагога и учащихся, отношении педагога к материалу и т. д.);

- принцип действенности (работа с материалом должна содействовать формированию готовности к соблюдению нравственных норм);

- принцип стимулирования (требует, чтобы отобранный материал заставлял задуматься, настраивал на осмысление проблем духовности, нравственности в жизни человека, значения системы ценностей).

Проектирование содержания образования согласно данным принципам требует выбора интегративного начала содержания духовно-нравственного воспитания и определение основ способа его структурирования.

В зависимости от направленности образовательной организации (светское или православно-ориентированное) и с учетом корректного уважительного бережного отношения к культуре, ценностям, структурироваться содержание духовно-нравственного воспитания может по-разному, базируясь на разных подходах. Программы по духовно-нравственному воспитанию могут быть построены на сугубо религиозном материале (провиденциалистский подход) для православно-ориентированных образовательных организаций, для светских — на религиозном, мультикультурном, культурологическом, антропологическом подходах.

Так, например, составляя программу по ознакомлению школьников и выработке у них ценностного отношения к праздникам религиозно-ценностный (провиденциалистский подход) подход будет подразумевать опору на религиозные праздники, с четко проведенным разграничением с языческими праздниками, сопровождающим компонентом может стать рассмотрение светских праздников, с це-

лью формирования уважительного отношения верующих к людям неверующим. В светских программах требуется превалирование духовно-нравственного компонента посредством синтеза культурологических и религиозных истоков тех или иных праздников. Праздники можно, тем самым, рассматривать из разных религий, проводить сравнительно-сопоставительный анализ.

Немаловажным является и выбор того или иного интегративного начала, вокруг которого будет структурировано все содержание воспитания.

Интегративным компонентом структурирования содержания духовно-нравственного воспитания могут стать семейные традиции, обусловив построение курса: сущность традиций, важность традиций в семейном воспитании, ценности моей семьи, духовный смысл общения в семье, счастье как смысл жизни человека. Опорными для подбора материалов здесь могут стать публикации Ю. И. Россовой [12; 13].

Основой для объединения материала по духовно-нравственному воспитанию может стать слово. Здесь возможны комбинации материала в зависимости от авторской позиции создающего такой курс. Может быть раскрыта лексическая сторона слова, литературное произведение как носитель слова, Библия как носитель слова Божия и т. д. Помощь в отборе содержания и форме проведения таких мероприятий могут оказать публикации по вопросам духовности литературных произведений разных жанров И. В. Кузиной, В. Ф. Миронычевой и других [5; 6; 7; 9].

Объединяющим началом могут выступать и праздники. В этом случае в содержании должны быть раскрыты следующие составляющие: праздники — источник праздника; символическая атрибутика праздника, места проведения (города, храмы), характер проведения праздника в тех или иных городах; символическое его предназначение; человек, его личностные качества, как создателя, участника; символ праздника, внедрение новой лексики в связи с праздником. Возможна дифференциация праздников внутри программы. Проблема дифференциации праздников является одной из сложных, так как ряд религиозных праздников наложился на языческие, тесно с ним переплетаясь, что в конечном итоге приводит к путанице в их осмыслении.

Содержательно можно выделить следующие блоки: праздники светские (мероприятие: Что в имени тебе моем? (об истории того или иного имени)), праздники религиозные (мероприятие: День ангела (связь имени и дня ангела)); религиозные ставшие общепринятыми и пропа-

гандируемыми (мероприятие День семьи, любви и верности (Петр и Феврония); духовный смысл праздника (мероприятие: Пост как праздник духа и души); праздники-смешения религиозные и языческие или праздники-подмены [13] (мероприятие: «Праздник масленицы», «Покров»); праздники языческие.

В свою очередь принято проводить внутреннюю дифференциацию религиозных праздников, среди которых выделяются преходящие, день празднования зависит от Пасхи (Вход Господень в Иерусалим, Вознесение Господне, День Святой Троицы) и непреходящие, имеющие всегда определённую дату в календаре (в общей сложности 62). А также двенадцатые, великие, средние и малые объединённые по важности поминаемых лиц и степени торжественности богослужения (Пасха; Рождество Пресвятой Богородицы, Воздвижение Животворящего Креста Господня; Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, Св. Иоанна Златоуста, Трёх Святителей и Вселенских Учителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, Великомученика Георгия) [3].

Структурирование содержания духовно-нравственного воспитания в таком случае в процентном соотношении тех или иных праздников, степень их раскрытия и взаимосвязи может зависеть от направленности образовательной организации (светская или православно-ориентированная [9]), от предпочтений, мировоззрения педагога. Приоритетными для педагогов православных образовательных организаций будут религиозные, при этом остальные или займут минимальное место или просто не войдут в систему их воспитательной работы. Педагоги светских образовательных организаций в зависимости от подхода к процессу воспитания также могут использовать разнообразные способы построения, взяв за основу соотношения языческого-религиозного в праздниках, рассмотреть историю их возникновения и взаимопроникновения. Процентное их соотношение может быть равным, а контекст рассмотрения культурно-исторический.

Следовательно, при продумывании содержания духовно-нравственного воспитания необходимо четко представлять стержневую основу предстоящего воспитательного курса в целом, главное, вокруг которого будет базироваться весь материал.

Таким образом, проблема построения содержания духовно-нравственного воспитания может быть решена при опоре на данные педагогической науки и при разумном балансе религиозного и светского компонентов без возникновения почвы для противоречия.

Список литературы:

1. Гармаев А. Нравственная педагогика и психология. — Режим доступа: URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/GARMAEW/nrawstw.txt> (дата обращения 21.11.2015).
2. Дивногорцева С. Ю. Духовно-нравственное воспитание в теории и опыте православной педагогической культуры. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. — 240 с.
3. Женский монастырь в честь именуемой иконы Божьей Матери «Всецарица». — Режим доступа: URL: http://vsetsaritsa.ru/great_holidays/O_tserkovnykh_prazdnikakh_Velikie.php (дата обращения 22.11.2015).

4. Загрекова А. В., Кильянова А. В. Православная педагогика. Ч 1.: Общие основы педагогики. Теория и методика воспитания. Хрестоматия: учеб.пос. для студ., обучающихся по педагогическим специальностям/сост. А. В. Загрекова, А. В. Кильянова. – Н. Новгород: НГПУ, 2014. – 622 с.
5. Кузина И. В., Миронычева В. Ф. Этико-эстетический анализ художественного произведения (по сказке-притче А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»)//Образование в современной школе, 2012. – № 11. С. 22–25.
6. Кузина И. В. Уроки литературы в старших классах//Практический журнал для учителя и администрации школы, 2004. – № 4. С. 59–68.
7. Лёвкина Е. В. Особенности воспитательной работы в Арзамасской православной гимназии//Академический журнал Западной Сибири, 2010. – № 5–6. С. 16.
8. Методический портал учителя Режим доступа: URL: <http://metodsovet.su/> (дата обращения 15.11.2015.)
9. Миронычева В. Ф., Кузина И. В. Урок-диалог как способ организации самостоятельной работы при изучении современной драматургии//Академический журнал Западной Сибири, 2010. – № 5–6. С. 18.
10. Россова Ю. И. Культура толерантных отношений в сфере «родитель – ребёнок»//Детский сад от А до Я, 2011. – 3. С. 76–86.
11. Россова Ю. И. О православных супругах и родителях. Актуальные проблемы современного обучения и воспитания//Арзамас: АГПИ, 2010. – 166 С. 176.
12. Русские праздники как отражение духа народа. Христианство и язычество – две стороны русского праздника. – Режим доступа: URL: <http://www.km.ru/front-projects/russkie-prazdniki-kak-otrazhenie-dukha-naroda/khristianstvo-i-yazychestvo-dve-storony> (дата обращения 22.11.2015).
13. Современный учительский портал Режим доступа: URL: <http://easyen.ru/> (дат обращения 16.11.2015).
14. Шестун Е. Православная педагогика. – Самара: ЗАО "Самарский информационный концерн", 1998. – 576 с.

*Fedoseyeva Natalia Viktorovna,
candidate of pedagogic sciences,
associate professor of the chair of general pedagogy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Arzamas Branch
E-mail: nataliya.zhulina@yandex.ru*

Variety of forms of carrying out out-of-class actions on spiritual moral education

Abstract: In this article forms to out-of-class educational work are considered, need of use of all variety of forms for the successful solution of problems of spiritual and moral education is emphasized.

Keywords: spiritual and moral education, forms of out-of-class educational work, form of educational work on spiritual moral education.

*Федосеева Наталия Викторовна,
к. п.н., доцент Арзамасского филиала Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
E-mail: nataliya.zhulina@yandex.ru*

Многообразие форм проведения внеклассных мероприятий по духовно-нравственному воспитанию

Аннотация: в данной статье рассматриваются формы внеклассной воспитательной работе, подчеркивается необходимость использования всего многообразия форм для успешного решения задач духовно-нравственного воспитания.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, формы внеклассной воспитательной работы, формы воспитательной работы по духовно-нравственному воспитанию.

Актуальность проблем духовно-нравственного воспитания не вызывает сомнений. В настоящее время оно находится в центре внимания педагогической общественности,

что обусловлено необходимостью рассмотрения проблем воспитания, вызванных реалиями современной жизни, порождающих развитие потребительской культуры, эгоизма,

стяжательства, равнодушия и чёрствости, стремление к получению удовольствия, утрате семейных ценностей. В таких условиях человек теряет способность быть стратегом и субъектом собственной жизни, творца культурных ценностей, активного участника общественной жизни. Поэтому в Концепции духовно-нравственного воспитания и развития личности гражданина России и Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года устанавливается приоритет духовно-нравственного воспитания, раскрывается понятие духовности, обозначаются ценностные ориентиры формирования личности как гражданина и семьянина. В связи с этим вопросы отбора содержания, методов, форм духовно-нравственного воспитания приобретают особую значимость.

Возникает противоречие между широтой, сложностью, неоднозначностью духовно-нравственного воспитания, которое требует не только ознакомления с нравственными ценностями, но и формирования отношения к ним, установления собственной позиции, не противоречащей общепринятым нормам, и кажущимся на первый взгляд ограниченным количеством форм, которое можно использовать для его реализации.

Грантовый конкурс «Православная инициатива» (на средства которого публикуется данная статья) подтверждает необоснованность данного узкого взгляда. Поддерживаемые конкурсом проекты неоднократно демонстрировали разнообразные формы взаимодействия со школьниками от простых мероприятий до музейной педагогики.

Сущность и многообразие форм воспитательной работы в педагогической литературе представлены достаточно широко. Понятие воспитательных форм, приоритет диалогового взаимодействия устанавливается в трудах М. И. Рожкова, Л. В. Байбородовой [2]. Анализируя формы воспитательной деятельности, Л. Н. Седова, Н. П. Толстоуцких [4], Н. Л. Худякова [5], Е. А. Еремина [2] оценивают их функциональность и традиционную методiku организации, обращают внимание на институциональные формы взаимодействия. Тем не менее, проблема отбора форм духовно-нравственного воспитания рассматривается недостаточно. Их выбор представляет собой сложность по ряду причин.

Во-первых, неоднозначность проблем затрагиваемых в ходе этого направления воспитания (свобода в жизни человека, добро, смысл жизни, служение и другие). Во-вторых, необходимость построения воспитательного взаимодействия на субъектно-субъектной основе, требующей активной позиции личности воспитанника в ходе процесса воспитания, но при обозначенной выше тематике педагоги теряются с выбором активной формы для такого содержания. Как следствие, возникает формализм в подходе к реализации задач воспитания, а значит и выбору форм взаимодействия в ходе решения задач духовно-нравственного воспитания.

В связи с этим представляется целесообразным определить смысл, вкладываемый в понятие формы воспитательной деятельности, установить, какие формы взаимо-

действия в рамках духовно-нравственного воспитания являются наиболее приемлемыми и определить классификацию, которая поможет педагогу с легкостью осуществить свой выбор.

Определение сущности форм духовно-нравственного воспитания не может ограничиваться его пониманием просто как средством выражения содержания. В силу того, что в ходе его организации формируется система ценностных отношений как определяющего и направляющего фактора сознания и поведения человека, определяющим компонентом должна стать диалоговость (Р. А. Еремина, М. И. Рожков и др. [2; 3]). Поэтому форма воспитательной деятельности является способом организации активного взаимодействия, взаимодействия между педагогом и воспитанником на основе проблемного нравственного содержания. Данное понимание органично сочетается с современным подходом к оценке воспитательного процесса (Д. В. Григорьев, П. В. Степанов [1]). Уровневый характер результатов, развивающее воздействие внеклассной деятельности на школьника под влиянием духовно-нравственного приобретения («эффект воспитания») как раз и подчеркивают необходимость диалога как базовой основы форм воспитательного взаимодействия и залога успешности решения задач духовно-нравственного воспитания личности.

Учитывая сложность и неоднозначность понимания форм воспитательной деятельности, существует множество их классификаций, спектр оснований которых колеблется от простого количественного состава до зависимости от результата. Для решения задач духовно-нравственного воспитания принципиально значимым является выбрать и дифференцировать те из них, которые будут иметь наибольший эффект, то есть позволят школьникам не только усвоить нормы и нравственные ценности, обеспечат сознательный их выбор в повседневной жизни, готовность и способность к нравственному поведению.

Наибольшую помощь в выборе форм могла бы оказать дифференциация, основанная на идее результативности и эффективности педагогического процесса в трактовке Д. В. Григорьева и П. В. Степанова [1]. Опираясь на неё можно выделить три группы. В основе первой ознакомление с ценностями и нравственными нормами: мероприятие-репортаж, защита и презентация исследования, виртуальная экскурсия, историческая экспертиза, круглый стол, живая газета, философский стол, проблемный стол и т. д. Вторая группа, ориентированная на осмысление и формирование сознательного к ним отношения к ценностям: беседа, следственный эксперимент, дебаты, деловая игра, тренинг, дискуссия, кейс, погружение, философский стол, проблемный стол, ток-шоу, что? где? когда?. Третья, нацеленная на обеспечение свободы выбора тех или иных ценностей; формирование умений и навыков нравственного поведения, опыта самостоятельного действия: праздники-игры с живым участием ребенка в игровом действии, ролевая игра, деловая игра, игры-упражнения, сюжетно-ролевые игры, мастерская подарок маме и папе, игры-предположения, конкур-

сы, историческая ретроспектива, фантастическая добавка, игра-путешествие, имитационная игра.

Так как некоторые формы имеют все три направленности, то их целесообразно было бы определить в четвертую группу комплексного воздействия: театрализация, инсценированные, коллективное творческое дело.

Таким образом, формы духовно-нравственного воспитания обуславливаются многообразием форм в целом. Для решения задач данного направления воспитания можно выбрать то, которое наиболее приемлемо для той или иной возрастной категории учащихся и с учетом поставленной цели.

Список литературы:

1. Григорьев Д. В., Степанов П. В. Внеурочная деятельность школьников. Методический конструктор. – М.: Просвещение, 2013. – 223 с.
2. Еремина Р. А. Функции и основные направления деятельности классного руководителя: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям по дисциплине «Педагогика» цикла «Общепроф. дисциплины» / Р. А. Еремина. – М.: Гуманитар, изд. центр ВЛАДОС, 2008. – 183 с.
3. Рожков М. И., Байбородова Л. В. Теория и методика воспитания. – М.: Владос, 2004. – 384 с.
4. Седова Л. Н., Толстолюбских Н. П. Теория и методика воспитания: Конспект лекций. – Режим доступа: URL: <http://www.e-reading.by/book.php?book=99153> (дата обращения 20.11.15)
5. Худякова Н. Л. Теория и методика воспитания: учеб. пособие / Н. Л. Худякова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009. – 277 с.

*Heiko Ital,
Hankuk University of Foreign Studies, Ass. Professor
in the German Department of Interpretation and Translation,
E-mail: heikokarlital@hufs.ac.kr*

Konkurrenzkampf im südkoreanischen Schulsystem

This article was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2015

Abstract: Der Artikel behandelt den Konkurrenzkampf an koreanischen Oberschulen. Es wird aufgezeigt, welche Strategien und Auswirkungen der Kampf um einen Platz an einer der Spitzenuniversitäten im Land hat.

Keywords: Schule, Universität, Südkorea, Konkurrenz.

Der Zugang an die koreanischen Spitzenuniversitäten wird häufig Schülern aus bereits finanziell erfolgreichen Familien gewährt. Das ist eine Entwicklung, die besonders durch die Bildungseuphorie und die Rolle der Fremdsprachenoberschulen sichtbar wird. Bildung wurde auch schon im traditionellen Korea als eine Form zur Selbstkultivierung und als Mittel zum Erlangen von Macht und Status geschätzt. Letzteres ließ sich vornehmlich durch das Bestehen der Aufnahmeprüfung für wichtige Regierungsposten aber nur für Aristokraten erreichen. Mit dem Ende der japanischen Kolonialherrschaft und des Koreakriegs fanden jedoch plötzlich Millionen von Koreanern ohne aristokratischen Familienhintergrund die Möglichkeit, ihr Leben durch die Schulbildung ihrer Kinder zu verbessern. Folglich wurde eine Welle der Bildungseuphorie ausgelöst, die bis dato nicht an Kraft verloren hat.

Wer es bis nach ganz oben schafft, also bis zu den drei Spitzenuniversitäten Seoul Nationaluniversität, Korea Universität sowie Yonsei Universität, hat sich aus Sicht vieler Südkoreaner den sozialen Aufstieg in der Gesellschaft gesichert. Absolventen dieser Spitzenuniversitäten besetzen hochrangige Posten in staatlichen Einrichtungen, wichtigen Firmen, der Justiz sowie auch an berühmten Universitäten. [1] Diesen Aufstieg zu erreichen und diese soziale Anerkennung zu be-

kommen, ist ein hochgestecktes Ziel, das leider auch oftmals sehr hohe finanzielle Belastungen für Familien und extreme körperliche und seelische Anstrengungen für Oberschüler mit sich bringt. In einem wirtschaftlich sehr erfolgreichen Land wie Südkorea, in dem staatliche Sozialausgaben nach wie vor begrenzt sind, ist die Investition in eine gute Schulbildung der Kinder auch fortwährend noch eine Art von sozialer Absicherung. Tatsächlich werden die nationalen Bildungsausgaben fast bis zur Hälfte von südkoreanischen Eltern getragen [2], allerdings hat sich die Kluft der Bildungsausgaben zwischen Familien unterschiedlicher Einkommensschichten seit 2008 weiter stark geöffnet. Dass Lernerfolg und Intelligenz allein einen südkoreanischen Schüler nicht an Spitzenuniversitäten bringen können, haben mittlerweile auch viele Eltern erkannt. Sie suchen gezielt nach Wegen, ihren Kindern ein bisschen Vorsprung im Konkurrenzkampf um gute Universitätsplätze zu sichern und geben deshalb Unmengen an Geld für private Nachhilfeschoolen aus, die ihre Kinder auf die Aufnahmeprüfung für Universitäten vorbereiten. In der Tat gehört Südkorea zu den OECD Ländern mit den höchsten privaten Ausgaben für die Schulausbildung und Nachhilfe von Kindern. Fachbezogene Oberschulen, insbesondere solche die sich auf Fremdsprachen spezialisiert haben, sind vor al-

lem unter erfolgsorientierten südkoreanischen Eltern in den letzten Jahren sehr beliebt geworden. Obwohl die eigentliche Aufgabe der Fremdsprachenoberschulen das Vermitteln von Fremdsprachen ist, haben sie sich zu einem erfolgsversprechenden Sprungbrett für die Aufnahme an den Spitzenuniversitäten erwiesen. 2007 zum Beispiel wurden 2165 Schüler von sechs in Seoul ansässigen Fremdsprachenoberschulen an den drei Spitzenuniversitäten aufgenommen, wobei allein 70% der Schüler von der Topfremdsprachenoberschule kamen [3]. Vier Jahre später, also 2011, gab es laut Medienberichten fast 30% Schüler, die von den sechs besten und fast 55%, die von der besten Fremdsprachenoberschule auf einer der drei Spitzenuniversitäten aufgenommen wurden [4]. 2012 wurden 45,5% der Schüler von Seouler Fremdsprachenoberschulen an den drei Spitzenuniversitäten in Seoul zugelassen. Diese Kluft in der Aufnahme von Schülern an den drei besten Universitäten Südkoreas wird besonders deutlich, wenn man die Schüler von normalen Oberschulen und deren Bildungswege betrachtet. Laut einer Studie von 2010 bestanden nicht mehr als 3,5% die Aufnahmeprüfung an den drei Spitzenuniversitäten in Südkorea. Infolgedessen ist es keine Überraschung, dass sehr ergeizige Eltern versuchen, ihre Kinder an einer der erfolgsversprechenden Fremdsprachenoberschulen unterzubringen. Die Aufnahme an solch einer Schule ist allerdings stark abhängig von dem Englisch TOEFL-Testergebnis eines Bewerbers, in dem die Noten aus der Mittelstufe (80%) und aus dem Interview (20%) ausgewertet werden. Häufig lernen Kinder aus wohlhabenden Familien allerdings schon von klein auf, manchmal sogar zweisprachig, die englische Sprache. Nicht ungewöhnlich ist es, wenn deren Eltern ein Doktorstudium in den USA oder in einem anderen englischsprachigen Land absolviert haben. In anderen Fällen leben die Mütter jahrelang allein mit ihrem Kind im englischsprachigen Ausland und werden vom zurückbleibenden Vater in Südkorea finanziell unterstützt. Offensichtlich besitzen solche Kinder deutlich bessere Englischkenntnisse als Kinder aus Normalverdienerfamilien, da sich ihre Eltern auch öfters qualitativ bessere und teurere Nachhilfeschulen mit englischen Muttersprachlern nach Auslandsaufenthalten leisten können. Tatsächlich haben sich auffällig gute Englischkenntnisse als ein Merkmal der Klassenzugehörigkeit in der südkoreanischen Gesellschaft eingebürgert [5]. Recht häufig besetzen in den USA Promovierte einflussreiche Positionen in der Regierung oder zum Beispiel in großen Konzernen. Normalverdienerfamilien ist der Zugang zu dieser sozialen Schicht weitgehend versperrt, da sie nicht die Kontakte und schon gar nicht die Gelder für lange Auslandsaufenthalte und teure Nachhilfeschulen aufbringen können.

Der Konkurrenzkampf um die Aufnahme an einer Fremdsprachenoberschule hat aber auch Probleme verursacht, die viele Nachteile für Normalverdienerfamilien mit sich bringen. Einerseits hat die außerordentliche Beliebtheit der Fremdsprachenoberschulen dazu beigetragen, dass der Konkurrenzkampf um die vorbereitenden Kurse an den privaten Nachhilfeschulen enorm zugenommen hat, andererseits

hat dieser heftige Wettbewerb um Plätze an Fremdsprachenoberschulen die Preise für Nachhilfeunterricht erheblich steigen lassen [6]. Viele private Nachhilfeschulen bieten maßgeschneiderte Online-Kurse für die Aufnahme an Fremdsprachenoberschulen an, jedoch zu sehr hohen Preisen. Demzufolge ist die Bildungsschere zwischen verschiedenen gesellschaftlichen Schichten in Südkorea weiter gewachsen. Die Kosten, ein Kind an einer Fremdsprachenoberschule ausbilden zu lassen, sind bis zu dreimal höher, als es an den normalen öffentlichen Oberschulen der Fall ist [7]. Für Schüler, die an einer Fremdsprachenoberschule aufgenommen worden sind, kann ein erfüllter Traum aber auch zum Alptraum werden. Der Leistungsdruck an den Fremdsprachenoberschulen ist extrem hoch und Schüler verbringen ihren ganzen Tag mit Lehraufgaben, von früh morgens bis spät in die Nacht, tagein, tagaus. Oft schlafen sie tagelang nur einige Stunden, essen unregelmäßig und haben über Wochen hinweg keine Zeit zur Erholung. Das hinterlässt sichtbare Spuren, denn ein jahrelanges pausenloses Büffeln erzeugt physische und psychische Probleme. Im schlimmsten Fall, wie eine Spanischlehrerin an einer berühmten Fremdsprachenschule berichtete [8], verschwinden auf einmal zwei Schüler und man erfährt ein wenig später, dass sie Selbstmord begangen haben. 2010 allein nahmen sich 353 Jugendliche im Alter von zehn bis neunzehn Jahren das Leben, 11,8% der jungen Südkoreaner denken zumindest einmal im Jahr an Selbstmord und die am häufigsten genannten Gründe dafür sind mit fast einem Viertel die Noten und die Aufnahmeprüfung für die Universitäten. In der Tat können manche Schüler den Belastungen, die auch stark von den Eltern ausgehen, nicht mehr stand halten und Selbstmord oder schwere seelische Schäden und Gewalt sind die Folgen davon. In einem weiteren Fall 2011 erstach ein Oberschüler im Seouler Stadtrandgebiet seine Mutter, weil er den Druck an eine gute Universität gehen zu müssen, den Schlafentzug und die Schläge seiner Mutter nicht mehr ertragen konnte. Tyranisierung an Oberschulen ist auch ein aktuelles Thema geworden. Ein über zwei Jahre hinweg stark schikaniertes südkoreanisches Student nahm sich Anfang 2013 das Leben, einen Monat vorher gab es einen ähnlichen Fall.

Obwohl solche Fälle natürlich nicht die Regel sind, ist es nennenswert, dass die anhaltende Bildungseuphorie vieler südkoreanischer Eltern viele Nebenwirkungen erzeugt, und zwar Bildungsqualität einschränkende und solche, die zu einer Belastung für die ganze Familie werden. Der Massenandrang der südkoreanischen Eltern auf gute Bildungseinrichtungen behindert nicht nur notwendige Reformbemühungen, die das Bildungssystem flexibler und pädagogisch sinnvoll gestalten könnten, sondern versetzt auch so manche Familien in finanzielle Nöte. Der auf den Kindern lastende Leistungsdruck, eine gute Universität erreichen zu müssen, könnte auch durchaus verringert werden, würde man das Problem an den Wurzeln packen. Durch ein Mindern der in Südkorea bestehenden Bildungseuphorie und der Erwartungen der Eltern wäre es gegebenenfalls möglich, die finanziellen und psychologischen Belastungen der Familienmitglieder ein wenig zu verringern.

Südkoreaner könnten in dem Sinne vielleicht lernen, dass sozialer Erfolg und Anerkennung nicht nur durch Bestehen der Aufnahmeprüfung an Fremdsprachenoberschulen und SKY-Spitzenuniversitäten erreichbar sind. Einige sehr bekannte Schriftsteller, Sänger und Schauspieler sind auch, ohne renommierte Universitäten besucht zu haben, erfolgreich geworden. Weniger und ein bisschen realistischere Bildungseuphorie, gekoppelt mit einer Bildungspolitik, die es auch Kindern aus normalen Familien erlaubt, an Fremdsprachenoberschulen und Spitzenuniversitäten unterzukommen, wären in diesem Sinne sehr wünschenswert. Ein Schritt nach vorn ist sicher-

lich die sich noch in der Anfangsphase befindende neue Bildungspolitik, die es seit 2010 immerhin 20% der Kinder aus einkommensschwachen Familien und Familien mit ausgezeichneten Kriegsveteranen erlauben soll, an einer Fremdsprachenoberschule aufgenommen zu werden. Von den ausgewählten 20% hatten jedoch 2010 nur 86,7% solch einen familiären Hintegrund. Im Jahr 2011 waren es sogar nur noch 41,7%. Überschattet wurde dies kürzlich durch Ermittlungen gegen 163 Schüler, deren Aufnahme an acht renommierten Oberschulen im Mittelstufenbereich durch Betrug und Notenfälschung erreicht worden ist.

References:

1. Kim Sang-Bong. Elitäre Gesellschaft, 2004.
2. Chang Kyung-Sup. South Korea under Compressed Modernity, 2010.
3. Park Hyu-Yong. Emerging Consumerism and the Accelerated, Education Divide: The Case of Specialized High Schools, 2007.
4. Kim Min-Sang. The widening educational divide, 2011.
5. Park, Abelmann. Class and Cosmopolitan Striving: Mothers' Management of English Education in South Korea, 2004.
6. Park Hyu-Yong. Emerging Consumerism and the Accelerated, Education Divide: The Case of Specialized High Schools, 2007.
7. Informelles Interview. Daeweon Fremdsprachenoberschule, Seoul, 2012.

*Yussupova Tamara Kazyhanovna,
teacher in Nazarbayev Intellectual School*

E-mail: Yussupova_T@krg.nis.edu.kz

Aliyeva Ainur Zekenovna, teacher in Nazarbayev Intellectual School

E-mail: Aliyeva_A@krg.nis.edu.kz

Trilingual integration of languages and disciplines in a skills-based learning environment

Annotation: The article discusses the nature of the research work of high school students in social and humanitarian areas. Authors provide various reasons on the basis of personal experience; justify their views on the effectiveness of research, analyzing scientific works of students.

Keywords: team teaching, trilingual policy, research skills, critical thinking, reflection, communication, cognition, skill-based learning, content-based learning, perspectives.

The Cambridge Pre-U courses "Global Perspectives and Project Work" and "Kazakhstan in the Modern World" have been designed by Cambridge University as a programmes of study, which support the development of well-informed, open-minded and independent individuals capable of applying their skills to meet the demands of the rapidly growing world. The course encourages a deep understanding in learning which is likely to involve higher order cognitive activities.

The courses was implemented into the curriculum of Nazarbayev Intellectual School of Chemistry and Biology in Karaganda city for 11 and 12 grade students in the beginning of 2013–2014 schooling year. The subjects have a completely new character as opposed to other Humanities taught at school. The course plan of "Global Perspectives and Project Work" provides different global issues as a playground for expanding creative, critical, and responsible

awareness through the tackling of global issues as: Biodiversity, Migration, The Impact of the Internet, Law and Criminality. In "Kazakhstan in the modern world" students focus on national or local issues, as follows: "The prospects for the development of the Internet in Kazakhstan Stock Exchange", "The issue of unification of the retirement age for women and men in Kazakhstan", "Do pre-school children need to learn English language", "Will distribution of methane in the coal industry damage the ecology of the Karaganda region?" and others.

Global Perspectives and "Kazakhstan in the modern world" courses provide a wide range of different interactive activities at the lesson, such as brainstorming, debates, project work and team presentations, quiz show for revising the terminology of the course, case studies and many others. At the same time, the students have an equal share for individual

work through log writing and individual research work, acquired by the course.

Global Perspectives is taught through the policy of team teaching, which allows teachers the opportunity to apply what they know and support each other as they implement and refine practice. Local teachers co-teach with international counterparts from the United States and New Zealand with a major in social studies, using different team-teaching strategies as: one teach/one assist, one speak/one add, one teach/one chart, parallel teaching.

Due to the trilingual policy Global Perspectives is taught in English and “Kazakhstan in the Modern World” is in Kazakh. The trilingual policy proved to be successful in many ways for a skills-based subject. First, students, with weaker command of language may have a good practice by expressing their perspectives in English and feel more confident to speak out their perspectives as language skills are not assessed. The same case is with “Kazakhstan in the modern world” which is taught in Kazakh. This is highly important for individuals to recognise a wide range of personal talents, interests and abilities, which ensure the skills required for a university degree course. Second, learning in three languages helps students to work with authentic materials and develop perspective, which equips them to understand a range of different cultures and ideas and to correspond to the opportunities for international mobility. The implementation of trilingual policy into the course strengthened the students’ confidence in learning and production. Development of research skills is the main objective both courses as the whole assessment of it ends at the point where a student might be expected to be aware of the issues involved in setting up a research, crafting an appropriate research question, and undertaking a literature review as well as collecting primary data. The skills are assessed in relation to an original research — from an argumentative research essay to individual research report. So, in the second term, after being introduced the approach of critical path, which is analysing and evaluating arguments and evidence, the students were led into the process of writing an argumentative research essay. The fact that students write research papers in English and Kazakh

reinforces students’ potential and success to investigate the topic through the prism of different languages and find evidence to support diverse perspectives.

The courses of Global Perspectives and Kazakhstan in the modern World serve a good playground for implementing different approaches in one which proves to be most effective upon the question — should we teach knowledge or skills? Who do we need in the 21 century — knowers or thinkers? And the answer lies, actually, in the middle. Both sides have a point and teaching the subjects shows that teaching skills requires specific knowledge and teaching research skills should be based upon background students’ knowledge and outlook.

Students, who graduated from Nazarbayev Intellectual Schools entered Nazarbayev University and other high education institutions in Kazakhstan, Russia, Austria, Turkey, China, Canada, Check Republic and others. In the survey, conducted by the Center of Educational Programmes, NIS graduates spoke positively about Integrated Educational Programmes of Global Perspectives and Kazakhstan in Modern World subjects, and noted that both courses significantly assisted them in passing exam for Foundation course in studying at Nazarbayev University and other universities.

The courses have much in common and contribute to integration of subjects at school. Thus, the value of organization of the students’ research projects solves problems in several areas. First of all, students apply theoretical knowledge in practice and attach it to a constructive solution of the problems. Second, students enhance interest in scientific creativity and scientific knowledge of research methods and ways to solve problems. At the same time, students’ attention to important issues at national and global levels contributes to formation of a patriotic person who has an active civil position. We believe that teaching the subjects promotes preparation of competitive human capital in future.

The approaches taken by Global Perspectives and “Kazakhstan in the Modern World” are different from traditional ones, but seek to compliment and carry forward the subject-specific approaches. The focus here is on candidates learning how to learn — on providing them with the tools for independent and interdisciplinary study.

References:

1. Assessment guidance for teachers for subject “Kazakhstan in the modern world” of Nazarbayev Intellectual schools for the 2014–2015 academic year.
2. Pre-U Certificate in Global Perspectives (Short plan). University of Cambridge International Examinations 2011.

Section 5. Political science

*Atoyan Vardan,
Director of National Security Research Program
AMBERD Research Center,
Armenian State University of Economics, PhD in Economics,
E-mail: vardanatoyan@yahoo.com; v.atoyan@amberd.am*

University affiliated Think Tanks in Armenia

Abstract: The Article describes current positioning of think tanks in Armenian universities and gives general information. Existing issues and improvement opportunities are discussed.

Key words: Think Tanks, University Science, Armenia.

Introduction

In the context of political, economic, civilization and variety of other challenges of the 21st century all spheres of modern society are transformed. In current situation to meet challenges facing the state and society, sustainable development, implementation of national security and elaboration of efficient governing mechanisms a great deal goes to organizations implementing intellectual product such as research and analytical centers based in universities and academic environment.

University think tanks are often considered as more equitable and their researches are more objective as the latter compared to other centers of strongly oriented ideological or political point according to their traditions and systems are under control of academic society [1, 110].

Think tanks are influential players of current democratic society, as important as international, public and business sphere organizations [2, 71].

Challenges and opportunities

It should be noted that this important role is still not accomplished clearly and completely regarding the social sciences sphere in Armenia. Its necessity taking into account some exceptions is not reevaluated enough. Research of university think tanks gives us opportunity to assume that in general university research is not on a strong ground sufficiently. Research and teaching at universities are mainly separated and function independently from each other. University education first and foremost is considered a system reproducing current knowledge and science where elaboration of new knowledge is not a priority. Maybe this is the reason that though some universities implement researches in the frames of separate projects or groups but considering the institutional point either there are no permanent functioning centers or are not developed well.

On the other hand relations between science-policy-economy-society are rather weak. One of the reasons is that according to the formed behavior humanities and

social sciences are framed in some research communities (research institutes, non-governmental organizations and universities). Though some humanities research centers of Armenian universities have experience in cooperation with foreign organizations that is mainly carried in the frames of joint researches, expert exchanges, publication founding and organization of conferences. Mainly there is no interuniversity cooperation between local university research centers [3, 79].

Despite it may be considered positive that currently the viewpoint of Soviet times has been gradually shifting with the idea that Armenian universities are mainly education implementing institutes and research and scientific studies should be implemented by the academic and research institutes mainly. By the support of the Government and efforts of the university leaders though very slowly some steps are taken, mechanisms and tools are elaborated that give opportunity to foster and promote scientific and research activities. Evidence of the above mentioned is the concept towards development of humanities and social sciences in the sphere of social sciences to improve specialized level of researches and meeting current demand of the society elaborated by the State Science Committee and submitted to the Government of the Republic of Armenia. The concept was elaborated according to the points of "Strategy of Science sphere development" approved by the protocol decree of the Government of the Republic of Armenia dated 27 May, 2010.

It is necessary to mention that number of research centers based in Armenian universities has sustainable growth dynamics. Currently 29 research centers of humanities are based in 17 state and 24 non-state universities of Armenia. Yerevan State University is obviously the leader of the sphere and has 15 analytical centers, American University of Armenia has 4 centers, Public Administration Academy of the Republic of Armenia- 3, Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences — 2, University "Urartu" of Psychology and Sociology — 2, Armenian State University of Econom-

ics — 1, Russian- Armenian Slavonic University — 1, Goris State University — 1.

According to research area the mentioned conditionally can be classified according to the following types: Armenian studies (2 centers), Cultural and civilization (6 centers), Economic (2 centers), Sociological (4 centers), Psychological (7 centers), Environmental-health (3 centers), Information-Strategic (3 centers), Scientific and Educational (2 centers).

Research of activities of humanities-analytical centers based in Armenian universities emphasizes that the mentioned centers partly coincide with accepted international standards from the point of view of their development tendencies and existing resources though this is not comprehensive outline how the think tank should consider all its standards. Besides difference of think tank activities and research in general of state and non-state universities rather varies which is also very distressing. The latter are mainly satisfied with implemented functions of research and scientific group which is of more administrative, organizational and coordination nature and often are limited by organizing annual conferences.

The next issue refers the ties: low integration level between different centers, weak ties in research level, cooperation between experts, remarks on ongoing political and economic changes and joint efforts to finding ways of meeting the challenges. Considering that the universities have key role not only in the knowledge accumulation, exchange and dissemination process but also elaboration of new knowledge and its application. One of their key issues is to feel and why not foresee changes and trends in the country, outline possible

ways of development, and last but not least provide beneficiaries with intellectual product by highly qualified researches and advice.

In the context of the above mentioned it should be mentioned that modern think tanks implement a very important social function: from one hand their output is scientific and intellectual and from the other hand they play a very significant political role reflecting different sides of social and political thought and becoming bridge between the academic science and applied policy. At the same time development stream of the sphere shows that think tanks gradually take one of the main components of the political system of any country. Those not only elaborate current foreign policy, considering methods of meeting symmetric and asymmetric threats but also try to foresee the future. Trying to foresee the future and possible scenarios of developments, being ready for the consequences we try to change and somehow edify it [4, 63].

Conclusion

Concluding it should be emphasized that Armenian university based think tanks distinctively differ from each other both from structural point of view and activity transparency. Think tanks based in some universities do not have web-sites, accounts in social network; information in some web sites is not updated permanently or is incomplete.

Nevertheless comprehensive efforts towards the improvement of the sphere within previous years have given some optimism and it may be expected that in case of such permanent trends positive changes in the nearest future will be more tangible.

References:

1. Vardan Atoyan. Think Tanks: Past, Present and Future. "Messenger of Armenian State University of Economics", Volume 1 (29), 2013. (In Armenian).
2. Vardan Atoyan, Stella Hovsepyan, Ani Mkrtchyan, Shushan Movsisyan, Roza Budaghyan, Astghik Muradyan. Research on Activity of Leading Foreign University Affiliated Think Tanks and the best localization opportunities in RA. "AMBERD Series", Volume 14, 2014. (in Armenian).
3. Vardan Atoyan, Sofya Ohanyan, Arpine Malqjyan, Shushan Movsisyan. University affiliated humanitarian analytical centers of Armenia. "21st century", Volume 4 (62), 2015. (in Armenian).
4. Vardan Atoyan. National Security Issues (Lectures), "Tntesaget" Publishing House of Armenian State University of Economics, Yerevan, 2014. (in Armenian).

Cherpak Tatyana Valerevna,
Vernadsky National Library of Ukraine, Jr. researcher
E-mail: tatyach@i.ua

The legislative process in Ukraine: Possible ways to improve the quality

Abstract: The author analyzes the factors, which have a significant impact on the implementation of the legislative function of Ukrainian parliament. As a result of this analysis, the author concludes that in order to improve the quality of the legislative process these influences need to be united in the field of lawmaking. Besides, public control over parliamentary decisions is seems to be important, that allows to make impossible the returning to the practice of parliamentary legislative activity up to 2014.

Keywords: parliament, the legislative process, informal influence, the political corruption.

Черпак Татьяна Валериевна,
Национальная библиотека имени В. И. Вернадского,
младший научный сотрудник
E-mail: tatyach@i.ua

Законодательный процесс в Украине: возможные пути повышения качества

Аннотация: в статье проводится анализ факторов, которые оказывают существенное влияние на процесс имплементации украинским парламентом одной из ключевых его функций — законодательной. В результате данного анализа автор приходит к выводу, что для повышения качества результатов законодательного процесса необходимым кажется объединение этих влияний на парламентскую деятельность в сфере законотворчества с обязательным условием превалирования принципа законности. Кроме того, важным выдается общественный контроль в процессе принятия парламентских решений, что сделает невозможным возврат к практикам законодательной деятельности периода до 2014 года.

Ключевые слова: парламент, законодательный процесс, неформальное влияние, политическая коррупция.

Политический кризис в Украине, который приобрел огромные масштабы в 2014 году, показал, что в стране существует проблема функциональной полноценности основных политических институтов, которые принимают непосредственное участие в государственном управлении. Курс на разрешение данной проблемы был взят с момента принятия Верховным Советом Украины ряда законов в феврале 2014 года, в числе которых был закон, возвращающий в действие конституционные нормы в редакции 2004 года. Таким образом, украинский парламент вернул себе некоторые полномочия, которые были им утрачены формально с приходом к власти четвертого президента страны — Виктора Януковича.

Но, несмотря на принятие судьбоносных парламентских решений, в практической плоскости проблема оказалась не такой лёгкой для ее решения в кратковременной перспективе, в частности из-за давно утвердившихся практик в парламентской деятельности, целью которых было удовлетворение не общегосударственных либо гражданских интересов (как во всех государствах с устоявшейся демократией), а в большей степени узкокорпоративных.

В настоящее время в силу тех событий, которые пережила Украина за последние два года (и переживает до сих пор), существует большая вероятность того, что украинский парламент как можно скорее вернет себе статус действительно общенародного представительского органа государственной власти, который посредством своей деятельности в сфере законотворчества принимает активное участие в управлении страной.

В статье мы попытаемся проанализировать фактическое состояние процесса реализации парламентом его законодательной функции в условиях, когда он попытался избавиться от активного влияния на этот процесс тех неформальных факторов, из-за которых законодательный орган потерял свой статус общенационального властного органа в глазах общественности в период с 2010 до 2014 года.

С возвращением в действие Закона об изменении в конституцию 2004 года Верховный Совет Украины

не только формально, но и фактически попытался вернуть себе ту функциональную нагрузку, которую он должен нести в соответствии с нормами основного закона. Кроме того, в результате парламентских выборов в 2014 году резко снизилось действие неформальных факторов, которые имели место быть во время правления В. Януковича (речь идет о перемещении центра принятия решений в сфере законотворчества за пределы парламента, в коридоры администрации президента). В данном случае необходимо отметить возросший спрос на такие изменения в рядах большинства украинских граждан, что не могло не сказаться на деятельности парламентариев Верховного Совета восьмого созыва.

Тем не менее, как мы уже отмечали ранее, многие проблемы не удалось разрешить одним лишь возвратом изменений к конституции. Что касается особенностей процесса реализации парламентом законодательной функции с 2014 года, то можно предположить, что основными его недостатками являются никуда не девшийся популизм в принятии некоторых законов; иногда очевидный непрофессионализм в процессе подготовки законопроектов; так называемую «оторванность» процесса законотворчества (вернее, его субъектов) от действительной реальности. Такие предположения можно сделать на основе случаев с принятием некоторых законов. Так, например, 2 июля 2015 года украинский парламент принял закон о реструктуризации валютных кредитов. По своему содержанию закон полностью был необоснованным, популистским и системоуничтожающим, поскольку для выполнения норм этого закона в бюджете Украины просто нет дополнительных средств. Кроме того, в принятии этого закона прослеживаются элементы коррупции — часть депутатов, которые голосовали за этот законопроект, являются владельцами крупных валютных кредитов, то есть налицо практика «писания законов под себя», что является недопустимым в правовых государствах.

Другим примером из практики законотворчества последнего времени является принятие закона о выборах

в местные органы власти 2015 года. Хотя сами депутаты назвали это голосование историческим, к самому процессу принятия закона и к содержательным положениям есть много вопросов. Во-первых, к этому законопроекту было внесено огромное количество (1547) поправок, что говорит о недостаточно высоком уровне ответственности и профессионализма в процессе подготовки этого законопроекта. Однако эти поправки, которые, кстати, были согласованы с экспертами, народные избранники не рассматривали, а проголосовали за законопроект, поддержав пакетом все замечания профильного комитета. Кроме того, нормами этого закона вводится принципиально иная система выборов, так называемая гибридная [5], которая с точки зрения расчетов поданных за кандидатов голосов является очень сложной, и сами бюллетени будут отличаться от предыдущих, что может вызвать недоразумения и, возможно, непонимание со стороны избирателей и возможные ошибки со стороны членов избирательных комиссий. Для объяснения нововведений необходимы дополнительные ресурсы, в том числе и временные, которых не так много, учитывая дату проведения следующих местных выборов (конец октября 2015 года). В законе также никак не урегулирован вопрос участия в местных выборах большого количества избирателей, которые являются вынужденными переселенцами (более одного миллиона украинских граждан). Это все говорит о том, что законодатели по сути «оторваны» от тех реальных проблем, которые необходимо решать именно парламентариям.

Иногда в принятых парламентских законах прослеживается неэффективность некоторых их положений, что часто является следствием отсутствия продуктивного взаимодействия органов государственной власти с политически активной общественностью, с экспертным сообществом, что в свою очередь провоцирует «затягивание» процесса в сфере принятия необходимых для общества законодательных решений.

Следует также отметить, что в последнее время достаточно часто в законодательном процессе игнорируется первичное рассмотрение законопроектов в профильных комитетах. Об этом свидетельствует парламентская практика, когда на голосование ставятся вопросы о включении в повестку дня законопроектов, которые были зарегистрированы в секретариате только днем ранее, то есть они не могли пройти должную обработку в профильных комитетах или в главных управлениях аппарата парламента. Так, например, к законопроекту об обеспечении права на справедливый суд было предоставлено заключение главного научно-экспертного управления, в котором отмечалось, что проект требует финансово-экономического обоснования (но его не было предоставлено) и дополнительной обоснованности в комитете. То есть законопроект, по этому заключению, должен был быть существенно доработан. Однако на момент первого чтения он так и не получил заключения профильного комитета, но тем не менее был принят за основу. Во время второго чтения

данного законопроекта сравнительная таблица была подана в тот же день, когда проходило голосование по нему, законопроект был принят в целом, без постатейного обсуждения. Хотя в Законе о Регламенте (ст. 117) четко определено, что «законопроект, подготовленный ко второму чтению, заключение главного комитета и другие сопроводительные документы предоставляются народным депутатам не позднее чем за десять дней до дня рассмотрения этого законопроекта на пленарном заседании» [2]. Такой пример наводит на мысль о пренебрежении требованиями регламента или о возможном незнании депутатами этих требований.

Но, не взирая на все вышеописанные недостатки законодательного процесса, необходимо отметить существенное достижение в работе Верховного Совета восьмого созыва — достижение солидарности между основными парламентскими игроками в процессе принятия важных для государства и общества законодательных решений. Так, сплоченность депутатов находится на отметке четырнадцати процентов (уровень поддержки законопроектов всеми парламентскими фракциями) [6]. Такая тенденция объясняется не только приходом в парламент «новых лиц», но и сложившейся сложной ситуацией в Украине, которая требует от законодателей принятия максимально эффективных решений.

В частности требования скорейшего преобразования государственного механизма привели к принятию важнейших законов в украинском парламенте за последние полтора года. Так, хотелось бы отметить прежде всего Закон о восстановлении действия отдельных положений Конституции (21.02.2014 г.), Закон о ратификации соглашения с ЕС (16.09.2014 г.), Закон об основах государственной антикоррупционной политики (Антикоррупционная стратегия) на 2014–2017 гг. (14.10.2014 г.), Закон об очищении власти (16.09.2014 г.), Закон о высшем образовании (01.07.2014 г.), Закон о Национальной гвардии (13.03.2014 г.) и др. И это далеко не полный перечень важнейших законодательных актов, которые были приняты парламентом с февраля 2014 г. Такая тенденция в законодательном процессе вызывает сдержанный, но оптимизм, поскольку на данный момент, как никогда, для власти в Украине, в том числе и законодательной, всё ещё открытым остаётся большое «окно возможностей» для проведения достаточно быстрого и эффективного реформирования различных сфер государственной и общественной жизни. Но для достижения достаточно высокого уровня эффективности этих процессов важнейшую роль играет контроль со стороны политически активных граждан за принятием соответствующих решений и их исполнением. Ведь и изменения в Украине были инициированы такими гражданами, а не властью. Таким образом, видится возможным плодотворное сотрудничество гражданского общества с государственной властью для достижения оптимальных результатов в процессе управления государством, в том числе и в законодательном процессе.

Список литературы:

1. Конституция Украины: [http://zakon.rada.gov.ua/go/254 к/96-вр](http://zakon.rada.gov.ua/go/254%20к/96-вр)
2. Закон о Регламенте Верховного Совета Украины: [http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1861–17](http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1861-17)
3. Концепція змін до законодавчих актів України щодо підвищення ефективності функціонування Верховної Ради України («Біла книга» українського парламентаризму). – К.: Лабораторія законодавчих ініціатив. – 2012. – 32 с.
4. Парламентаризм в Україні: інституційне забезпечення, стан, тенденції//Національна безпека та оборона. – 2012. – № 7–8.
5. Шемшученко Ю. Проблеми українського парламентаризму у світлі конституційної реформи в Україні//Стратегічні пріоритети. – 2008. – № 2.
6. Інституційні зміни політичної системи сучасної України: оцінка стану та шляхи оптимізації: аналітична доповідь/За ред.. докт. пол. наук, проф.. Зеленько Г.І. – К.: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2014. – 164 с.
7. Сайт Верховного Совета Украины: <http://rada.gov.ua>
8. <http://inpress.ua/ru/economics/23542-gosudarstvennyy-byudzhets-na-2014-god-prinyat>
9. <http://politikan.com.ua/2/0/0/89761.htm>

Section 6. Psychology

*Kravets Alexandr Vitalyevich,
Novosibirsk State University
of Economics and Management, Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor Economics and Business
E-mail: apt-words@mail.ru*

*Utyuganov Aleksei Anatolevich,
Novosibirsk Military Institute of Internal troops named after general
of the Army I. K. Yakovlev of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Psychological Sciences, Deputy Head of the Department
of Humanities and Social Sciences
E-mail: outioganov@mail.ru*

The main psychological and pedagogical approaches to research the phenomena of citizenship and patriotism

Abstract: The article deals with the understanding and the essence of patriotism as one of the spiritual values. Based on analysis of the views of Russian and foreign researchers. Outlines key approaches, revealing once-private aspect of this phenomenon.

Keywords: Patriotism, identity, homeland, emotion, values, traditions, culture, the individual.

*Кравец Александр Витальевич,
Новосибирский государственный университет экономики
и управления, кандидат социологических наук, доцент кафедры
экономики и предпринимательства*

*Утюганов Алексей Анатольевич,
Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И. К. Яковлева МВД России,
кандидат психологических наук, заместитель начальника
кафедры гуманитарных и социальных наук*

Основные психолого-педагогические подходы к исследованию феноменов гражданственности и патриотизма

Аннотация: В статье рассматривается понимание и сущность патриотизма как одной из духовных ценностей. На основе анализа взглядов российских и зарубежных исследователей. Выделяются основные подходы, раскрывающие различные стороны этого феномена.

Ключевые слова: патриотизм, самоидентификация, отечество, эмоция, ценность, традиция, культура, индивид.

Патриотизм (греч. patriots — соотечественник, от patris — родина, отечество), будучи конкретно историческим понятием, в каждую эпоху имеет различную трактовку и содержательное наполнение. Однако первооснова его остается одной и той же и связана с процессом самоидентификации, т. е. с осознанием себя членом какой-либо группы и принятия на себя свойств этой группы и ответственности за нее [1, 51–57].

Для русской общественной и философской мысли характерны размышления о понятиях «патриотизм» и «патриот». Так, Н. А. Добролюбов утверждает, что патриотизм «есть ни что иное как желание трудиться на пользу своей страны», а В. С. Соловьев считает, что «нравственная обязанность настоящего патриота — служить народу в человечестве и человечеству в народе».

В словарях патриотизм определяется чаще всего как «любовь к Родине». Например, в социологическом словаре: «патриотизм — любовь к Родине (большой и малой), одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями существования обособленных отечеств». В Большой советской энциклопедии указывается, что термин «патриотизм» происходит от греческих patriots — соотечественник, patris — родина, отечество и определяется как «любовь к Отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам» [2, 64–68].

Понимание патриотизма как любви, наверное, является наиболее представленным и устоявшимся подходом. В частности, А. Н. Малинкин полагает, что патриотизм — это любовь к Родине, такое изначально социальное чувство, которое характеризуется как чувство общности, единства, солидарности с родными и близкими, чувства сопричастности к их судьбе, поскольку «родина» как родные люди и «родина» как исторически определенное место и время рождения поначалу образуют единый и нераздельный феноменологический первичный мир современников и жизненный мир. В. Соловьев также понимал под патриотизмом любовь к Отечеству, которая держится как на кровной связи между членами отдельных небольших групп, когда чувства общественной солидарности совпадают с чувством семейным, так и на любви к родной земле, характерной для земледельческого быта, привязанности к своей культурной среде или к родной гражданственности. Г. Флоровский полагал, что патриотизм как любовь к Родине есть особая разновидность чувства любви, которая представляет собой первичное, эмоциональное выражение души и духа. Как первичная целостная эмоция любовь к родине может быть источником и лежать в основе комплекса духовных переживаний, воззрений и идей [3, 20–26].

Патриотизм также может быть соотнесен с духовным единением как социально-групповым явлением. Так, И. А. Ильин под патриотизмом понимает патриотическое единение людей, покоящееся на некой сопринадлежности их, столь необходимой, естественной и священной, сколь необходим, естественен и священен человеку духовный предмет и духовный способ жизни. Ильин полагает, что одинаковость духовной жизни незаметно ведет к интенсивному общению и взаимодействию, а это, в свою очередь, порождает и новые творческие усилия, и новые достижения; из духовного подобия появляется духовное единение. Именно такое единение и лежит, по его мнению, в основе истинного патриотизма [4, 35–38].

В педагогической науке патриотизм определяют, как нравственное качество личности (Н. И. Болдырев, Т. А. Ильина, И. Ф. Харламов, Н. Е. Щуркова и др.), комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих качеств личности, или системное качество, составляющее духовно-нравственную основу личности (Л. Д. Столяренко, Е. А. Есина, И. П. Финский); интегральное комплексное качество (А. В. Дудко, С. В. Матвеева).

Наибольший интерес представляет рассмотрение патриотизма как ценности. Русский критик-демократ В. Г. Белинский указывал на содержание патриотизма — общечеловеческие ценности и идеалы, делающие личность членом общечеловеческого сообщества. Как отмечает в своих исследованиях И. А. Климов, целый ряд исследователей понимают патриотизм как ценность, необходимость для жизни каждого человека, его включения в большую индивидуальность народа, двигатель, приводящий в действие те многочисленные средства, которыми поддерживается единство народа: язык, национальная культура, чувство исторической традиции, национальные черты его религии.

Социально-философский подход рассматривает патриотизм как отражение духовной культуры индивида и общества в целом. Содержанием этого подхода является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины. Таким образом, данный подход рассматривает патриотизм как важнейшую сторону личной и общественной культуры духа, которая предполагает способность ставить сверхличные цели (О. А. Журавлев, В. Б. Ольшанский, В. И. Руденко, Г. О. Флоровский).

Социологический подход. Его отличительной особенностью является рассмотрение патриотизма как ценностной ориентации, в основе которой лежит ценностное отношение «личность-родина», нравственно-эмоциональная связь, единство географических, этнических, культурных, религиозных, эстетических, исторических характеристик в рамках понятия «Родина» (В. Г. Алексеева, В. В. Водзинская, И. О. Мазняк и др.).

Психологический подход объясняет патриотизм как устойчивое положительное отношение человека к месту своего рождения, к истории и культуре своей Родины, принятие ее, переживание, успехов и неудач, активное и позитивное участие в сохранении и приумножении всего лучшего, что накоплено предшествующими поколениями. Обладая всеми свойствами психологического отношения, патриотизм может рассматриваться с точки зрения трехкомпонентной структуры: 1) когнитивная составляющая (знания); 2) аффективная (эмоциональные оценки); 3) конативный компонент (готовность к действию) (Б. С. Братусь, В. Н. Косырев, Н. А. Левина, М. И. Старов и др.).

Изучение патриотизма в рамках ценностно-смысловой категории в психологии началось относительно недавно. Одна из наиболее удачных попыток определить патриотизм в терминологии ценностного подхода встречается у В. В. Дулина, который определяет патриотизм как ценность: «Патриотизм — это одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам общества и государства, выражающих отношение личности к своему Отечеству и характеризующих высший уровень ее развития в процессе деятельности на благо Родины».

Гражданственность традиционно рассматривается как понятие родственное патриотизму, имеющее сходные с ним характеристики, механизмы формирования и функциони-

рования [5, 139–147]. Иногда авторы даже отождествляют эти понятия или понимают гражданственность и патриотизм как двуединое качество личности. Вводится понятие «гражданский патриотизм» как своеобразный механизм взаимодействия человека, общества и государства, он синтезирует остальные разновидности патриотизма и связан именно с защитой своей национально-культурной идентичности в пространстве межгосударственных связей, международных процессов [6, 246–251].

В. В. Макиенко и Т. Г. Никитина, исследовав трактовки понятия «гражданский» в период 1920–1930 гг. в России, отмечают, что «гражданский» понимается как относящийся к гражданину, гражданам государства, относящийся к патриоту, свойственный патриоту. «Гражданственность» рассматривается в данный исторический период (1920–1930-е гг.) как гражданская активность, гражданский долг и гражданская зрелость.

Князев А. М., анализируя становление научных представлений о гражданственности в педагогике и психологии, отмечает, что впервые в педагогике гражданское воспитание выступило в качестве специального предмета изучения в начале XX века в работе немецкого педагога и философа Г. Кершенштейнера «Понятие гражданского воспитания», который предложил программу воспитания гражданских качеств людей в процессе обучения и производительного труда. В этот же период российским педагогом С. И. Гессеном в работе «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» была обоснована необходимость воспитания гражданственности. В работах Л. И. Петражицкого, С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко и затем В. А. Сухомлинского подчеркивалась важность освоения подрастающими поколениями основных элементов социального опыта в процессе и в результате включения молодых людей в общественные отношения, в общественно-необходимую деятельность, сопряженную с формированием гражданского сознания, гражданских убеждений, взглядов, отношений к явлениям жизни и людям. В трудах современных ученых (Л. И. Аманбаевой, А. В. Беляева, В. А. Баркалова, А. С. Гаязова, И. М. Дуранова, Т. Б. Журавлевой, Б. Т. Лихачева, В. Н. Маркина, Н. Д. Никандрова, И. В. Суколенова, В. А. Сластенина, Л. М. Семенюк, Н. М. Таланчука, Г. Н. Филонова и др.) воспитание гражданственности также рассматривается как формирование важного интегративного личностного качества.

Психологическое исследование гражданственности предпринимает Л. Б. Дашидонкова и рассматривает гражданственность в единстве четырех аспектов: в социально-правовом — как характеристика гражданского общества; морально-этическом — как уровень нравственно-правовой культуры человека; в психолого-педагогическом — как интегративное личностное образование и социально-педагогическом — как цель воспитания и образования. Под гражданским воспитанием и образованием автор понимает целостную систему воспитания и обучения субъекта как гражданина своей страны, обеспечивающую ему свобо-

ду в выборе мировоззренческих ориентаций в обществе, способов практической деятельности и обуславливающую тем самым его вхождение в мир общественных отношений, политики и права. Автор приходит к выводу, что гражданственность как интегративное качество в структуре направленности личности формируется под влиянием внешних (социокультурных) и внутренних (психических) факторов, проявляется в когнитивной, ценностно-мотивационной и поведенческой сферах личности, его основными структурно-семантическими характеристиками являются ответственность, патриотизм, гражданская позиция, гражданский долг, гражданское самосознание, которые образуют систему ценностных ориентаций старшеклассников и являются критериями определения уровней развития гражданственности старшеклассников [7].

Князев А. М., анализируя подходы к изучению гражданственности, также отмечает, что гражданственность рассматривается исследователями многозначно: как качество личности, синтезирующее моральную и нормативно-правовую составляющие; явление культуры и духовного мира личности; особое свойство социально-активной, самодостаточной личности, предопределяемое характером, содержанием исторического, цивилизационного, социокультурного развития; высшая добродетель свободного и полноправного участника политического сообщества; некая связь между политическими и неполитическими императивами личности, несущая в себе «отпечатки» традиционности; исторически сложившаяся система гражданских духовно-нравственных ценностей, в соответствии с которыми формируется образ жизни, гражданское законодательство и осуществляется социальная регуляция отношений между гражданами, гражданским обществом и государством; способ социализации и выживания граждан, а также условие существования государства и гражданского общества [8, 75–79].

Исследования собственно гражданско-патриотических ценностей начались в педагогике и психологии недавно, буквально в последние годы, и встречаются пока в очень небольшом количестве.

Несмотря на большое количество исследований по проблемам патриотизма, нарастающее в последнее время в отечественной науке, в доступной литературе, мы крайне редко встречаем структурированное описание патриотических ценностей. В основном патриотические ценности понимаются как абстрактное целое и описываются в терминах патриотизма [9, 81–86].

Таким образом, общее в существующих подходах к пониманию патриотических ценностей состоит в том, что основным предметом патриотического ценностного отношения выступает родная страна, понимаемая как родная земля и родной народ. Поведенческое же проявление патриотических ценностей усматривается в готовности пожертвовать другими ценностями ради сохранения родной страны, а в своем предельном выражении — отдать жизнь за родную страну. Если же обобщить подходы к по-

ниманию гражданских ценностей, то основным предметом ценностного отношения выступает государство, а поведенческие проявления ценностей гражданственности усматриваются в преданности государству и, аналогично патриотизму, готовности жертвовать другими ценностями, в том числе и жизнью, ради сохранения и развития государства [10, 324–327].

Гражданские и особенно патриотические ценности изучаются в психологических и педагогических исследованиях с точки зрения понимания их как личностных качеств, профессионально-важных качеств, в рамках изучения морально-патриотического воспитания и т. п. В доступной литературе мы не находим исследований гражданско-патриотических категорий в контексте проблемы политического сознания.

Множество работ в области педагогики посвящено проблемам гражданского, патриотического и гражданско-патриотического воспитания. Изучение этих работ показывает, что понятия «гражданский» и «патриотический» часто используются в них как синонимичные или синергетически усиливающие друг друга. Патриотизм без гражданственности понимается как недостаточный, незрелый, неполный. Гражданственность без патриотизма — как формальная, неистинная [11, 124–128].

Под гражданским воспитанием О. С. Гаманин понимает формирование гражданственности как интегративного качества личности, позволяющего человеку ощущать себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным. К основным элементам гражданственности Н. А. Бердяев относит нравственную и правовую культуру, выражающуюся в чувстве собственного достоинства, внутренней свободе личности, дисциплинированности, в уважении и доверии к другим гражданам и к государственной власти, способности выполнять свои обязанности, гармоничном сочетании патриотических, национальных и интернациональных чувств. Нравственная культура базируется на общечеловеческих моральных ценностях, а правовая культура выступает в качестве субъективной ос-

новы и предпосылки существования правового государства, для которого характерна высокая степень востребованности гражданских качеств людей. По мнению Буткевич В. В., патриотическое воспитание — это «формирование патриотизма как интегративного качества личности, заключающего в себе любовь к Родине и стремление к миру, внутреннюю свободу и уважение государственной власти, государственной символики, символики других стран, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, гармоническое проявление национальных чувств и культуры межнационального общения». Белоусов Н. А. определяет патриотическое воспитание как «воспитание патриота, формирование у человека духовных ценностей, отражающих специфику развития нашего общества и государства, национального самосознания, образа жизни, миропонимания и ответственности за судьбу Родины» [12, 120–124].

Изучая методы патриотического воспитания молодежи, Т. А. Абдрашитова указывает, что патриотическое воспитание изменяет личность постольку, поскольку оно ведет к возникновению мыслей, чувств, потребностей, которые пробуждают к определенным поступкам. Отсюда можно сделать вывод, что в процессе патриотического воспитания учащихся необходимо формировать их сознание, возбуждать соответствующее эмоциональное состояние, вырабатывать практические умения, навыки и привычки. Вполне очевидно, что развитие и совершенствование каждой из этих сфер личности требует соответствующих способов педагогического воздействия. В связи с этим методы патриотического воспитания условно объединяют в три основные группы: методы разностороннего воздействия на сознание, чувства и волю учащихся (беседы, лекции, диспуты, пример, убеждение); методы организации деятельности и формирования опыта поведения патриотической личности (педагогическое требование, общественное мнение, приучение, упражнение, поручение, создание воспитывающих ситуаций); методы, выполняющие функции регулирования, корригирования и стимулирования поведения и деятельности воспитанников (соревнование, поощрение, наказание).

Список литературы:

1. Зайцев Н. Н. Социальная адаптация курсантов военного вуза в контексте транзитивного состояния российского общества // Воспитание и обучение: теория, методика и практика: материалы V Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. С. 51–57.
2. Кравец А. В. Проблемы и противоречия социальной адаптации курсантов и выпускников военных вузов // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. Белгород, 2015. № 7, часть V. С. 64–68.
3. Кравец А. В. Сравнительный анализ социальных институтов высшего гражданского и военного образования // Развитие современного образования: теория, методика и практика. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. С. 20–26.
4. Кравец А. В., Утюганов А. А. Профессиональная идентификация офицера и ее формирование у курсантов военного вуза // Новые тенденции развития общественных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: «Инновационный центр развития образования и науки», 2015. С. 35–38.
5. Кравец А. В. Социальный портрет молодежи, выбирающей профессию офицера // Инновационные технологии в науке и образовании. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. – С. 139–147.

6. Наумов П. Ю., Утюганов А. А. Ценность как разновидность субъектно-объектных отношений (системный анализ) // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 22. С. 246–251.
7. Утюганов А. А. Формирование гражданско-патриотических ценностей и их смысловых детерминант у курсантов военного ВУЗА. Монография. 2015.
8. Фролова Л. В. Ценности военного образования // Воспитание и обучение: теория, методика и практика: материалы V Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015, – 75–79 с.
9. Фролова Л. В. Военное и гражданское образование: общее и особенное // Современные тенденции развития науки и технологий: сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. Белгород, 2015. № 7, часть V. – 81–86 с.
10. Чаплинский А. Ю., Фролова Л. В. Сущность и значение фальсификации истории великой отечественной войны // Историческое наследие Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): методология оценки и значение для профессиональной подготовки будущих офицеров внутренних войск МВД России: сборник научных статей межвузовской научно-практической конференции. Новосибирск, 2015, – 324–327 с.
11. Яницкий М. С., Иванов М. С., Утюганов А. А. Изменения осмысленности прошлого, настоящего и будущего как механизм переживания экстремальных ситуаций. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 2 (34). С. 124–130.
12. Яницкий М. С., Серый А. В. Трансформация представлений об экстремальной ситуации в постнеклассической психологии // Личность в экстремальных и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 120–124.

*Prykhodko Anna Mykolaivna,
Kyiv National University named after Shevchenko,
postgraduate student, the Faculty of Psychology
E-mail: a.prykhodko@outlook.com*

Psychological traits of doctors and patients researched on base of family planning and medical genetics centres in Ukraine

Abstract: today the patient becomes a consumer; who often chooses the way of treatment by himself/herself, however “consumer” has no necessary knowledge to make a decision. Knowledge of patient’s psychological traits helps doctor to involve the patient into medical care. The goal of the study was to choose the psychological characteristics of the patient and the doctor that may influence their interaction and find out the ways in which it can help in optimization of the given medical care in Ukraine.

Keywords: psychological traits, patient’s satisfaction, “doctor-patient” interaction, family planning, workplace burnout, defense mechanisms.

Rationale. Today professionals of the different fields of science denote a pressing issue to reform the provision of medical services to the population in order to improve the quality thereof [1; 2]. Notwithstanding the globalizing processes in the world, the level and approaches to provision of medical services vary substantially, as well as the difficulties typical of different countries. Sufficient technical, informational, and pharmaceutical support has its particular problems leading not to involving the patient in the treatment process, but may be regarded as medicalization. Thus it’s insufficient to discuss only the economical or informational component to solve all of the problems. The fulfilment of the task to improve the health care should be carried out simultaneously at all levels. However an important place at the micro-level, along with the healthcare institution’s state of the art equipment, belongs to a communicative component between the doctor and the patient, which to the great extent depends on the psychological features of the doctor. The patients’ mistrust to the doctors,

their bias, and sometimes simple disinformation reduce the motivation to seek medical advice, decrease the number of essential medical interventions, which causes an irreparable harm to the health of the whole population [3; 4; 5].

Today it’s hard to deny that a business orientation is formed among the doctors including due to a strong influence and resources of pharmaceutical and insurance companies, as well as simply due to statistical reporting. In these conditions the patients’ mistrust increases along with outrage and oppression of the doctors facing the lack of resources in fulfilment of their job (they are forced to find them by their own), reduction of the social status of their profession, with transformation of their life priorities, self-identification, etc. [6].

Analysis of the latest surveys’ results. In the opinion of [7; 8], it’s quite hard to take any certain situation positively, when a person formed an overall negative self-conception. The self-image and other basic conceptions, motives, and interests of a person, his or her attitude to the people around

and life in general influence the perception and understanding of a situation.

Today the patient becomes a consumer; who often chooses the way of treatment by himself/herself, however “consumer” has no necessary knowledge to make a decision. The estimation of a patient’s subjective satisfaction is practically important, which was shown in a survey (Jackson, 2001) with participation of 500 patients examined by their physical symptoms by 38 doctors. The results evidence that an effective communication between the doctor and the patient has a great influence on the patient’s satisfaction with the level of medical services provided [9]. Although it’s a very subjective phenomenon, it serves not only as one of the treatment result characteristics, but also as a factor influencing the further progression of the disease depending on the positive or negative influence on the patient’s compliance after dismissal. So it allows to forecast the success of a treatment and the frequency of re-admission. The term “patient’s satisfaction with the treatment” reflects the correlation between the patient’s expectations from the treatment and his impression from the medical care provided. Therefore the approach the doctor finds to his patient is an important factor in involving the patient to the process of medical care provision and satisfaction thereof, which demands additional emotional expenditure from the doctor. Whereas the satisfaction with a treatment is influenced by different factors, the quality of relations between the doctor and the patient is often determinative in forming thereof, and is in many ways decisive for the therapeutic process. The subjective satisfaction with the treatment was regarded as a part of the following components: satisfaction with the result of the treatment, with doctor-patient relations, with conditions of life and environment, as well as stigmatization reflecting the level of hypersensitivity of the patient’s status perception [9; 10].

The doctor’s satisfaction with his or her professional life may also influence the quality of his or her relations with the patient. The surveys of D. Grembovsky held in the outpatient departments of a clinical hospital show that the doctors’ satisfaction with their professional life was connected with a great trust of the patients and confidence in their doctors [11]. The doctors that are more satisfied may be better for decrease of the patients’ anxiety [12; 13]. An assumption was made that the doctors satisfied with their professional life may have a more positive effect of treatment which in its turn may influence their communication with the patients which consequently will contribute in increase of the patients’ satisfaction [12; 13].

Addressing to the psychological factors of influence one should note that the attitude to the disease is always important therefore it influences the other systems of the personal relations including the protective and adaptive mechanisms [14]. The psychological protection of a subject is turned against the emotional pain evoked by negative information contradicting the person’s self-esteem, value orientations, and self-image. It disfigures or displaces the essence of informa-

tion from the subject’s conscience, which deteriorates the self-improvement thereof. The action of the psychological defence mechanisms is a powerful aspect of inadequate self-perception and perception of the outer circumstances, and therefore it is one of the ways of full or partial neutralization of their realization. This is particularly dangerous in the profession of a doctor, who is able to fulfil effectively the professional tasks only under condition of a subjective physical and mental welfare; this job by its own content from the very beginning creates a background for development of maladjustment states, arising of inadequate protective mechanisms, and professional burning out of the subject [15–19].

Regarding the doctor’s working conditions it should be mentioned that belonging to the subjective-subjective type of professions, his or her activity takes place in the conditions of increased psychological demands and involves high mental and psycho-emotional strain. The doctor’s activity in the conditions of professional stress, peculiarities of emotional responding to different situations of the professional activity, the factors influencing the professional and personal development of the treatment process subject, and individual psychological aspects lead to a professional burnout. It appears as a result of inner aggregation of adverse emotions without a corresponding “outlet” or “disposal” of them. The professional activity of the healthcare professionals contains a potential threat of emotional burnout syndrome development due to a high probability of excessive sympathy [20]. In the very sphere of family planning for the women as well as for men professionally involved, a desire for almightiness is noticed [21], which should be controlled to prevent falling into their own trap. Such a peculiarity demands a stronger realization of the own psychological constitution.

The other peculiarity is that in this sphere one may often come across hyper-expectations of the patients, who read the articles about incredible results and a possibility to have a baby in spite of all the forecasts. The doctor should monitor such tendencies and balance them making them more realistic [22].

Besides, the reproductive sphere differs from the others by the fact that it’s not always about individual needs, it’s often about the species. The bipolarity is found in different psychological load of parenthood and sexuality bound on the same physiology [23].

It is proven that communication in healthcare highly correlates with a better patients’ compliance as to the treatment prescribed [24]. Therefore, communication is an important factor which gives the doctor some control in helping the patients stick to the prescription. That’s why it is essential to introduce the development of corresponding skills in teaching of the specialists for the purpose of increasing the level of commitment, adherence of patients to the treatment schemes, etc. [25; 26].

Objective. To research and discover the particularity of the doctor’s and patient’s psychological traits to optimize the prevention, diagnostics, and treatment in the sphere of repro-

ductive health (based upon the examples of patients in family planning and medical genetics centres). The treatment of a patient in some cases may be slowed down or even foredoomed to failure, if the disease nature and course is evoked by psychic moments, and the doctor is not able to understand it in time and take it into consideration. Therefore it's clear that the doctor must be psychologically and psychotherapeutically empowered [27].

Separate characteristics don't include the whole diversity of the patient's and doctor's psychological portrait, but on the basis of the theoretical analysis of literature carried out, we regarded them as determinative [28–36]: for the doctors it is availability, structure, and level of professional burnout; main defensive mechanisms; evaluation of cooperation with the patients; satisfaction with the working process; satisfaction with the treatment results; vision of the disease; type of own disease perception. The following is important for the patients: availability, structure, and level of emotional burnout; subjective satisfaction with the treatment; evaluation of the medical personnel work; estimation of the treatment duration; satisfaction with the treatment quality; type of own disease perception; basic protective mechanisms; vision of the disease.

Materials and research methods. For the purpose of doctor's and patient's psychological characteristics investigation in the sphere of reproductive health the following questionnaires and methods have been chosen.

For the doctors: — personality LSI inventory [37]; V. Boyko's "Emotional burnout level diagnostics" inventory [38];

— Bekhterov Institute personality inventory (disease perception type) [39];

— modification of Dembo-Rubinstein method (introduction of scales: «Interaction with patients», «Satisfaction with the working process», «Satisfaction with the treatment results») [40];

— projective method "Vision of the disease" [30].

For the patients:

— personality LSI inventory [37];

— V. Boyko's "Emotional burnout level diagnostics" inventory [38];

— Bekhterov Institute personality inventory (disease perception type) [39];

— Bekhterov Institute inventory «Subjective satisfaction with the treatment» [42];

— modification of Dembo-Rubinstein method (introduction of scales: «Medical personnel work», «Treatment duration», «Satisfaction with the treatment quality» [40];

— projective method «Vision of the disease» [30].

The sampling was accomplished by the doctors of in-patient hospitals network of the healthcare system with a graduate medical education. They specialise in healthcare and medical aid provision in reproductive health disorders of population. The patients seeking medical advice in the departments of the chosen hospitals were also involved. The number of respondents was 410 persons.

The data gathered was processed using SPSS 17 software.

The survey was carried out on the basis of the following healthcare institutions of Ukraine:

1. «Antenatal protection of fetus and medical genetics regional centre» of Chernivtsi regional medical diagnostic centre.

2. Communal institution "Kyiv regional mother-child healthcare centre".

3. «Zhytomyr regional mother-child healthcare centre».

Survey results. Considering the results of the survey performed, we'll describe the most important facts obtained. Among the three groups of the doctors (the division was territorial and corresponds to the number of institutions) the level of demands as to interaction with the patients is lower than the actual state of things estimation. For the first group the correlation was 3 to 1.8; for the second one — 3.5 to 3.4; for the third one — 3.6 to 3.4. Although the highest difference concerns the first group, it is typical of all the doctors in the sample, which proves the "saving" of emotional resource by the doctors in the process of building up the relations with the clients.

The fact obtained may be indicative of two things. First, it might be a compensatory mechanism, sometimes called "anti-depression mechanism", second — reflect the overall compensatory increase of self-esteem and self-satisfaction [41].

In this case it's quite hard to define what exactly is involved, but the level of doctors' demands is quite reduced, which definitely shows the impairment of correlation between the doctors' demands and real capabilities. We also may not speak of a compensatory increase of self-esteem level, whereas none of the results by the scales is in increased or very high level (three or less).

Only according to several scales the "dream level" is higher than the actual state of things. These are "satisfaction with the treatment results", "happiness", and "optimism". Among all the relations estimation scales on interaction with the patient only the mentioned one does not fit under the compensatory cognitive distortion. Whereas this does not involve the contact with patients but the result of a professional activity, the protective mechanisms promoting the saving of emotions influence the respondents' self-esteem to a much lesser extent.

We found a decrease of the demand level among the doctors in comparison to the actual self-esteem; therefore they estimate the actual state of things higher than the desirable one. This may be indicative of pessimism manifestation compensated by an increased self-esteem of the actual state of things (the interval of possible has a negative modality).

Rationalization, projection, and denial are the highest three indications for all three groups. It may show as depreciation, indifference, and rejection. Thus we can conclude that the protective mechanisms structure of the doctors is aimed at distancing from the patient while preserving the initiative and responsible role of a doctor. We found that an average meaning of the stress levels in the groups of doctors equals to 48.0; 36.5 and 36.0 in the first, second and third group correspond-

ingly. The comparison of the general stress level between the three groups shows that the information including that from the patients is perceived more realistically by the doctors of the second and third group. No statistically important differences in the protective mechanisms between the groups of doctors were found.

Quite high showings were obtained by the symptom “reduction of professional responsibilities” (2.4; 1.7 and 2.2), which among the others seems to be important for the possibility of compliance formation between the doctor and the patient, whereas it directly influences their interaction, and together with the general tendency of increase of the “resistance” phase (2.1; 2 and 1.9) regarded as a resistance to the increasing stress exhausting the personality, this is an indicator of professional deformation.

We discovered a specific feature of perception of the own health state by the doctors — it is inattention to their own disease, for due to the peculiarity of the doctors’ activity their attention is aimed at the patients and not at themselves. But as we mentioned the self-perception as an expert depends greatly on well-being both psychological and physical (at that not from the objective state of things, but from a subjective vision thereof), and the attention to the doctor’s own well-being may become a source of inner confidence and a resource for positive emotions.

We observed that the highest percentage of the doctors had a neurasthenic and sensitive type of attitude to the disease (20.6% each). A considerable number of doctors (17.7%) also had a harmonious, euphoric, and paranoic types of attitude; none of them showed melancholic, apathetic, or egocentric type of attitude to the disease. Among the patients neurasthenic (21%), sensitive (19.4%), and paranoic (18.9%) types of attitude are the most frequent; quite often “obsessive-phobic”, “anxious”, “hypochondriac” — 13.3%, 11.7% and 11.7% correspondingly, and no melancholic type.

We defined the general stress levels of protective mechanisms of the patients –53.0; 43.4 and 47.0 in the first, second, and third group of the patients. We found a high rate of average level of protective mechanisms manifestation “displacement”, “regression”, and “replacement” in the first group of the patients in comparison to the other two groups. This means that the patients of this group unconsciously use all the types of information distortion, which influence the quality of their interaction with the environment, including the doctors.

It was demonstrated that in estimation of the patients’ satisfaction by the interaction in the scale “doctor-patient relations” the results correlate positively by 99% to the levels of importance with the results in the scales “life conditions” (0.660); “treatment results” (0.654), and “stigmatization” (0.526). The estimations of “doctor-patient relations” (–0.182) and “treatment results” (–0.140) negatively correlate with the interaction model “loneliness”, obtained by the projective method.

The development of features promoting the introduction of a doctor-patient partner interaction, decrease of the doc-

tors’ stress should be and must be carried out within special training programmes aimed at medical personnel involved in the sphere of reproductive health. These programmes should consider the psychological aspects of the healthcare workers and should be centred on individual needs of each doctor taking into account his or her psychological features, for the latter are reflected in perception and reacting to the patients and disease. It seems appropriate and even necessary to introduce Balint-trainings [42] in our medical sphere, whereas they are a safe and supporting method stimulating psychological characteristics needed for building up an effective interaction of a doctor with the patient.

As to the interaction models, these differ in the three groups, and we may conclude that the doctors with more oppressed psychological state (group No.1) prefer an expert, authoritative position in the interaction. The other group (group No.2) adheres to a partner interaction, and the doctors there showed a lower level of protective mechanisms as well as emotional burnout. As for group No.3, it actively used all of the models and was characterized by the greatest psychological diversity of the respondents together with a normal level of demonstration thereof.

It was proved that there are a lot of statistically important differences between the patients of different regions, and therefore different doctors.

Satisfaction with the work of the medical personnel in three groups is statistically different but in a pair-wise comparison this connection does not seem to be that strong. Yet the patients who underwent treatment in Kyiv region showed statistically more satisfaction with the medical personnel’s work that the patients in Chernivtsi region.

The emotional alienation is more typical for the patients of Chernivtsi (the first group) and Zhytomyr regions (the third group) together. The euphoric type of reaction is more typical for the patients of Kyiv region in comparison to the other two.

A higher level of “depersonalization” was noted in the first (2.4) and the third group of patients (2.1) in comparison to the patients of the second group (1.7).

It was found that self-dissatisfaction and stress correlating negatively with the satisfaction of doctor-patient interaction, also correlates negatively with the patients’ subjective satisfaction by the treatment process. This means that a doctor in stress, dissatisfied with him or herself (decrease of self-esteem level) is less likely to establish a positive compliance.

It was proved that the patients’ satisfaction with interaction depends not only in the doctors’ actions but mostly on psycho-emotional psychosomatic states of the patients, which proves the importance of obtaining and mastering the communicative skills, empathy, etc. by the doctor.

It was ascertained that the protective mechanisms of a personality have a statistically important connection with the subjective satisfaction with the treatment: the more frequent they appear, the lower is the patients’ satisfaction with the treatment at interaction of the doctor and the patient. It means that the ability and skill of reflection of the doctors

may increase the index of the patients' satisfaction with the treatment. Forming of this skill needs a long-term training in the training programmes.

It's essential to have a powerful means to control the interaction between the doctors and the patients, and improve it if necessary. For this purpose the Balint-group principle may also be applied; initially it was developed to increase the understanding of what happens between the doctor and the patient, but appeared to be useful for the control of interaction processes in different spheres. The positive experience accumulated allows widening this type of training, and implementing it with the other forms of medical training. But the value of Balint trainings in the programmes concerning the reproductive health remains not really defined. They indeed develop the competence of professionalism and interpersonal interaction skills, and communication in a humanist environment. But considering the fact that the Balint groups are process-oriented it is difficult to measure the results and consider them the direct consequence of Balint training. However it will be fair to admit that Balint training is a safe and supportive method stimulating reflection, brave ideas, and offers alternative approaches to getting rid of complicated relations and building up an interaction with the patients.

It should be emphasized that using interdisciplinary researches or implementing the survey results from the other sphere of knowledge for a new purpose is a quite reasonable feature of the modern scientific approach to studying of any given phenomenon. In this connection it seems timely and possible to extrapolate the results of our domestic psychologists (Elkonin D. B., Zinchenko V. P., Vyhotsky L. S.) as to interaction of a student and a teacher to interaction of a doctor and a patient [43, 226], for in their researches they studied the problem of activation of the student's position with the aim of increasing the level of educational process efficiency.

This very problem of activation arises in the medicine — setting the patient for an active position as to the treatment, and involving in the process of treatment should improve the process of treatment. This approach seems even more necessary considering the fact that the patient becomes a consumer of medical services — a client choosing the ways of treatment, doctors, medications, etc.

The professionals with more developed communicative and interaction skills may define the disease faster and thus

decrease the expenses for treatment, prevent the crisis, and support the patient. All this together may lead to a higher quality of the treatment process, increase its efficiency, increase the patient's satisfaction, decrease the cost of treatment, and improve the patient's understanding of his or her medical problem. As a result the degree of patient's involvement in the treatment process increases [44]. Today the psychology of management considers the approach according to which the workers' notion of satisfaction with the job should be divided from the involvement. It seems appropriate to develop not only the patients' features promoting appearance of satisfaction, but also helping involve him or her in the process of treatment. The medical personnel, as it was mentioned before, should activate the patient's attitude to the treatment and division of the responsibility with the doctor for the decisions made together and the results of treatment.

Conclusions.

The development of characteristics which will promote introduction of the partner interaction model of the doctor and patient and decreasing the doctors' stress may and must be performed in special training programmes for the medical personnel employed in the sphere of reproductive health.

The data obtained are also advisable to use in the educational process in the medical higher educational establishments of Ukraine in teaching of such disciplines as medical psychology, psychodiagnostics, health psychology, psychological consultation.

The patients' satisfaction with the treatment should be periodically checked in the healthcare institutions. Systematic and standardized response from the patients will allow using the data obtained to improve the psychological component of the medical aid.

In decision of the problem of the patient's activation, bringing him or her to an active position as to the diagnostics, treatment, and prevention of the disease the extrapolation of the research results as to student-teacher interaction to the doctor-patient interaction seems to be timely and possible.

The basic clauses and conclusions of the thesis research are recommended for use by the family doctors and in the healthcare institutions involved in the sphere of reproduction and family planning.

References:

1. Ясько Б. А. Психология медицинского труда: личность врача в процессе профессионализации: Автореф. дис. докт. псих. наук/Б. А. Ясько – Краснодар, 2004. – 45 с.
2. Аджиев М. Э. Анализ принципов организации управление качеством медицинской помощи/М. Э. Аджиев//Молодой ученый. – 2013. – № 11. – С. 207–211.
3. Serour M. Difficult Patients or Difficult Doctors: An Analysis of Problematic Consultations/M. Serour, H. A. Othman, G. A. Khalifah//Eur. J. Gen. Med. – 2009. V.6, N 2. – P. 87–93.
4. Майоров М. В. К вопросу о повышении комплаенса в амбулаторной акушерско-гинекологической практике /М. В. Майоров//Медицинские аспекты здоровья женщины. – 2007. – № 1. – С. 68–70.
5. Ненарокомов А. Ю. Проблема медикализации в онкологии/А. Ю. Ненарокомов, Д. Л. Сперанский//Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2013. – № 10. – С. 35–37.

6. Гринхальх Т. Основы доказательной медицины/Т. Гринхальх. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006. – 240 с.
7. Панок В. Г. Основы практичної психології/В. Г. Панок, Т. М. Титаренко, Н. В. Чепелева [та ін.] – Київ.: Либідь, 199. – 533 с.
8. Титаренко Т. М. Життєвий світ особистості: у межах і за межами буденності/Т. М. Титаренко. – К.: ДП Спеціалізоване видавництво «Либідь», 2003. – 376 с.
9. Wong S. Communication Skills and Doctor Patient Relationship/S. Wong, A. Lee//The Chinese University of Hong Kong Editorial Medical Bulletin. – 2006. – V.11, N. 3. – P. 7–9.
10. Аленинская О. А. Психолого-акмеологические условия развития гуманистической концепции пациента у врача: Автореф. дис. канд. псих. наук/О. А. Аленинская. – Тамбов, 2008. – 17 с.
11. Grembovski D. E. Managed care, access to mental health specialists and outcomes among primary care patients with depressive symptoms/D. E. Grembovski, D. Martin, D. L. Patrick [et. all]. – J. Gen. Intern. Med. – V. 17. – P. 258–269
12. Hall J. Physicians' liking for their patients: more evidence for the role of affect in medical care/J. Hall, A. Epstein, M. L. DeCiantis, B. McNeil//Health Psychol. – 1993 – № 12. – P. 140–146.
13. Hall J. Liking in the physician-patient relationship/J. Hall, T. G. Horgan, T. Stein, D. L. Roter.//Patient Educ. Couns. – 2002. – V.48. – P. 69–77.
14. Карвасарский Б. Д. Медицинская психология/Б. Д. Карвасарский. – Л.: Медицина, 1982. – 272 с.
15. Басин Ф. В. Проблема психологической защиты/Ф. В. Басин, М. К. Бурлакова, В. Н. Волков//Психологический журнал. – 1988 № 3 – С. 30–31.
16. Демина Л. Д. Психическое здоровье и защитные механизмы личности/Л. Д. Демина, И. А. Ральникова. – Изд-во Алтайского государственного университета, 200. – 123 с.
17. Богданова М. В. Психологические защитные механизмы (к пониманию взаимозависимости защитных систем: психологической и иммунной)/М. В. Богданова//Вестник ТюмГУ. – 2005. – № 3. – С. 14– 18.
18. Богомолов А. М. Связь интенсивности психологической защиты личности с процессом самореализации /А. М. Богомолов, А. Г. Портнова//Психологическая наука и образование. – 2004. – № 2. – С. 27.
19. Стеблянко Ю. В. Роль и значение защитных механизмов в процессе стрессоустойчивости/Ю. В. Стеблянко//Мир современной науки, 2011. – Вып. 3. – С. 1–4.
20. Cramer J. A. Medication Compliance and Persistence: Terminology and Definitions/J. A Cramer, A. Roy, A. Burrell [et al.]//Value in Health. – 2008. – V. 11, N 1. – P. 44–47.
21. Саймон Г. А. Цит. за: Моргунов Е. Б. Модели и методы управления персоналом/Е. Б. Моргунов. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2001. – 464 с.
22. Ларичев О. И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных Странах/О. И. Ларичев. – М.: Логос, 2000. – 296 с.
23. Рябова М. Г. Индивидуально-психологические особенности женщин с различными типами нарушений репродуктивной функции/М. Г. Рябова//Вестник Тамбовского Университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 9 (125). – С. 190–198.
24. Kelly B. Physician Communication and Patient Adherence to Treatment: A Meta-analysis/B. Kelly, H. Zolnierrek, M. Robin, Di Matteo//Med. Care. –2009. – V.47, N8. – P. 826–834. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2728700/>
25. Kruse J. Effects of a psychosocial education programme to improve doctor-patient interaction with cancer patients//J. Kruse, N. Schmitz, Wüller W, Clar B. [et al.]//Z. Psychosom. Med. Psychother. – 2003. – V.49, N3. P.232–245.
26. Kubacki A. What's important in the doctor-patient relationship?/A. Kubacki//J. R. Soc. Med. – 2003. – V. 96, N 6. – P. 314.
27. Christopher R. Then a miracle occurs: focusing on behavior in social psychological theory and research: Purdue Symposium on Psychological Sciences/R. Christopher [et al.]//Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. – 452, [58–65, 276–282] p.
28. Водопьянова Н. Е., Синдром выгорания/Н.Е Водопьянова, Е. С. Старченкова. – СПб.: Питер, 2008. – 358 [45–49] с.
29. Карвасарский Б. Д. Медицинская психология/Б. Д. Карвасарский. – Л.: Медицина, 1982. – 272 с.
30. Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности/Е. Т. Соколова. – М., 1980. – 178 с.
31. Осухова Н. Г. Возвращение к жизни: Методические материалы для ведущих тренингов и семинаров по профилактике профессионального выгорания/Н.Г Осухова, В. В. Кожевникова//Помощь помощнику: социально-психологическое сопровождение социальных работников/Под ред. Н. Г. Осуховой. – М.: Изд-во «Амиго-пресс», 2006. – С. 96–112.
32. Юдин С. С. Мысли о медицине/С. С. Юдин – М., 1968. – 80 с.
33. Юрьева Л. Н. Профессиональное выгорание у медицинских работников/Л. Н. Юрьева. – К.: Издательство «Сфера», 2004. – 272 с.
34. Ясько Б. А. Психология медицинского труда: личность врача в процессе профессионализации: Автореф. дис. докт. псих. наук/Б. А. Ясько – Краснодар, 2004. – 45 с.

35. Чумакова Г. А. Синдром выгорания медицинских работников, Г. А. Чумакова, И. Е. Бабушкин, Л. А. Бобровская. – М.: Владос, 2003. – 76 с.
36. Емоційне вигорання/упоряд. В. Дудяк. – К.: Главник, 2007. – 128 с.
37. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении/В. В. Бойко. – СПб: «Сударыня», 2000. – 32 с.
38. Вассерман Л. И. Психологическая диагностика отношения к болезни/Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Э. Б. Карпова, А. Я. Вукс. – 2005. – 32 с.
39. Исследование самооценки по Дембо-Рубинштейн с элементами клинической беседы/Янышин П. В. Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности. – СПб., 2004. – 320 с.
40. Кауфман С. Х. Кинетический рисунок семьи/С. Х. Кауфман, Р. С. Бернс. – М.: Изд-во: Смысл, 2006. – 160 с.
41. Демина Л. Д. Психическое здоровье и защитные механизмы личности/Л. Д. Демина, И. А. Ральникова. – Изд-во Алтайского государственного университета, 200. – 123 с.
42. The effectiveness of Balint training for medical students. In The Doctor, the Patient and their Wellbeing – World Wide Proceedings of the 13th International Balint Congress/eds. Salinsky J., Owen H. Ruckzuckdruck, 2003. – P. 104–108.
43. Выготский Л. С. Психология развития человека/Л. С. Выготский. – М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. – 1136 с.
44. Fong Ha J. Doctor-Patient Communication: A Review/J. Fong Ha//The Ochsner Journal. – 2010. Academic Division of Ochsner Clinic Foundation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ochsnerjournal.org/doi/pdf/10.1043/TJ-09-0040.1>

Section 7. Sociology

*Bobryk Adam,
Siedlce University of Natural Science and Humanities, Poland
PhD, associate professor, Faculty of Humanities, Social Sciences and Security Institute
E-mail: adam.bobryk@uph.edu.pl*

*Kalita Cezary,
Siedlce University of Natural Science and Humanities, Poland
PhD, assistant professor, Faculty of Humanities, Social Sciences and Security Institute
E-mail: cezary.kalita@uph.edu.pl*

Policy and the national minorities in Poland. Social and philosophical aspect

Abstract: The problem of national and ethnic minorities is connected with the asymmetry which exists between the “majority” and the “minority” on the ontological level. Minorities have to be protected mainly by legal protections on the national and international legislation level. In Poland different type processes can be observed, which from the one side give the emancipation of the minorities and from the other side reduce it to the folklore. According to the migrating processes the situation of minority can depend of the permanent changes on political level in range of protection of majority and the inclusion of minority.

Keywords: national minorities, ethnic minority, policy, Poland, asymmetry, right, safety, folklore, emancipation, inclusion.

Policy according to the national minorities in Poland, through the XX and the beginning of the XXI century, was determined their significant amount degree and their spatial concentration. The particularly essential changes happened after the II World War. The change of the borders of the Polish Republic and in the consequence the displacement of population caused the significant limitation of the part of the national minorities. According to numbers in 1954 the total their number carried out 650 000 which made up 2,4% of the totality [7, 25]. In this time the government realized many activities steered on the forming of the homogeneous society.

This was aimed to gradual assimilation of minority, more and more universally propagating thesis about identity of citizenship and nationality [19, 274]. At the time the slogan about political and moral unity of the nation was commonly advocated. The foundation of this slogan was the message that there is only one nation in Poland and all citizens create it. The national distinctness was in the large degree tantamount to the folklore and to the perception in categories of the parochialism. However it should be noted down that the individual stages of functioning the Polish Republic characterized the different specific in the national policy. The range of liberties was enlarged or reduced. But not all nations living in this country had the possibility of the team working and they possessed their own institutions. The nationalities which were allowed, in some period of time, to organize the

collective life which was done by the Belorussian, the Czech, the Lithuanian, the Germany, the Russian, the Slovakian, the Ukrainian and the Jews [18]. Their presence in the public life was invariably marginal.

The essential change of the status of the national minorities appeared as an effect of the democratic transformations in Poland. In 1989 the principal reconstruction of the political system happened. The abolition of all limitations in social life of national minorities was the consequence of it. They got the possibility of free undertaking initiatives satisfying their group needs. This contributed to empowerment the national communities. This was the element of the wider process, as Andrew Sadowski notices the national communities got the liberty of manifesting its features as well as the satisfying their needs. He affirms “The democratic processes liberate the feeling of hope to change the economic status, social of many groups and minority categories which in different political conditions were in situations of the subordination and often the public discrimination” [22, 7]. Then the state stood up before the challenge of a new defining the ways of conducting in the area of national and cultural differentiation. This was concerned both in the social dimension of the acceptance the minority by the majority as also institutional by the necessity of accepting the legislative solutions defining the rights of minority. Both of these aspects determined the scale of presence as well as the activity of different nationalities in public space [26, 90].

The new approach to matter of the minority caused the enlargement the interest of this problem. In beginnings of ninetieth this issue caused a lot of emotions or anxieties connected with relations especially with minorities of the German and the Jewish. However, the development of the social life led to reducing the fear on the background of relationships between the minority and the majority. The growth of acceptance of the national variety, it contributed to the limiting the tensions and the negative occurrences connected with the national membership. The democratization of social system, opening the borders the, free moving between individual states in Europe, the unrestricted access to products of culture, showing the value of the variety and not risk, had the positive influence on these transformations.

As the symbolic beginning of the new policy with the minority nations the calling at The Lower House, 2nd August 1989, the Committee of National Minorities and Ethnic can be recognized. Essential there was the expose of Tadeusz Mazowiecki, the Prime Minister, delivered 12th September 1989. At the time he guaranteed the right of the minority to save its identity. He also underlined their activity in the social life as the rightful citizens [20, 38]. The institutionalization of life of the minority by accepting the new legal standards, normalized its public activity and gave the new instruments of working. The changes were made first of all in the support of the international documents as "The Frame Convention of Advice of Europe about protection of national minorities" and "The European card of regional languages or minority".

The legislation in Poland was gradually adapted to standards of the international rights in domain of protection the minority. The amendments were made on already existing documents or there were accepted new ones in field of working which earlier did not be regulated. The first essential change was the introduction the exemptions in the electoral law in 1991. It concerned on the limitation of the indispensable numbers of signatures to registration the lists, facilitations in registration the nationwide list and the possibility to obtain mandates. The committees of minority gained the limitations of requirements in the regional and national registrations of the candidates' lists. During the changes of the electoral law the principle of limitation the requirements was saved, especially the exemption of the duty of crossing 5% threshold relaxation valid different formations. The critic of these standards appeared both from the side of the representatives of the majority, expressing the opinion that the domain of exemptions is too large, as from the minorities paying the attention that they practically make impossible the obtainment the wide representation. So many postulates of changes appeared [21, 95–96]. At present the valid Law from 5th January 2011 in article 197, it relieves the committees of minority from 5% threshold. It simultaneously creates the convenient temporary frames relating to the necessities of notification to the State Electoral Committee the fact that given list represents the national minority. According to the Law it must happen the latest 5 days before the execution voting [23]. The only minority which in every parliamentary choice, thanks to the relaxation

of the necessity of crossing the nationwide electoral threshold, gets the parliamentary representation the German are. At present in result of the execution of choices on 25th October in 2015 the German minority which put out the list of 24 candidates was supported by 27530 electors (0,18%) and was given one mandate at the Lower House received by Richard Gall [12].

In domain of education the essential changes were of the effect of receiving on 7th September in 1991 the Law "About system of education". The article no. 13 gives tasks to the public schools as they make possible "the supporting the feeling of national identity, ethnic, linguistic and religious, and in peculiarity the learning the own language as well as the own history and the culture", adding simultaneously "the proper Secretary of State of Education will undertake the working in aim of popularization the knowledge about history, the culture, language and about traditions of religious of the national and ethnic minorities as well as the community using their regional language" [25]. The educational establishments teach not only the language of minority but this language is the lectures languages in many schools. Moreover the program of teaching is broadened to the geography, the history, the culture of the state with the minority identifies. The pupils' minimum number to open the class at the kindergartens, the primary and secondary school is 7 pupils. In the higher school the number of people is 14. It can be possible to create the interschool class when the number is smaller. The establishments leading the teaching of the minority have enlarged the educational subsidy. However, to such educational establishments attends less than 1% pupils' totality. They are taught in domains of science, the Belorussian culture and language and the Hebrew, Lithuanian, German, Armenian, Slovak, Ukrainian, Lemko, Romany and Kashubian [5, 352–357].

The law protection of the minority was captured in the Constitution of Polish Republic from 2nd April 1997. It also forbids functioning any formations appealing to nationalistic or racial hatred. It guarantees simultaneously that "The Republic of Poland assures the Polish citizens belonging to national and ethnic minorities the freedom of saving and the development of own language, saving customs and the tradition as well as the development of own culture. National and ethnic minorities have right to creating their own educational and cultural institutions, and institutions servant to the protection of religious identity as well as to participation in deciding of the relating their cultural identity matters" [16].

The special meaning for the qualification of range the laws and liberties had "the Law from 6th January 2005 about national and ethnic minorities as well as about regional language". Its article 1 regulates the issues connected with saving and the development of the identity of cultural national and ethnic minority, the saving and the development of regional language, the civil integration as well as the social people's belonging to the minority and also the way of realization the equality treatment of people without regard on the ethnic origin.

It defines also the task and the competences of the administration and the individuals of territorial council in range

these matters [24]. In period, when the Law was accepted the first time for years there were the objective relating number of the minority data. Results were settled on the basis of the General List of Population and Flats in 2002. There were affirmed then that they make up 1,23%. In Poland there were 109 nationalities at that time [27, 224]. At present as it results with the Common List conducted in 2011 the people who classified to national or ethnic minority (together with unacceptable) constitute 1,43% as well as the person about double identity all united with Polish gives 2,38% of all population [9].

For acknowledgement by the Law for minority given nationality should fulfill following conditions together: to distinguish its language, culture and to possess tradition, and aiming to save them, to have consciousness of historical community aiming to its expression and protection, to identify with own state nation, and its ancestors should live in the territory of Poland the least 100 years. These criteria fulfilled 9 nationalities: the Belorussian, Czech, Lithuanian, Germany, Armenian, Russian, Slovaks, Ukrainian and Jews.

There were distinguished also 4 ethnic groups, which had to fulfill similar conditions apart from the requirement of the identification with the nation organized in its own state. In Poland as ethnic groups there were recognized: Karaites, Lemkos, Romanies, Tatars. It was distinguished also one community of regional language which in understanding the Law is Kashubian. The membership to minority is voluntary, and independent of the duty of declaring. There is forbidden any applying having on aim the assimilation, discrimination or the change of nationalistic structure in the administrative individuals [24].

In the legislation there were qualified many authorizations which contribute the supporting and the development of national identities. The minorities have the guaranteed the right to using the native language in private and public life as also recording the names and surnames with principles of native language. It is the special authorization the admittance to applying of languages of minority as auxiliary ones. The main criterion should proof that in the given commune state the minority stands the least 20% of population. Moreover the additional inscriptions of official names of locality, objects and streets [4, 61–62] can be applied. The former name in the minority language was in German and was applied in reference to commune Biskupice (the Bischdorf) on 22nd December in 2006. Till 7th July 2015 there were given 58 names in language of the minority on 2478 functioning community states in the country. It is 2,3% of all councils. Additional names are used in following languages: German 31, Kashubian 23, Lemko 2, Lithuanian 1, Belorussian 1 [10]. However, the language of minority as the auxiliary language was introduced on the terrain of 33 populaces. The first administrative individual was Radłów on 25th January in 2006 where the status auxiliary language gained German. Following auxiliary languages at councils there are applied: German 22 populaces, Belorussian 5, Kashubian 5 and Lithuanian 1 [11]. The finishing the

term of the office the Lower House of the Polish Republic on 25th September in 20015 the new editing of Law about minorities was accepted broadening the range of laws: the possibility of introduction the auxiliary language on the level of administrative districts. But the President of the Polish Republic, Andrzej Duda on 27th October vetoed the law that estimated costs of its initiating did not become exactly counted. It aroused the anxiety of minority being afraid that the change could be occurred against them. As it was shown the bilingualism would concern probably only 4 administrative districts and in them languages: Kashubian, Lithuanian as well as Belorussian [28].

The organs of the public power on owner of the earlier law are obliged to workings of saving and the development of the identity of cultural minority as well as the civil integration. There are undertaken solutions supporting the creative, artistic, informative, investigative activity. At the public media there are broadcast and emitted television and radio programs in the languages of the minority on terrains of the special concentration. The initiatives of the minority get the help in the domain of functioning the libraries or the activity of the environmental common rooms. For their support were intended both grants by the competition system and the purposeful grants-in-aid [24]. They do not satisfy fully the expectations of the minority but they make up the important form of support. For solving the varied kind of problems as also the effective co-operation the Common Committee of Government and the National Minorities and Ethnic was created.

The problems of “minority” can be considered from two different points: from the side of the minority and with the point of sight of the majority. On the ontological level in case of the minority we have to deal with the asymmetry. The only fact of the asymmetric property carries the different problems of the philosophical nature (ethical) as also social and cultural. The main aporia of philosophical and social depends on this, that “majority” has total tendencies and it tries to protect its own identity by the strong integration of the elements which characterize the distinction but they also enrich their identity adding the feature of minority. However the “minority” aims to hermetic sealing and sees chances of its protective by the internal integration, throwing aside the guilds of the majority which can shake with its identity. The minority has the characterizing community features, when the majority reminds more the society, although, there is the tendency to reforming in the predominant community. This phenomenon of asymmetry of boundary strip deepens the minority and majority [1].

Stepping out in Poland national and ethnic minorities despite of naming them the name of the minority, from the state point of view they have the entirely different status to realization of principles of the tolerance. John Locke excluded from the right to tolerance Catholics because they are subjected to two powers. From one side they are obliged to the loyalty in relation to the King of England, and from the other side they are subjected to the pope's superior part so to the leader of the church [14, 125–126]. Transferring this histori-

cal analogy from the Lock's thought on the present issues, the question can be put, in relation to who the national minority should be loyal: does the powers of state to which citizen is (where it lives) or the power which it is connected ethnically? This problem was especially exposed in Poland in relation to the German minority and at present it is discussed in Lithuania in relation to the Polish minority. There is the dose of fear in relation to the national minority, particularly, when its ethnic state administers the large demographic and economic potential or else military.

In turn the ethnic minorities do not wake such the anxiety because their state out status does not carry the possibilities of the protective by the different organizational subject, what can be the different state. The ethnic minorities are first of all the not so political minorities (frequently they at all do not manifest such ambitions), but cultural, what was often (and it is) imported to folklore, as the main symptom of the activity of the given ethnic minority (The Romanies) [6]. Therefore the possession or not possession by the given minority the external motherland conditions its political and social position in the country, but it is also translated on the perception of the national minorities as the element of the danger of the cohesion of the state (Germany).

The size of the given minority conditions its position in the decision (political) structures of the state. Taking under attention that the minorities stepping out in Poland can be divided with the regard on their size, practically we can deal with only two categories: the small minorities (The Lithuanian) and the averages (The German), without the parting of the large minorities. Therefore their influence is comparatively small both in political matters and social ones. The only way of increasing their meaning can be the strong support made by the external motherland. However, only the German minority can count on such support.

The meaning of the relationship with the country of the origin, as it was said above, is conditioned also by historical processes also. In Europe and Poland under this regard is a very typical country, the very radical territorial shifts of borders of states followed [8, 48]. It is worth to notice that the largest territory which Poland hugged had 990 000 square kilometers (1634–1667), and the smallest 157 194 square kilometers (1807–1815 the Grand Duchy of Warsaw), or yet smaller 1 164 square kilometers (1815–1846 the Republic of Cracow). There were periods also, in which Poland as the autonomic state at all did not step out. At present Poland occupies area of 321 679 square kilometers [17, 18]. Such situation causes, that the different historical status has many minorities. We have to deal with the autochthonous minority, which is the minority settled historically (the Belorussian) as well as the alluvial minority which is the effect of the present migrating processes (the Vietnamese).

The trite affirming is outright, that in the closest future we will have to deal with first of all with the processes of the inflow and shaping of the minority alluvial (the Syrian), but there is also the enlarging of the autochthonous minorities such as the

Belorussian or Ukrainian. This process is conditioned with the migrating policy, both Poland and the European Union's process. So there will happen the processes of larger reforming from the country about comparatively uniform ethnic structure, in direction of differentiation and not only by the people's' natural high tide from the neighbor countries, but also in the result of the global economic migration, political, religious or social.

This process will enlarge the proportions on the advantage of the minority which is "radically different from the predominant nation", where the differences hug the whole spectre of different features from racial, across religious, cultural or mental differences. This will enlarge the aporia which is connected with the dichotomy of the "minority — majority", what will intensify the processes of the "defensive" of the uniform majority. The state will aim to integrating processes (inclusion) absorbing the migrating minorities [3]. This can be seen in the rhetoric of the political rightist parties which underline the national ethos with the lack of alternative from the side of the weak of the Left which in Poland had first of all the national character also [8, 991–1006].

It gives the birth of the social problem relating on the distribution of the minority on the territory of Poland. Should they be compact groups or be distracted on the terrain of the whole country. Taking under attention that Polish centers for refugees are placed in the east, it can be effective of this tendency to settling on this terrain the minority of the emigrants. The influence on such policy has additionally the fact of desolating of these terrains — fall of the occupants' number. They are also the terrains where the enlarged number of the autochthonous minority steps out (the Belorussian, the Ukrainian) [15, 161–176]. In this effect the processes of differentiating of Poland more ethnically violently will step out on the eastern terrains than the western ones. This process will be the restoration, not in the literal sense, of the state from before the II World War, where Poles on the eastern terrains made up the ethnic minority.

Summing up it can be prognosticate, that the processes of the shaping the national or ethnic minorities are not finished. Taking under attention such phenomena how the strong processes of the migrating populations ethnically Polish abroad in frames of the European Union, aging the society, low growth of population, it seems necessary to receive the emigrants. This concerns on the potential minorities different radically from the predominant nationality (the Arab) and in the small degree different ethnically, cultural or socially (the Belorussian, the Ukrainian) [13, 297–299]. The solution of the aporia the "minority — majority" depends from the policy of the state you, but also more and more from the international organizations (the European Union). The protection of the minority and its emancipation follows so as the result of accepting the international laws, what is the very positive phenomenon. The legal decisions precede the decision of social and political, however, these last have the decisive influence on the real the situation of the minority in the changing global world [2].

References:

1. Bauman Z., *Community. Seeking Safety In an Insecure World*, Cambridge 2001.
2. Bauman Z., *Europe an Unfinished Adventure*, Cambridge 2004.
3. Bauman Z., *Wasted Lives: Modernity and its Outcasts*, Oxford 2004.
4. Bobryk A., Usage of mother tongue by minorities in public life in Poland. The example of the German minority, [in:] *The Fifth International Conference on History and Political Sciences. Proceedings of the Conference (January 23, 2015)*, ed. K. Orzechowska, Vienna 2015.
5. Bobryk A., Wielokulturowość w edukacji. Szkolnictwo mniejszości narodowych, etnicznych i języka regionalnego w Polsce, [in:] *Bezpieczeństwo Edukacja Wychowanie*, v. II, *Edukacja i wychowanie dla bezpieczeństwa w przeszłości i współcześnie. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Jerzemu Kunikowskiemu*, ed. S. Jaczyński, A. Araucz-Boruc, G. Wierzbicki, Siedlce 2015.
6. Budyta-Budzyńska M., *Socjologia narodu i konfliktów etnicznych*, Warszawa 2010.
7. Chałupczak H., Browarek T., *Mniejszości narodowe w Polsce 1918–1995*, Lublin 2000.
8. Davies N., *God's Playground. A History of Poland*, Oxford 1981.
9. <http://mniejszosci.narodowe.mac.gov.pl/mne/mniejszosci/wyniki-narodowego-spis/7096,Ludnosc-wg-rodzaju-i-zlozonosci-identyfikacji-narodowo-etnicznych-w-2011-r.html>
10. <http://mniejszosci.narodowe.mac.gov.pl/mne/rejestry/rejestr-gmin/6794,Rejestr-gmin-na-ktorych-obszarze-sa-uzywane-nazwy-w-jezyku-mniejszosci.html>
11. <http://mniejszosci.narodowe.mac.gov.pl/mne/rejestry/urzedowy-rejestr-gmin/6884,Urzedowy-Rejestr-Gmin-w-ktorych-jest-uzywany-jezyk-pomocniczy.html>
12. http://parlament2015.pkw.gov.pl/349_Wyniki_Sejm
13. Kalita C., Etnos słowiański a państwo narodowe, [in:] *Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы*, ed. W. W. Kirienko, Homel 2007.
14. Kalita C., Idea wolności w myśli filozoficznej i politycznej siedemnastego wieku, Siedlce 2007.
15. Kalita C., Stereotypowy obraz Białorusinów w świadomości młodych Polaków z obszarów przygranicznych wschodniej Polski, [in:] *Stosunki polsko-białoruskie*, v. 2: *Społeczeństwo i polityka*, ed. S. Jaczyński, R. Pęksa, Siedlce 2009.
16. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 1997 r., „Dziennik Ustaw”, 1997, nr 78, poz. 483.
17. Mały rocznik statystyczny Polska 2015 (*Concise Statistical Yearbook of Poland*, Central Statistical Office), Warszawa 2015.
18. Mironowicz E., *Polityka narodowościowa PRL*, Białystok 2000.
19. Nikitorowicz J., *Grupy etniczne w wielokulturowym świecie*, Sopot 2010.
20. Plewako J., *Mniejszości narodowe w wymiarze lokalnym*, Lublin 2009.
21. Rytel-Warzocho A., „Przegląd Naukowy Disputatio”, 2010, v. XI.
22. Sadowski A., Socjologia wielokulturowości jako nowa subdyscyplina socjologiczna, „Pogranicze. Studia Społeczne”, 2011, v. XVIII.
23. Ustawa z dnia 5 stycznia 2011 r. Kodeks Wyborczy, „Dziennik Ustaw”, 2011, nr 88, poz. 553.
24. Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. O mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym, „Dziennik Ustaw”, 2005, nr 17, poz. 141.
25. Ustawa z dnia 7 września 1991 r. O systemie oświaty, „Dziennik Ustaw”, 2004, nr 256, poz. 2572.
26. Zawistowska A., Mniejszości w mediach: konteksty i granice prezentacji, „Pogranicze. Studia Społeczne”, 2007, v. XIII.
27. Бобрык А., Национальные меньшинства Польши в процессе общественной перемены. Вопрос численности, [in:] *Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. Материалы IV международной научной конференции (Гомель 26–27 мая 2005 г.)*, ed. Кириенко В. В., Гомель 2005.
28. Халадоўскі М., Прэзідэнцкае вета, „Ніва”, 8 лістапада 2015.

Section 8. Philology

*Abdikarimova Malika Nyshanbayevna,
Osh State University
Senior teacher (Kyrgyzstan)
E-mail: abdikarimova_malika@mail.ru*

About the method of the experimental and phonetic analysis of intonation

Abstract: The technique of the experimental and phonetic analysis of intonation is considered in this article. Also versatile elements are listed to emphasize that partitioning of the statement on degrees of importance has the segments.

Keywords: Intonation; phonetics; versatile elements; partitioning; accent; tempo of speech; physical and acoustic properties; nonverbal intonation; semantic organization.

*Абдикаримова Малика Нышанбаевна,
Ошский Государственный Университет
Старший преподаватель (Кыргызстан)
E-mail: abdikarimova_malika@mail.ru*

О методике экспериментально-фонетического анализа интонации

Аннотация: В данной статье рассмотрена методика экспериментально фонетического анализа интонации. Также перечислены разноплановые элементы, чтобы подчеркнуть, что членение высказывания по степеням важности имеет свои сегменты.

Ключевые слова: Интонация; фонетика; разноплановые элементы; членение; ударение; темп речи; физически-акустические свойства; невербальная интонация; семантическая организация.

Изучение интонации языка осложняется сложной природой данного языкового явления. Во-первых, интонация как фонематическая плоскость языка имеет обозначаемую сторону, или, в других терминах, свой план содержания; данная обозначаемая сторона эксплицируется через соотношение интонационных функций: коммуникативной, смысловразличительной, интегрирующей, эмотивной, ситуативной и модальной. Во-вторых, интонация как чисто фонетическая плоскость языка реализуется через свои физически-акустические свойства: методику или высоту тона, ритмику, паузу, длительность, темп и интенсивность; эта сторона интонации, в отличие от фонематико-смысловразличительной стороны, может быть обозначена как обозначаемая сторона, или план выражения интонации.

Первая сторона интонации, поименная нами как обозначаемая сторона (план содержания интонации), понимается, напрямую соотнесена с семантико-синтаксической стороной предложения-высказывания. Как справедливо отмечает известный исследователь интонации Н. В. Черемисина, «Интонация содержательна уже сама по себе, в «бессловесном», «произносимом» с закрытым ртом тексте. Такая невербальная интонация способна различать коммуникативные типы высказывания (утвержде-

ние, вопрос, побуждение) и выражать эмоциональные значения и оттенки, сопутствующие «логической» или «волевой» интонации [1].

Вторая сторона интонации, поименная нами как обозначаемая сторона (план выражения интонации), соотносится с материально-акустической стороной высказывания. Известный теоретик и экспериментатор при изучении фонетики языка В. А. Артемов пишет по сходному вопросу: «Таким образом, звуки речи с физической стороны характеризуются: 1) числом колебаний основного (голосового) тона, 2) обертонами (гармониками), 3) амплитудой (силой, интенсивностью этих колебаний) и 4) временем. Самые разнообразны сочетания этих элементов и образуют физическую основу звуков речи.

Как показали наши исследования, физическая природа интонации та же самая. С физической стороны интонация представляет собой единое звуковое явление, состоящее из изменяющихся (расчленяющихся) во времени и взаимосвязанных: числа колебаний основного тона (числа Герц), обертонов (гармоника) и амплитуд интенсивности, иначе говоря, силы колебаний» [2].

В связи с таким различием обозначаемой стороны интонации (плана содержания интонации) и обозначаемой

щей стороны (плана выражения интонации) сразу следует отметить их тесную связь между собой. А такая тесная взаимосвязь этих двух сторон интонации предполагает, что при анализе интонации как лингвистического явления никак не представляется возможным их изолированное друг от друга рассмотрение. При характеристике плана содержания интонации никак нельзя обойтись без привлечения данных из плана выражения интонации.

Основная работа, которую исполняет в фонетике языка интонация, — это коммуникация. Интонация помогает фонематически оформлять предложения в соответствии с заданными в данном типе предложения целеустановками. С материально-фонематической точки зрения на природу интонации обычно в фонематической литературе придерживаются мнения, что для исследования интонации являются релевантными три основных типа предложения-высказывания, в которых ставится целью сообщение некоей информации (повествовательные высказывания), получены некие информации (вопросительные высказывания) и отношение к некоей информации (восклицательные высказывания) [3; 4].

Именно интонация транспонирует предложение в определенную однородную группу, в конкретный тип высказывания. Так, к примеру, одно и то же кыргызское предложение «Сен билесиң» может интонироваться в соответствии вышеназванных трех типов высказываний. «Ср.: «Сен билесиң (ты знаешь), Сен билесиң? (ты знаешь?), Сен билесиң! (ты знаешь!). приведенные три предложения одинаковой синтаксической структуры различаются как повествовательные, вопросительные и восклицательные только благодаря интонации, характерной для устной речи» [5].

Аналогичное явление, когда одно и то же самое предложение, к примеру, *He wants to help me* (он хочет помочь мне) может быть высказано не только как повествовательное или же как восклицательное, но даже и как вопросительное, хотя в последнем случае не будут сохранены грамматические признаки высказывания с общим вопросом, при которых на первое место выносятся глагол — сказуемое: *Does he want to help me?*

Более того, интонация способна не только различать различные коммуникативные типы высказывания в зависимости от содержащихся в них целеустановок, но и способна различать подвиды таких коммуникативных типов, исходя из интонационно-эмоциональной окраски. «В живой разговорной речи семантика слов может подвергаться разнообразному переосмыслению. Интонация способна придать утвердительному предложению отрицательное значение, словам положительной оценки — характер осуждения и т. д. То есть, все зависит от интонации и если слово само по себе соотносено с выражением определенного эмоционального состояния, то лишь потому, что в речевой практике людей как бы привязано к «эмоциональной ситуации». Другими словами, употребление слова в определенном эмоциональном значении — норма общения, а не норма языка».

Данная точка зрения исследователя кыргызской интонации А. О. Орусбаева подтверждается и другими параллельными изысканиями кыргызских фонетистов, изучавших проблему интонации кыргызского повествовательного предложения, проблему интонации кыргызского вопросительного предложения и проблему взаимоотношений различных коммуникативных типов предложения на предмет выявления интонационных структур, моделей и особенностей в кыргызском языке.

Аналогичное же можно утверждать и в отношении сопоставляемого нами английского языка: интонация различает не только общие коммуникативные типы предложений-высказываний, но и мельчайшие варианты, нюансы и аспекты семантической организации предложений-высказываний, «эмоциональная семантика (и в речи она занимает немаловажное место) непосредственно влияет на интонационное оформление английского предложения с экспрессивной направленностью. Соответствующие компоненты интонации должны быть поставлены в полную зависимость от психологической направленности речевого процесса, которая связана, как известно, с определенной ситуацией». Такое же мнение о релевантно-важной роли интонации при оформлении подвидов и вариантов основных коммуникативных типов английского высказывания содержится во многих трудах фонетистов — англистов, исследующих соотношение интонации и его фонетико-семантической реализации в стилистическом контексте [7].

Таким образом, в свете коммуникативно-фонематической функции интонации, которая предопределяет тип высказывания (повествование, вопрос, восклицание), представляется целесообразным изучить интонационные структуры хотя бы названных типов, не вдаваясь в подробности анализа различных вариантно-смысловых нюансов могущих быть реализованными через эти типы. Фонетико-стилистическое или фонетико-семантическое исследование нюансов, вариантов и аспектов, реализующихся в основном типе высказывания, — это, как мы твердо убеждены, объект и предмет других специальных фонетических исследований.

Слово или группа слов, представляющие собой единое синтаксически-смысловое целое в процессе речи-мысли, выделяемые усилением последнего ударения и мелодией, носят название синтагмы. Ритмическая структура синтагмы может быть различна в разных языках. Так, в русском языке при помощи динамического ударения в синтагме выделяются слова, так как почти на каждое слово падает ударение. Исключение составляют предлоги, союзы и некоторые другие слова, примыкающие либо к началу знаменательного слова (проклитики), либо к концу слова (энклитики). Однако, наличие некоторого числа проклитик и энклитик не меняет общего характера синтагмы в русском языке, где ритмически, при помощи ударений, выделяются слова [6].

В английском языке ритмическая структура синтагмы иная, при помощи ударений выделяются не слова, а груп-

пы слов, состоящие из какого-либо знаменательного слова с его энклитиками и проклитиками.

В английском языке наличествует большое количество служебных, формальных слов, не имеющих ударения. Такие служебные слова объединяются вокруг знаменательного слова в качестве проклитик и энклитик, образуя вместе с ним ритмическую группу.

Однако, в последнем толковании единицы лингвистического анализа интонации все же остается неясным, какая из языково-фонетических единиц — синтагма, ритмическая группа или сочетание синтагм в одной ритмической группе — является основной при адекватном изучении и описании, к тому же в сопоставительном плане, интонационного строя языка.

И потому мы правомерно, как нам думается, избрали в качестве единицы интонационного анализа предложение-высказывание с его основополагающими характеристиками тона, который экстраполируется на обозначаемую сторону интонации в форме мелодии, а на обозначающую сторону интонации в форме частоты основного тона. Ведь именно в реальном высказывании две составляющие интонации, связанные как с содержательным планом языка,

так и с выразительным, существуют одновременно, в то же время признаки каждой стороны интонации расположены последовательно, то есть сегменты, реализующие признаки каждой из сторон интонации следуют параллельно и линейно друг за другом. приведем развернутое суждение одного из значительных исследователей интонации языка, а конкретно, английского языка, И. Г. Торсуевой: «Напомним, что синтагма не является единицей языка, но сегментом, реализующим интонационные единицы... Последовательности синтагм может включать в себя количество сегментов от одного до х.

Сегменты, реализующие экспрессивные единицы, могут совпадать с синтагмами, но это совпадение не всегда обязательно. Более того, оно случайно. В односинтагменной фразе также наблюдается грация отрезков по степени важности. Причем, эти отрезки иногда совпадают с ритмической группой, со словом или каким-нибудь членом предложения. Мы сознательно перечислили здесь разноплановые элементы, чтобы подчеркнуть, что членение высказывания по степеням важности имеет свои сегменты. Их границы заданы с одной стороны, восприятием, а с другой — границами интонационных параметров в их максимальном воплощении» [3; 7].

Список литературы:

1. Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь – М: Русский язык, 1982. – 207 с.
2. Артемов В. А. Экспериментальная фонетика. – М: изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956. – 228 с.
3. Бондарко Л. В. Сегментация. Лингвистический энциклопедический словарь, главный ред. Ярцева В. Н. – М.: Наука, 1990. – 436–437 с.
4. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. – Изд. 7-е. – Учеб. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М: Высшая школа, 1963.- 309 с.
5. Сыдыков Ж. К. Фонетическая структура современного кыргызского литературного языка и диалектов. – Фрунзе: Илим, 1990. – 176 с.
6. Сыдыкова Р. Р. Фонетико-фонологические основы сегментной структуры кыргызского и русского языков: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Бишкек, 2008. – 25 с.
7. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М: Наука, 1979. – 102 с.

*Malakhov Sergey Viktorovich,
candidate of historical sciences, associate professor
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

Names of the three right-bank Rhine cities

Abstract: Undoubtedly prevailing meaning of the historical names of Deutz, Duisburg and Doesburg is a «city on the other side (of the river)», which determines the phonetic closeness of these oikonyms. «Other» or «opposite» here — it's a right bank of the Rhine, in contrast to the left one not a part of the Roman Empire.

Keywords: names of Deutz, Duisburg, Doesburg, Skopje, Zakopane, Canada, Dioscuri, Tuisco, Etruscans, scobari.

*Малахов Сергей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: svmalakhov@mail.ru*

Названия трёх правобережных прирейнских городов

Аннотация: Безусловно преобладающим значением исторических названий Дойца, Дуйсбурга и Дусбурга является «город на другой стороне (реки)», что определяет и фонетическую близость этих ойконимов.

«Другой» или «противоположный» здесь — это правый берег Рейна, в отличие от левого не входивший в состав Римской империи.

Ключевые слова: названия Дойц, Дуйсбург, Дусбург, Закопане, Скопье, Канада, Диоскуры, Туиско, этруски, скобари.

Эта работа выполнена методом а) подборки для разбираемых ойконимов блоков слов из индоевропейских по преимуществу языков, релевантных им по своим фонетико-семантическим характеристикам, б) с последующим выбором вариантов, наиболее полно соответствующих исторически сложившемуся своеобразие городов, связанных с этими ойконимами. Исследования по их топонимике как сходной мне неизвестны. Выводы размечены звёздочками. (Исходная статья, несогласованно правленная и сокращённая до традиционалистской формы, в: Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015).

Двоичность

На правобережье нижнего Рейна и Эйссела есть города — Дойц (с конца XIX в. часть Кёльна), Дуйсбург и Дусбург, названия которых во многом повторяют друг друга, и этому находится объяснение.

Ср.: др.-английск. **twisc** «двойной, парный»; английск. **deuce** «двойка, нечистая сила», **two-sided** «двусторонний», **twosome** «пара»; арамейск. **dywstr** «двусторонний»; белорусск. **тая старана** «другая сторона»; др.-греческ. **δίζυξ** «двойной», **Δίοσκο(υ)ροι** «Диоскуры» (божественные близнецы) (Тж.: английск. **Djuskaha** «Дьюскаха» (положительный божественный близнец в верованиях сенека), **Tawiscara** «Тавискара» (отрицательный божественный близнец в верованиях гурунов); казахск. **туысқан** «близкий/родной (человек), братья», кетск. **утись ке'т** «близкий/родной (человек)», латинск. **Tuisto/Tuisco** «Туисто/Туиско» (бог, рождённый землёй, в верованиях германцев); русск. **свой в доску** «полностью свой», **тёз(к)а** «соименник»; татарск. **дускай** «дружище»; японск. **dōseikon** «однополый брак» 婚性同 (при **dōsei** «тот же пол» 性同 и «та же фамилия» 姓同; турецк. **adaş** «тёзка»). **δοίος** «двойной», **δύας** «два»; грузинск. **tsqvil** «пара» ზუგოლი; иврит **dw-zddy** «двусторонний» דו-צדדי; китайск. **duicè** «противоположная/противолежащая сторона» 對側, **duizi** «парный, симметричный» 對子; латинск. **duis** «дважды»; монгольск. **дүйз** «пара», **дүйцэл** «однаковость, эквивалентность»; нж.-немецк. **Tweeschen** «близнец»; нидерландск. **dezelfde** «тот же, одинаковый», **tweezijdig** «двусторонний»; португальск. **dois** «два»; романшск. **duos** «два»; французск. **deuxième** «второй»; японск. **taishō** «противоположность» 照対, **taishō** «симметричность» 称対.

Дойц

В начале IV в. у Колонии Агриппины (нынешний Кёльн) был построен римлянами мост через Рейн, первый и на долгие времена единственный постоянный мост

на этой реке, имевший немалое значение. Его опоры были демонтированы лишь во второй половине X в. Тогда же на правобережье Рейна против Колонии был возведён предмостный форт, со временем превратившийся в город. * В IV в. он назывался Дивицией, Дивицием или Дивитенсием (латинск. **castrum Divitia/Divitium/Divitensium**; имя, очевидно связанное с **divido** «разделять, разъединять» (Тж.: болгарск. **двоя** «отделять, разъединять») **castrum** «форт, небольшая крепость») — «фортом, вынесенным (вперёд)», «фортом на другой (стороне)»; ведь по Рейну здесь проходила граница.

С уходом римлян, к середине V в. Дивиция (латинск. **Divitia civitas**; **civitas** «город») становится местом проведения франкского королевского суда. * С X в. этот город назывался Туйцием (латинск. **Tuitium**) — имя, напоминающее прежнее, хотя и немного иное: «(город, расположенный на) противоположной стороне (Рейна)». Со временем оно становится и единственным его общенациональным названием. В начале XI в. на месте крепости было учреждено бенедиктинское аббатство Дойц (немецк. **Abtei Deutz**; **Abtei** «монастырь»). * В средние века город обозначался также как **Duitia**, **Diuza**, **Duytz**, к концу XVI в. — Дойч (**Deutsch** «немецкий»; отечественно-правобережный?) и Дуитс (**Duyts**) — к середине следующего столетия.

Ко времени объединения с Кёльном город назывался Дойцем (немецк. **Deutz**), но в кёльнском диалекте — Дюксом (рипуарск. **Düx**). Ср.: др.-греческ. **δεξιός** «правосторонний»; латинск. **dexter** «правосторонний»; санскр. **dakṣiṇa** «правосторонний» दक्षिणि. * То есть это его название, судя по всему, передавало значение «(расположенный на) право (бережье)».

Дуйсбург

Дуйсбург (немецк. **Duisburg**) стоит на древнем торговом пути (Хелльвер), где бродом переходили Рейн у впадения в него реки Рур. В настоящее время 4/5 территории города расположено по двум сторонам этой реки, на правобережье Рейна, на котором сложился и его центр.

Поселения торгового и военного характера существовали здесь на обоих берегах Рейна уже в римскую пору, когда по нему проходила граница. По названию (и не только) известен, например, форт Асцибургий (латинск. **Asciburgium**; **burgium** «укреплённое поселение, форт»; I в. н. э.), стоявший на левом берегу в черте нынешнего Дуйсбурга. * Его имя, судя по всему, означало «форт, перекрывающий переход (на левобережье)».

Ср.: аккадск. **sekēru** «блокировать, перекрывать», **sikru** «плотина, дамба»; английск. **screen** «заграждение, охранение, защита», **secure** «перекрывать, надёжно защищать» (Тж.: арамейск. **sakkar** «щит», **sgwṭws**

«щит»; др.-китайск. **shigān** «щит» 幹師; китайск. **suǒkǎi** «кольчуга» 鎧鎖; латинск. **scūtum** «щит», **squāmae** «чешуйчатые доспехи»; литовск. **skydas** «щит»; японск. **sōkō** «доспехи» 甲装. И др.-греческ. **πανσῶν** «полное вооружение, доспехи» (при китайск. **pángxiè** «краб» 螃蟹 и немецк. **Panzer** «панцирь, броня, танк»); арабск. **‘askar** «стоять (военным) лагерем» عسكر; др.-греческ. **σκεπαιω** «защищать, прикрывать, укрывать» (Тж.: английск. **escape** «избежать, спастись, скрыться»; итальянск. **scappare** «избежать»; румынск. **a scăpa** «избавить, спасти»; русск. **скопиться** «собраться, набраться»; сербск. **skupiti** «собрать (ся), скопить (ся), смыкать». * Значения этих слов пересекаются в понятии хорошо защищённого места (Скапа-Флоу английск. **Scapa Flow**, например, — одна из лучших гаваней Британских о-вов), в котором при необходимости могли бы укрыться живущие окрест люди.

* Это значение заложено, мне кажется, и в названии столицы Македонии, Скопье (македонск. **Скопје**, албанск. **Shkup/Shkupi**, греческ. **Σκοπια**, сербск. **Skoplje**), по общему мнению, — древнего, но неримского происхождения. Тж. [5, 386]. Впервые Скопье в связи с расположением там римского военного лагеря упоминается Титом Ливием. Это начало I в. н. э. К концу его здесь была основана римская колония **Flavia Aelia Scupi/Flavia Scupinorum**, в просторечии — Скупи (латинск. **Scupi**, тж. **Scuris**; разница между последними ойконимами, кажется, в характере блокирования, которое они передавали: оборонительного — для первого из них и сдерживающего — для второго). Скупи была крепостью (латинск. **castrum**) в долине р. Вардар, со второй половины II в. защищённой стенами в камне [9]. О ней писали Птолемей (др.-греческ. **Σκουπιοι**), Прокопий Кесарийский (ср.-греческ. **Σκουπιον**), Анна Комнина (ср.-греческ. **τα Σκοπια**). С конца XIV ст. в составе Османской империи этот город назывался Ускюбом (турецк. **Iskib/Üsküb/Üsküp**).

Названием жителей Псковщины (Россия) ещё не так давно было слово скобари, а край их порой именуется в псковских летописях **Скопским** (начало XV в.). При том, что согласно М. Меховскому (начало XVI в.), например, «земля Псковская имеет тридцать каменных замков... каких нет ни в Московии, ни в Литве» [15, 108], и её твердыни «строились для защиты всего населения, в том числе крестьян... Вот почему они были так многочисленны и имели большие по тем временам размеры. Изборск, Вышгород, Красный, Гдов, Остров, Опочка, Велье, Воронич, Кобыла, Дубков» [12], не считая самого Пскова, крепость которого к концу средневековья была крупнейшей и лучшей в России. «Псковская земля — страна-крепость», — писал о ней Д. С. Лихачёв [14, 201]. * Это и объясняет, скорее всего, слово **скобари** как «люди, защищённые фортами».)

Иврит **skr** «закрывать, блокировать» סגר, **skr** «плотина, дамба» סכר; испанск. **asegurar** «защищать, блокировать», **escudar** «защищать, оборонять»; итальянск. **scorta**

«охрана»; китайск. **sàiguān** «застава» 關塞, **sèkōu** «перекрывать дороги» 口塞, **suǒguó** «закрывать границу» 國鎖; латинск. **sēklūdo** «изолировать, разобщать»; литовск. **saugoti** «охранять, защищать», **skirti** «отделять, разъединять»; д.-в.-немецк. **skerm/skirm** «заграждение»; немецк. **sichern** «прикрывать (границы), обеспечивать надёжность»; русск. **закол** «городьба, перебой», **закрывать** «блокировать»; турецк. **sak** «бдительный», **sakli** «защищать, заповедный», **sekbān** «(османские) пограничные войска, егери» (У самой высокой части Татр лежит г. Закопане (польск. **Zakopane**). Под этим именем он как деревушка впервые упомянут в XVII ст. (в следующем веке **Zakopany/Zakopania**) [10, 310]. Между тем именно в XVII в. здесь сходились границы королевств Польши, Венгрии и Османской империи (зависимых от неё территорий) [2]. * Последнее даёт основания полагать, что и название Закопане находится в связи с этим турецким словом), **sokmak** «закрывать»; украинск. **схрон** «защита, укрытие»; французск. **escorter** «охранять, прикрывать»; шведск. **skyddar** «защищать»; японск. **saku** «частокол» 柵, **seki** «плотина, дамба» 堰, **sekirui** «форт (из камня)» 星石, **seki(sho)** «застава» 関(所).

В первой половине V в. нынешний Дуйсбург перешёл в руки франков и стал, как иногда считают, их столицей. * Согласно Григорию Турскому, франкский король Хлодигон «жил в крепости, называемой Диспарг [латинск. **Dispargum**; **dis-** «префикс со значением разъединения», **disparo** «разделять, обособлять» (Тж.: др.-греческ. **διασπείρω** «разъединять»), **burgium** «укреплённое поселение, форт»; вероятно — «город на другой стороне (Рейна)»], расположенной в области торингов. В этой же области, в южной ее части... жили римляне» [11, 40].

Нынешнее имя города известно со второй половины IX ст. В начале X–XI вв. он назывался **Diuspurch/Diusburg** (Имея в виду значения английск. **deuce** и др.-греческ. **Διόσκο(υ)ροι**, этот ойконим можно переводить и как «город по обеим (сторонам реки)»), в первой половине XI – первой половине XII ст. — **Duisburg** (на 1059 г. приходится и наиболее раннее упоминание Дуйссерна — немецк. **Duisern**, — хельвегской части Дуйсбурга, расположенной недалеко от его исторического центра, но вне городских укреплений), во второй половине XI в. — **Tusburch** (Ср.: др.-греческ. **δυστορία** «трудность перехода/переправы». Тж.: китайск. **túshè** «переходить вброд» 涉徒; узбекск. **o'tish** «переход»; японск. **tosen** «переход, пересечение» 線渡 и «переправа» 船渡. * Тогда ойконим «Тусбурх» с учётом прошлого этих мест можно переводить как «город у брода (через Рейн)».

* Почти наверняка семантика переправы передаётся и именем о-ва Тузла (крымскотатарск. **Tuzla**), лежащего в Керченском пр.-ве, между Россией и Украиной. (О переправах античного времени здесь [13, 90].)

* Такое же значение, надо полагать, и у части Москвы Тушино, как деревня известной с начала XVI ст. В про-

шлом излучина Москвы-реки, подходящая к ней с юга, летом была проходимой даже для телег благодаря бродам, которые обеспечивали безопасность и при переправе по льду [16]) и второй половине XII в. — **Dusburg**. (Исходя из перевода названия нидерландского Дусбурга — «город на противоположной стороне (Рейна)».) * Ещё четыре столетия спустя его название осталось тем же — **Duisburg**, «город на противоположной стороне (Рейна)», унаследованным, как видно из того, что это значит, от римского времени. По записанной в первой трети XVI в. И. Авентином легенде, Дуйсбург был основан богом Туисто.

Дусбург

Город Дусбург (нидерландск. **Doesburg**; нж.-немецк. **Doezeberg**) сложился у слияния рек Эйссел и Ауде-Эйссел, на правом их берегу. Эйссел — один из рукавов дельты Рейна, и несколько южнее этого места со второй половины I в. до н. э. проходила граница империи [4]. Наиболее раннее упоминание Дусбурга приходится на вторую половину XI ст. [7]. * Карта города второй половины XVI в. [3] ограничивает возможные интерпретации его названия единственной — «город на противоположной стороне (Эйсселла)», и это опять возвращает нас к римскому времени.

Ту(й)цигове и Дуйсбурггау

Область, центром которой была Диуца, в начале XI в. называлась Ту (й)цигове **Tu(i)zihgowe** (Ср.: китайск. **tǔjǐ** «родные места» 籍土. Тж.: китайск. **tǔsú** «эти места/края» 土俗; санскр. **deśīya** «провинциальный, местный, живущий (в), похожий» देशीय; японск. **tōsho** «это место» 所当. 1) Выборка, вместе с латинск. **Tuisco** «Туиско» (в верованиях германцев — бог, рождённый землёй, от сына которого они вели свои начало), санскр. **daiśika** «территориальный, местный» दैशिक, японск. **atesaki** «адрес» 先宛, **dozoku** «жители этих мест» 俗土 и прим. 2) объясняющая, кажется, и латинское название этрусков — **Tūscī**. 2) Др.-греческ. **αὐτόρ (ρ)ῖος** «коренной, выросший здесь», французск. **adresse** «адрес» — эллинское и ещё одно их латинское имя — **Τυρσηνοί** и **Etrūsci**. 3) Арамейск. **ʾaṯrānāy** «территориальный, местный», китайск. **tǔrén** «жители этих мест» 人土, латинск. **terrēnus** «относящийся к земле», польск. **terenowy** «территориальный, местный», тувинск. **төрээн** «родной (человек)» и фарси **дирин(э)** «исконный, давний» دیرینه/دیرین поддерживают ту же семантику в таких формах этого этнонима, как др.-греческ. **Τυρρηνοί** и латинск. **Tyrrhēni**. 4) Сами они называли себя **Ras(en)na/Rashna**. Ср.: галисийск. **orixinario** «происходящий/родом (из)», русск. **уроженец** «тот, кто родом откуда-либо», санскр. **aurasa** «родной» औरस, **rasā** «земля, страна» रस, французск. **original** «исходный», **régional** «территориальный».

* Т. о., все те слова, которыми в греческом и латинском языках называли этрусков, неявно передавали значение «(давние) жители этих мест» — так же, как и их эндоэтноним, объяснение которого, как оказывается, может быть индоевропейским. Отметим, что автохтонным населением Италии считал этрусков ещё Дионисий Галикарнасский, согласно которому, то же говорили ему и они [1]. Область Дуйсбурга в том же столетии — Диусбурггау/Дуйсбурггау **Diusburggau/Duisburggau**. Обе они лежали на правой стороне Рейна, хотя земли Дуйсбурга были и левобережными (ср.: прим. 9) [6].

Ср.: авестийск. **gava** «селение» (Формант **gava/gay** и сейчас встречается, например, в топонимии долины р. Кашкадары (Узбекистан) [8]. * Входит он, кажется, и в состав некоторых (восточно)европейских ойконимов, как то: английск. **Glasgow** «Глазго», польск. **Częstochowa** «Ченстохова», **Kraków** «Краков», русск. **Москва** «Москва» (и **Кучково** как др. её древнее название), **Псков** «Псков», украинск. **Біла Церква** «Белая Церковь» (и **Гюргев** как её древнее название), **Харків** «Харьков», **Чернігів** «Чернигов»); др.-армянск. **gawaf** «округ, кантон» գաւաթ; др.-китайск. **guó** «город (-государство), территория, край» 國; китайск. **guówù** «государственный, политический» 國務; д.-в.-немецк. **gawi/gouwe** «территория, область, край»; немецк. **Gau** «область, округ» (Тж.: английск. **county** «окружной, земский»; китайск. **guónèi (de)** «отечественный, внутрисударственный» 國內 (的); лаврентийск. **canada/kanata** «селение, край, земля»; латинск. **condo** «заселять, обживать», **continuus** «прилегающий, примыкающий, постоянный»; русск. **кондовый** «исконный»; тавгийск. **куньдибтээ** «внутренний»; турецк. **kent** «город»; финск. **kanta-** «базовый, постоянный, исконный»; французск. **canton** «кантон»; эстонск. **kant** «окрестности, сторона, край». * Выборка, связанная со словом **canada/kanata**, которому обязана своим названием нынешняя Канада; нидерландск. **gouw** «округ, кантон»; санскр. **gō** «земля» गौ; японск. **gawa** «сторона (переговоров...)» 側, **ku** «округ» 区.

Китайское **guó** и немецкое **Gau**, на мой взгляд, — слова, связанные друг с другом, и это не единственный пример подобной коммуникации для немецкого и китайского языков.

* Таким образом, можно утверждать, что в названиях Дойца, Дуйсбурга и Дусбурга при всех изменениях их за многие сотни лет безусловно преобладало значение «город на противоположной стороне (реки)», которое передают и их нынешние имена. И связано это было с тем, что города, сложившиеся на Рейне в римскую пору, располагались по его латинскому, левому берегу.

Список литературы:

1. Bodroghy G. Z. The Etruscan Liber Linteus//The Palaeolinguistic Connection. 1998. – URL: <http://web.archive.org/web/20080416143745/http://users.tpg.com.au/etr/etrusk/po/origins.html> (accessed: 15.1.2015)

2. Central Europe in 1683//Wikimedia Commons. – URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b2/Vassal_states_of_the_Ottoman_Empire_in_1683.svg (accessed: 15.1.2015)
3. De oudst bekende kaart van Doesburg//Welstand Doesburg. – URL: http://www.welstandsnotas.nl/doesburg/g_p122.jpg (toegankelijk: 15.1.2015)
4. Gallia//S. Butler. The Atlas of Ancient and Classical Geography. – Suffolk: R. Clay, 1907. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/17124/17124-h/images/gallia.jpg> (accessed: 15.1.2015)
5. Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia: Vol. III: 336–167 B. C. – Oxford: Clarendon Press, 1988. – 692 p.
6. Heiliges Römisches Reich um 1000//G. Droysen. Allgemeiner historischer Handatlas. 1886. – URL: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ed/Heiliges_R%C3%B6misches_Reich_1000.PNG (Zugriff: 15.1.2015)
7. Historie//Gemeente Doesburg. – URL: https://www.doesburg.nl/Bezoek_Doesburg/Algemeen/Historie (toegankelijk: 15.1.2015)
8. Sagdullayev A. Gava Sughda-Nautaka-Kesh//San'at (Art). 2002. № 1. – URL: http://sanat2013.orexca.com/eng/1-02/history_art2.shtml (accessed: 15.1.2015)
9. Scupi, Colonia Flavia Scupinorum//Paleopatologia.it. – URL: <http://www.paleopatologia.it/articoli/aticolo.php?recordID=186> (accessed: 15.1.2015)
10. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 14. – W.: Nakł. F. Sulimierskiego i W. Walewskiego, 1895. – 930, 8 s.
11. Григорий Турский. История франков. (Historia francorum); пер. В. Д. Савуковой. – М.: Наука, 1987. – 464 с.
12. История//Портал государственных органов Псковской области. – URL: <http://www.pskov.ru/region/istoriya/print> (обращение: 15.1.2015)
13. Колтухов С. Г. Тузлинский историко-географический район Боспора Киммерийского в античную эпоху//Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2005. Т. 1. Вып. 1. – С. 87–91.
14. Лихачёв Д. С. Псков//Звезда. – 1945. № 10/11. – С. 201.
15. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях; пер. С. А. Аннинского. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – XI, 288 с.
16. Строгино//Северо-Запад. Летопись московской окраины. – URL: <http://okrug.school147.ru/old/sela/strogino.htm> (обращение: 15.1.2015).

*Meiramgalieva Raigul Manapovna,
Kazakh National University named after Al-Farabi,
Cand.Phil.Sci., Assoc. Prof.
Sarsekeeva Natalia Kantaliyevna,
Kazakh National University named after Al-Farabi,
Cand.Phil.Sci., Assoc. Prof.
E-mail: Sarsekeeva1403@inbox.ru*

The existential consciousness of prose of Leonid Andreev and Smagul Elubay

Abstract: Works of Andreev («Life of Basil Thebes») and Elubay («The century of doomsday») are considered in a view of an existential orientation in the article. Research of the existential problematics uniting work of Russian and Kazakh writers, opens new senses and possibilities of the further interpretation in a vein of research of modern literary and art paradigms.

Keywords: existentialism, consciousness, freedom, the author, irrational, chaos, dialogue

Flows and directions of literary process are motivated by the general mood of epoch and motion of idea of masterminds of the time. For that or another direction, uniting writers near philosophical and ideological looks, similar worldview, are characteristic in literature. As a result the writer of one culture unexpectedly as though calls in the literary labors with the writer of other culture and even epochs. Such situation, in particular, has developed concerning two writers — Leonid

Andreev and Smagul Elubay which are pull together with the general mood of texts, their ideological and mental communication about which there will be in detail a speech in given article. As the basic similarity, it is possible to specify a parallel spent between existential reasons by a component of works of these authors, in particular — stories like «Life Basil Thebes» by Andreev and the novel «The century of doomsday» by Elubay. Both works offer the most extensive material for

research and interpretations in the specified context by the reference to those philosophical and cultural ideas, codes which detect in the given texts — questions of faith and disbelief, the person and the God, the Miracle and the absurdity, to the put in most radical, uncompromising form. We shall remind also, that each work of art, on M. Bahtinu, is reflection of author's consciousness with which it is possible to communicate, argue, agree or disagree, entering in dialogue [1, 126].

It is apparently, that Leonid Andreev's works can be entered in significantly wider ideological context. For us it is obviously important, that by such consideration its work appear as a presage of aesthetic and philosophical searches of XX and the beginning of XXI, as a prophecy of the future historical tragedies and the accidents that have rendered huge influence on individual experience by the person of the life in the world. So Andreev's works anticipated problems with which the existential philosophy and the literature in Experience of the known Russian writer («Red laughter», «Wall», «Human life», «Anathema» has collided in the subsequent, etc.) approved such understanding the person and its freedom which has been demanded in the further progress of existentialism. Therefore, according to Jean-Paul Sartre, the person is the freedom that is not reduced to any definitions [2]. Besides the phenomenon of existentialism assumes a sight at human life as on something unique, and for underlining this uniqueness the protagonist, the carrier of existential ideology is deduced. As a rule, as a contrast background a certain group of people, faceless and grey weight which participants are incorporated by any general defect or error in perception of the protagonist is represented.

Revolt as a leitmotif of all work also is mandatory in the existential literature. Aversion the protagonist of the validity surrounding it, attempt to be pulled out from it generates its existential, i. e. disturbing, desperate moods. But the most important, that finally this revolt appears is useless; all diligence of the hero, its reflection and struggle result either in humility, or to death. We shall stop in detail on Andreev's story «Life Basil Thebes» and its protagonist as means of expression of the existential beginning, a source of existential idea. The rural priest father Basil — modern analogue of biblical Iowa which faith is tested through uncountable losses. Father Basil constantly makes sure in illogicalness and absurdity of laws and orders, but during progress of a plot at it the unconscious fear of them and alarm — consequently is developed, it starts to live according to these rules. The indifferent society has absorbed it, it has obeyed and has reconciled. In the given subject situation the major problem of all work of the writer — a problem of a personal freedom in which for an ideal of this freedom full independence of a society strikes root comes to light. The existential orientation «Life Basil Thebes» consists that hero will look for this freedom, to hope for any variation, but each time in reply to its actions a society and environment to it will resist. This opposition will be eternal and eventually will break the hero, with unrestrained faith in the God overcoming the terrible tests which have dropped out on its

fraction (death of the small son, a birth of the son-idiot, drunkenness from burning the wife, its death in a fire of own house).

Basil's revolt is existential: the human mind and understanding collides with reason and understanding Divine here. The death of deaconess in a fire forces Thebes to realize limitation of own understanding, opens its unique position in relation to the God. As biblical Iowa, humiliated in the limitation, Thebes repents to the God: «*Is not present! No! — the priest loudly and scaredly has started talking. — is not present! No! I trust. You are right. I trust*». In the same instant occurs and a following step about. Basil to absolute faith and true: «*... with delight of boundless humility, expelling from the speech the word «I», have told: «I Believe!» And prayed again, without words, without ideas, by prayer of death total-body, afire and death of getting to know an inexplicable closeness God*» [3, 160–161]. Thus Basil's revolt is revolt against the order of things established by the God, and revolt against own selectness: «*It looked for truths once, and now it choked with it, this merciless true of suffering, and in painful consciousness of powerlessness it would like to run on edge of light, to die, to not see, not hear, not know*» [3, 148].

There is a precise opposition of two worlds — the world of the protagonist and the world in which in he appears forcedly at Andreev's story. This «second» world is perceived by the reader hostilely concerning father Basil who acts as is unique sane and close to concepts habitual to us of the world the person who has got in not clear it and even in something the mad and chaotic world. The key role is played by structure of a narration: the narration is conducted as though and on behalf of the author, but at the same time and from Basil. In definition of existentialism from any sources words about the attitude of the hero to the God, more precisely, attempt of existence without it always sound. The nearest environment of the priest become substitution of this divine beginning, and, finally, hero is disappointed in their activity, at times even subconsciously. It is disappointed with that and in the idea of existence of the God as maximum force. Hero looks for, struggles, but all its actions in what do not result, the Destiny as if laughs at it. The sensation of loss of feeling of a reality and presence in all things occurring by something absurd, not giving in to laws of the normal human logic, undermining a principle of a reality about what in detail wrote V. Zamanskaja in the work devoted of existential tradition in Russian literature of XX century is created [4]. The researcher thus also starts with a category «art consciousness» as establishing at interpretation of the separate phenomena of literary process.

All life of Basil Thebes — a turn of tests intolerable for the person behind which it is not necessary anything, except for accidental coincidence of circumstances. Besides all surrounding life when in a life in the incomprehensible image the true faith and pagan concepts, devilry gets on, sufferings and happiness, true and lie is absurd. This absurdity contains in itself all — seats here not maybe only to the Miracle, the God. The absurdity opening senselessness of asking about sense of life, refusing the majority of traditional philosophical trues in the actual importance, offers only one unconditional true, is so sharp and pain-

fully experienced by Andreev: we «*Will die*». «*All have died*» [3, 196], — Basil Thebes's last idea, believing so majestic and true faith, that the absurdity that has opened to it almost instantly kills it. Flight is impossible, as shows Andreev — here we are thrown besides our will, and here the person is doomed to live. The reference to internal human life, penetration into depths of human consciousness and persons, into existential and religious experience of the person has allowed known Kazakh writer Smagul Elubay, the film writer and the journalist, to create the original book of God-seeking and spirit fighting, appreciated by critics — «*The century of doomsday*» [5]. The wide reader knows its trilogy «*Lonely yurt*», devoted to «white spots» histories of Kazakhstan of XX century. In its work it is possible to detect all a constant of existentialism is and animosities of the world, its hopelessness, and loneliness of the person, restless, overflowed by emotional impulses, etc. By Elubay, a life — not pleasure, the world it is severe to the person if it does not find secret meaning of the life, therefore especially the fundamental importance is allocated by the writer to concept of the Way leading to the God, moral laws, similarity of religious texts, Conductors and followers, subject matter of Rescue of the Person. Sections of this book in which, as well as at Andreev, the special attention is given to questions of a parity of freedom, faith and the responsibility are accordingly entitled also. Reminding: existence as «the validity ethical» quite often is understood, not incidentally, one of founders of the concept of existentialism the Danish philosopher S. Kierkegaard started with an idea that the original essence of the person is made with its possibilities. In understanding the person the special seat borrows religious feeling from Elubay, the ethical consciousness in its work is in indissoluble communication with religious.

Noting a profound knowledge the writer of laws of the Universe: the person should have own moral imperative, the world — vale of human, and the maximum purpose of the person — during a sort (this idea essential in outlook of the Kazakh writers). Therefore, the world at Elubay S.a is alien to the person, transient and temporary; the person in it takes roots only the House, the center — the center of a human life: the original consciousness is patrimonial consciousness. At the book very precise subtitle — the Book for doubting. In the Foreword, it writes: «*each Person to whom the God has given an eye, aspires to survey the world. Under legs at it the Earth, above the bottomless sky. At bottom of an incomprehensible, as great universe people fusses as tiny ants ... Whence we send and where we go? And similarly to importunate mosquitoes these questions sting and torment consciousness of people. They also disturb us*» [5, 170]. The author of the book expands habitual concepts about an inner world of the person, showing, that the person conducts the beginning not from the date of the birth. The Earth for Elubay — a field of heavy tests for the person, as well as at Andreev. But as the person has been created by the God with love as it is on the Earth as though the deputy of the God, and «*the God always near to you, it in your blood, in your heart, it is closer to you, than jugular vein. And in your mind the Satan holds forth. For you, for each your step these two*

great forces conduct tireless struggle ... And you should be able to distinguish, where a voice Divine, and where whisper of instigator — the Satan».

In «*The century of doomsday*» the picture of world religion — the systems, energies of the person directing all on formation and progress of the spiritual structures working on conservation of the world and well-being of humanity is briefly shined. The author considers, that understanding of unity with all and the responsibility for destiny of the people, given by religion, allows the person to feel unity with all: children, parents and favorite people to realize the responsibility for destiny of the descendants. There is a similarity of sacred texts of the basic world religions: Avesta, the Sacred Torah, the Buddhism, Christianity, and the Islam that speaks about existence of a uniform secret source of religious plots — the Supreme Creator. Addressing to the various Scriptures, the author is assured, unlike Andreev that the person knows everything, constantly tormented by questions: why, why ...? Search of the answer is a bent for to an establishment of harmonious communications with the world, which is laid in human nature as a complex biological and public essence.

For a man the periods of dissatisfaction itself, sharp need, the periods connected with loss of the family and relatives, and, finally, with loss of all that makes meaning of the life and without what the further existence is impossible — the similar situation occurs in a life of any in this world of the person. The author narrates about it in the chapter: «*This world*» is something which are being boundless space of time «*there is the historical phenomenon on the Earth, the having beginning and the end*» [1, 206]. «*The god has named the Person the assistant on the Earth*», — ascertains Elubay. In order not to break out of the usual course of reality, the author writes «*Moral laws*»:

1. *Shame, congenital shame that distinguishes the Person from animals.*

2. *Compassion — congenital feeling.*

3. *High consciousness*

The Kazakh writer gives the close attention to talent as to secret divine mission sacred, theologians, priests. In fact, talented people sacrifice all life, carrying in all sides of a spark of a flame of the prophet: «*the Founder has allowed them special force to resist light to the most dark gloom. It has spiritualized their hearts ... They too during centuries combat for the person. They great conductors — followers of a way of the prophet*» [1, 253]. It repeatedly comes back to the Miracle of creation of the person on the ground, considering this miracle and as the divine certificate, and as the enigmatic phenomenon of physiology. It tells to the reader about creation of the person, about construction of its bodies, about occurrence its showers. Indian «*Rigveda*» and the sacred canon of the Zoroastrian «*Avesta*», the Bible and the Koran are treated as the message of the God to the person. It amazes encyclopedic learning of author in his quest to cover all religions of the world and to reconcile them with each other. Understanding that the mentality of the person of Steppe for which it was important to hear another is those comes and to understand it.

Thus, the most important task of the book «The century of doomsday» — to find ways to the God, to find arguments, methods and ways to waken in heart of the person sanctity. Scientific achievements of the modern quantum physics accepting the Absolute field of the Universe, the Maximum reason, i. e. irrational are resulted even. And, as well as at Andreev, sounds: «*In the person the greatest secret of the Universe is hidden*». However, despite of sad revelations and the gloomy

prophecies uniting of two authors, Elubay's book is filled by understanding, that all existential throwings of the person between poles of goods and a harm — the unique way to its enlightenment is boundless deep and immensely complex soul. It is the book of persistent doubts and uncompromising questions, the leader nevertheless through labyrinthes of errors to clarity, true, light.

References:

1. Bakhtin M. M. The esthetics of verbal work. – M.: Art, 1986. – 445 p.
2. Sartre Jean-Paul. The existentialism is a humanism [http://sceptis.net/library/id_545.html] – the Mode of access. – URL: http://sceptis.net/library/id_545.html (Date of the reference: 15.08.15).
3. Andreev L. Life of Basil Thebes//The resurrection of all the dead. – St. P.: The ABC–Classic, 2005.
4. Zamanskaya V. V. The existential tradition in the Russian literature of XX century. Dialogues on borders of centuries: the Manual. – M.: Flint, 2002. – 303 with.
5. Elubay S. The century of doomsday (the Book for doubtful people). Almaty: Mereke baspasy, 2011. – 343 p. In Russian and Kazakh languages.

Pysarenko Kateryna Viktorivna,
H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
postgraduate student, Ukrainian language-literature faculty
E-mail: katerinka415549@mail.ru

The scientific reception of R. Ivanychuk's historical novels

Abstract: The publication is written in the context of modern linguistics in reference to problems of human nature and its ideology. The article deals with researchers' views on R. Ivanychuk's works. The specific using of lexical material to indicate different levels of human relationships, its applying according to the author's intention are analyzed in this publication. There is an attempt to detect the interaction of using specific vocabulary groups in R. Ivanychuk's idiostyle.

Keywords: linguistics, semantics, vocabulary units, idiostyle, historical novel.

Modern linguistics is characterized by paying due attention to the problems of human nature, its ideology and consciousness. Designated phenomena in the context of language learning fiction correlated with verbal expression of the image of man as representing mental specific features which influenced the formation of the facts of history. The studying of R. Ivanychuk's works in linguistics addressed O. Khomiak, who analyzed the author's idiostyle of the novel «The Crane Creek» as part of a comprehensive study in the thesis the linguistics of the Ukrainian prose of 1960–1990th. The thesis of linguist G. Horodylovskoyi was devoted to analysis using elements of scientific and journalistic styles in the historical works of the writer. V. Buda has made a thorough study of linguistics historical novel about the age of Cossacks, devoting attention to the works of R. Ivanychuk.

The researcher of R. Ivanychuk's creativity N. Bichuya identified it as a philosophical and “ukrainistic” [2, 130]. V. Antofychuk, L. Volovets, O. Gandzya, R. Hrom'yak, V. Donchyk, M. Zhulynskyi, M. Ilnytskyi, G. Nasminchuk, S. Pidoprygora, M. Slaboshpytskyi, A. Shevchenko and other Ukrainian scientists have researches in the same perspective.

The mentioned features of his works involves the using of complex of tools. This approach consists of: 1). the author's modernistic approach to writing of literary works; 2). the philosophical component indicating the author's conceptuality and strategy; 3). the artistic skills in the depiction of characters and plots; 4). the compulsory involvement of folk-song elements and even phantasmagoric view at the historical reality. The mentioned aspects we are going to explore in this article in the light of the researcher's views of R. Ivanychuk creation.

His own concept creative the writer identified himself succinctly and clearly: “The general concept of all my historical novels reduced to a single formula “The Sword and The Thinks”, which means changing of the devices of weapons, devices of combat” [7, 74]. So also is the most prominent of his works have been previously explained by the author. For example, in the book “Pure metals of human words”, he stated the purpose and tasks of writing the novel “The scars on the rock”: to reveal the key moments of spiritual history of the Ukrainian people in social, moral and aesthetic manifestations. A series of novels have to be connected in such way that

each subsequent work ought to connect with the previous; a complete picture of the key points in our history should be reflected in the series of novels [6, 223]. It is thus novel echoes appointed two decades of the triptych "Cross pilgrimage" through the characters, scenes and concepts.

The work over the historical novel is hard, because it requires a detailed study of documents, memoirs and other similar works of art. It also provides significant deepening into the very literary work and the process of creating artwork. We agree with the opinion of O. Yeremenko and D. Pyshnoi that the author skillfully contains fragments of real historical certificates into his own vision of some of those events, he combines proven facts and fiction so as not to disrupt the veracity, but he adds some artistic marking [5; 7].

Language features, that provide the reliability to R. Ivanychuk's works, are not the using of only historicism, but the relevant one epic proper names of the characters. Thus, in the novel "Malvy" we find the availability of anthroponymical paronymic parallels when Ukrainian names turn on the phonetically similar Turkish ones (Andrew — Alim, Simon — Selim). This fact follows the readers to Janissaries who forgot not only their native names but even the whole previous life. For example, anthroponymies Calligrapher (as chronicler) and Presluzhych (as Prince). The writer doesn't often use these names that semantically correspond to the nature of their speakers. The author rarely uses this method for not to lose credibility appropriate measures, where calligraphers nonetheless could be as nicknames (last name) given at that time according to the profession (cf.: cobbler Philip wax end of the novel "Manuscript of Ruska Street"). Moreover, this character is the bearer of many aphorisms (eg., "Do not die a terrible person, but bezslidnist"), i. e. philosophically fills the product.

The famous historical characters portrayed antagonistic pairs through the anthroponymy (Jan Sobieski — Peter Doroshenko, Bogdan Khmelnytsky — Khmelnytsky Yurko et al.). It confirms the long confrontation of different views on the development of Ukraine and its independence.

The author shows status and ethnic differences through the form of anthroponyms. Thus, in the novel "The Horde" we find a rich list of proper names: 1). Ukrainian two-form Ivan Skopadsky Paul Polubotok; 2). forms with the local refinements Pereyaslav Tomar, Nijinsky Zhurahivsky; 3). The status refinements cornet Zabala, Colonel Galagan, hermit Epiphanius; 4). the female forms Motria Kochubeyivna, Kochubeyiha.

Researchers of anthroponymicon of R. Ivanychuk's novels (L. Duca, I. Ilchenko et al.) rightly notes that the writer, attracting names both real and implied characters, based on archival documents, fiction and folklore of other authors works. He creates the fictional names by parity of reasoning to the traditional models of historical Ukrainian anthroponymicon. However, his idiosyncrasy is characterized by absence of overloading of semantic parallels of character and his features, so the narrative is perceived organically and easily.

Scholars of R. Ivanychuk's works note the philosophical basis of his novels. Thus, the novel "The Fourth Dimension"

shows the deep meaning even in its title. It is explained as follows: "the fourth dimension to yourself in the center of your soul, the principles laid down there, from which you did not recede ...". V. Donchyk calls this work monologic novel, because its narrative form — thoughts, monologues of Mykola Hulak (Ukrainian writer of the nineteenth century.) of generosity, life choice between humiliation and honor [10, 108–113]. So, the readers of these monologues realize the image of this man, completing by numerous aphorisms (eg., "Went to jail encyclopedia, encyclopedic and out").

The language of novel "The Castle" is filled with philosophical maxims and aphorisms, after which the story gets philosophical and journalistic features. The structure is a form of dispute on the topics of history of the people, the purpose of literature, the struggle for independence and others.

Plug-in short stories also characterize the novel "The Water Stone", where they represent some exotic episodes of biographies of historical characters. Its depth and originality could be the basis of another novels because they stimulate the reader's thinking about the possible developing of events.

Another defining modern feature of R. Ivanychuk's idiosyncrasy is so-called by researchers "a phantasmagoric elements". Thus, in the novel "Manuscript of Ruska Street" phantasmagoria adjoins the actually spelled scenes ("Storm between Baron saw the devil. He recognized Antipko ...").

In the novel "The scars on the rock" we find the character of Ivan Franko, whose image the writer wants to bring our era with help of different tools. And according to some researchers' views (S. Andrusiv, M. Ilnytsky, V. Korniychuk) this character receives from the author an opportunity of fantastic visions into chimeric plot. There he watches the conflict of Daniel Galician and his singer Mytusa, which is described more detail in later novel-triptych "Cross pilgrimage" (for example, the aphorism of the singer: "I hate you, prince, but love; you love me, but hate").

Fantasmagoria appears in some images created by the author and attracted to stories. Thus, the image of the Master of Time and Space from the novel "The Fourth Dimension" is the bearer of philosophical vision of the world and explain the truths which are not subject to man. The image of Master Severin in the novel "The Castle" continues the writer's series of Masters. N. Bichuya notes the writer often refers to as his characters, as seen himself in these images [2, 133].

In the novel "The Castle" fantasmagoria appears in a bizarre depictions of time travel. The characters turn on their predecessors or ancestors. R. Ivanychuk used this artistic method in the novel trilogy "Cross pilgrimage." It should be noted that the journey itself (travels) is one of the author's concepts of R. Ivanychuk. One of his long-time researcher — N. Bichuya — notes this fact. She adds that firstly these travels are far or close, and then — they are "locked up in space". So it is clearly designated for location of characters, events, thoughts [2, 133].

So the combination of reality and unreality of events is due through a combination of different time planes. Thus, in the novel "The scars on the rock" A. Yeremenko and D. Lush

determine temporal storyline spans of three time planes — modernity, Franko's era and D. Galician's era. It should be noted the D. Galician's era begins with the modern era: the author describes the hero's vision began with the specific signal receiving on arrival in Urich (a former center of Galicia-Volyn land and one of the favorite places of Franko). Art worked time space in his novels is not consistent, but colorful. It serves to the main purpose of the author — to highlight connections and parallels of historical events. This method of the time switch is used by the writer of two decades at the triptych "Cross pilgrimage".

Thus, researchers of R. Ivanchuk's works define such the main features of his idiosyncrasy:

— respecting of historical authenticity. It is through the successful involvement of quotations from the text of art and journalistic works, fragments of documents, memoirs into the plot of novel. This writer combines the biographical facts with his own guesses, autobiographical elements. He involves real and implied characters into the one game of the continuum;

— implementation of the requirements of artistic skill as musicianship of phrases, completing of narration, clarity of author's thought, expression of events and dynamic of images;

— using of folk-song elements: folk ballads, legends, songs, folk stylization plug-in microtexts. It is an "emotional case of a work" and its "authenticity" when the reader feels like a participant in the events;

— a sense of proportion in using of historical vocabulary, proper names of characters by which the author depicts the antagonistic relationship between them, status and ethnic differences. The names of the implied characters are created by analogy to the traditional models of historical Ukrainian anthroponymicon.

— filling of philosophical maxims and aphorisms. So, some works have philosophical and journalistic features. The structure is a form of dispute on the topics of history of the people, the purpose of literature, the struggle for independence, etc;

— using of phantasmagoric elements. It appears to the involving of relevant images, the ability to fantastic visions, the bizarre time travel description of the characters in the turning on their predecessors or ancestors. The combination of reality and unreality of events is due to a combination of different time planes.

References:

1. Андрусів С. Роман Іваничук // Історія української літератури ХХ століття: [у 2 кн.] / за ред. В. Г. Дончика. — К.: Либідь, 1998. — Кн. 2 (3). — С. 172–179.
2. Бічуя Н. Горіння й незгорання / Н. Бічуя // Дзвін. — 2004. — № 5–6. — С. 130–135.
3. Буда В. А. Лінгвостилістика сучасного історичного роману про добу козацтва (60–90 рр. ХХст.): дис ... канд. філол. наук: 10.02.01 / Буда Володимир Андрійович; Тернопільський держ. педагогічний ун-т ім. Володимира Гнатюка. — Тернопіль, 1998. — 175 с.
4. Горячок І. В. «Щоденний щоденник» Романа Іваничука як переконливий портрет епохи / І. В. Горячок // Актуальні проблеми філології та перекладознавства: зб. наук. пр. — Хмельницький: ХмЦНП, 2014. — Вип. 7. — С. 38–41.
5. Єременко О. Жанрово-стильові домінанти роману-біографії «Шрами на скалі» Р. Іваничука / О. Єременко, Д. Пишна // Філологічні трактати. — 2011. — Том 3, № 4. — С. 5–9.
6. Іваничук Р. Чистий метал людського слова: статті / Р. Іваничук. — К.: Радянський письменник, 1991. — 262 с.
7. Іваничук Р. Благослови, душе моя, Господа ... Щоденникові записи, спогади, роздуми / Р. Іваничук. — Львів: Просвіта, 1993. — 270 с.
8. Лисиченко Л. А. Лексико-семантичний вимір мовної картини світу / Лисиченко Л. А. — Х.: Вид. група «Основа», 2009. — 191 с.
9. Підпригора С. В. «Вогнені стовпи» Романа Іваничука: правда, схована за «художнім камуфляжем»: монографія / Світлана Підпригора; Миколаїв. нац. ун-т ім. В. О. Сухомлинського. — Миколаїв: Іліон, 2012. — 210 с.
10. Слабошпицький М. Роман Іваничук / М. Слабошпицький. — К.: Рад. письменник, 1989. — 206 с.

Section 9. Philosophy

Ivanyk Stepan, University of Warsaw,
PhD in Philosophy, the Institute of Philosophy
E-mail: stepan.ivanyk@gmail.com

Franz Brentano's and Kazimierz Twardowski's theories of mental acts: comparative analysis

*This publication has been realized with the financial support
of the National Science Centre in Cracow under the program "Sonata-5"*

Abstract: The aim of the article is to attempt to represent the new empirical data that could deliver additional evidence for the advantages of the geographical approach to the historiography of science. To achieve this goal, the author considers the example of migration of knowledge within a particular philosophical science (theory of mental acts) between two specific cities (Vienna and Lvov) in a specific period of time (at the turn of the XIX and XX centuries). It was shown that among the elements of theory of mental acts, which Twardowski took over from Brentano and instilled in his students, there are three main theses: the thesis about introspection declares that introspection, providing data to conceptual analysis, is a reliable way of cognition; the thesis about intentionality says that intentionality, that is, reference to an object, is the distinctive feature of all mental acts; the thesis about the principle of classification of mental acts states that the principle of this classification is a way of reference to the object in these acts.

Keywords: Franz Brentano, Kazimierz Twardowski, the Lvov School of Philosophy, theory of mental acts.

1. Geography of knowledge

For the last 20 years we have been witnessing the emergence and rapid development of a new scientific discipline under somewhat paradoxical title "Geography of knowledge". The main representatives of this trend, such as Jon Agar, Diarmid Finnegan, Thomas Gieryn, David Livingstone, Peter Meusburger, Simon Naylor, Richard Powell, Crosbie Smith, Paul Vallance and others developed a variety of theoretical models and methodological approaches [1; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 24]. All of them, however, share a common idea, which could be defined after Finnegan as the idea of "spatial turn" in the history of science. The essence of this idea is that the research of emergence, development and circulation of scientific knowledge must be based on consideration of "situated nature of scientific knowledge production and reception", and, accordingly, on the aspirations to discover "the migratory patterns of science on the move" [4, 349]. The aim of this article is to attempt to represent the new empirical data that could deliver additional evidence for the advantages of the geographical approach to the historiography of science. To achieve this goal, the author are going to consider the example of migration of scientific knowledge within a particular science (theory of mental acts) between two specific cities (Vienna and Lvov) in a specific period of time (at the turn of the XIX and XX centuries).

2. Franz Brentano and Kazimierz Twardowski

In the last three decades of the XIX century the capital of the Austro-Hungarian Empire — Vienna — became one of

the leading European centers of the development of psychology as a science. A special authority received the so-called "Vienna school of psychology" led by eminent German philosopher — Franz Brentano (1838–1919) [1; 15]. Brentano had numerous pupils and followers who established their own schools in other big cultural centers of the Austrian-Hungarian Empire and Germany: Alexius Meinong (in Graz), Franz Hillebrand (in Innsbruck), Anton Marty (in Chernivtsi and Prague), Christian von Ehrenfels (in Prague), Tomáš Masaryk (in Prague), Carl Stumpf (in Berlin) etc [16]. A Polish philosopher Kazimierz Twardowski (1866–1938) was one of these pupils. November 15, 1895, when he gave his inaugural lecture at the University of Lvov, is considered to be the beginning of the existence of the Lvov (later Lvov-Warsaw) school of philosophy. Twardowski came to Lvov from Vienna — the city where he was born, graduated from gymnasium, and during 1885–1889 studied philosophy at the university, mainly under a supervision of Brentano. Creating in Lvov philosophical school, Twardowski considered himself the follower of his Viennese master and endeavored to create one of the centers of Brentano's philosophical thought in Lvov. In his autobiography he wrote in this regard:

«I felt it was my call to bring closer to my compatriots that way of philosophizing that Franz Brentano had taught me, especially to introduce the spirit and method of that philosophy to the university students» [19, 29].

Educational, scientific and organizational work of Twardowski in Lvov, which aims to educate competent phi-

losophers, quickly led to the emergence in this city of intellectual formation, known as the “Lvov school” or “school of Twardowski” (In the 20–30-s of the XXth century a group of outstanding disciples of Twardowski came to work in Warsaw, so from that time school began to be called “The Lvov-Warsaw School”. Under very this name the school is commonly known today), which was gathered around him and imbued with the spirit of the serious scientific work. This school consisted of several generations of Twardowski’s disciples, among which the most famous were Jan Łukasiewicz, Władysław Witwicki, Stefan Baley, Kazimierz Ajdukiewicz, Tadeusz Kotarbiński, Stanisław Leśniewski and others. In this way, Lvov along with Vienna, Graz, Prague, Leipzig and Würzburg became one of the powerful centers of philosophical tradition stemming from Brentano — so called *brentanism*. This fact leads to the search for theoretical and methodological roots of Lvov school of Twardowski in philosophy of Brentano.

3. Theory of mental acts

Brentano was primarily interested in finding the proper method of practicing the philosophy. He entertained the conviction that philosophy as “the queen of sciences” should comply with the scientific method, that is, to use the close scientific method. In imbued with the spirit of scientism second half of the XIX century, this conviction was expressed in the following thesis: a method of philosophy should be analogous to the method of the natural sciences. Brentano harbored high hopes for a revival of the philosophy with the use of just such a method.

The Brentano’s belief about the scientific status of philosophy leads him to elevation of psychology to the rank of empirical science, which has to provide a philosophy with the basic data: concepts and statements. “Empiria” was understood by Brentano widely — he included to it both extraspection and introspection. Brentano marked the following tasks of psychology which uses introspective experience:

- (1) to examine the features of psychic phenomena and to determine common properties of all mental phenomena;
- (2) to classify mental phenomena;
- (3) to indicate the hierarchy and structure of psychic phenomena (to reveal primary mental elements which produce more complex ones);
- (4) to discover the rights of consequences of psychic phenomena (Brentano 33–48).

Brentano accepted the principle that any mental phenomenon to be explained must be described in the first place — hence Brentano in his psychology uses the name — “descriptive psychology” [5, XXXI–XXXII]. This psychology combines reference to the experience (introspection) with the logical analysis (conceptual analysis), which provides it with the status of scientificity. It was a specificity of Brentano’s so called „descriptive psychology” which he opposed to the genetic and physiological psychology. This specificity was aptly expressed by Władysław Tatarkiewicz who wrote that “it was in the spirit of Aristotle: to base concepts on experience, but to strive to the most general terms” [17, 157].

In addition to the scientificity, descriptive psychology has to provide all disciplines of philosophy with a common denominator. According to Brentano, philosophy consists of five disciplines: two theoretical — metaphysics and psychology, as well as three practical — logic, ethics and esthetics (By the division of philosophy to the practical and theoretical areas Brentano alluded to the tradition of Aristotle). Psychology fulfils the role of kernel which links other parts of philosophy: metaphysics, logic, ethics and esthetics. It concern some objects given us in introspective experience, and these, in turn, are objects of study of psychology. This thought was copied by Twardowski too:

“All the threads linking together the different areas of human cognition converge in psychology — in another sense, of course, than in metaphysics. If woven with the flaccid material metaphysics can be compared with the ceiling, building up over the whole edifice of scientific knowledge and harmoniously combining its various pillars with a strong perimeter forming blocks, psychology would present itself as the central pillar of the building, which by means of outgoing from within the perimeter of the building pillars connections strengthens the pillars and mutually is based on them” [20, 271].

In the “Autobiography” Twardowski expressed his position on this issue briefly: “Psychology is the basic philosophical science” [19, 32].

A proper object of philosophical research in the Brentano’s tradition is therefore an area of psychic phenomena, in which the bases of metaphysics, logic, ethics and esthetics should be searched for. Descriptive psychology in relation to these sciences fulfils the function of a tool used to clarify the basic concepts and indirectly — to output their laws.

A position in the philosophy granting priority to psychological methods is sometimes referred to as “methodological psychologism”. The ontological psychologism, in turn, consists in the recognition of objects of all philosophical sciences as mental objects, and thus — the recognition of these sciences as parts of psychology. While Brentano was both a methodological and ontological psychologist, psychologism of Twardowski evolved, namely: until 1912 (i. e. the year of publishing “On Acts and Products”) Twardowski had been a psychologist, both methodological and ontological, and after 1912 — he broke with ontological psychologism, but remained a methodological psychologist [25, 40]. Simplifying the issue, it may be assumed that the methodological-psychological position of Twardowski was more or less consistently observed in Lvov wing of the Lvov-Warsaw School, whereas the representatives of the Warsaw wing rejected both ontological and methodological psychologism opting for logicism program by Łukasiewicz [26, 31–34].

Among the elements of descriptive psychology, which Twardowski took over from Brentano and instilled in his students, there are three main theses. The thesis about introspection declares that introspection, providing data to conceptual analysis, is a reliable way of cognition. The thesis about intentionality says that intentionality, that is, reference to an

object, is the distinctive feature of all mental acts. The thesis about the principle of classification of mental acts states that the principle of this classification is a way of reference to the object in these acts. The theses are as follows:

4. Introspectionism (Thesis about introspection)

As already mentioned, Brentano noticed the importance of descriptive psychology as it had become the basis of scientific philosophy. It is explained by the Brentano's belief in the scientificity of psychology itself. This scientificity of psychology, in turn, it is provided by the introspective method. He writes in this context in his work *"Psychology from an Empirical Standpoint"* (1874):

"Psychology, like the natural sciences, has its basis in perception and experience. Above all, however, its source is to be found in the *inner perception* of our own mental phenomena. We would never know what a thought is, or a judgment, pleasure or pain, desires or aversions, hopes or fears, courage or despair, decisions and voluntary intentions if we did not learn what they are through inner perception of our own phenomena" [3, 22].

Internal perception (introspection) is certain because the mental act is directed here at itself, and at the same time goes without intermediate cells, as in the case of external perception. Introspection is the source of certainty — hence real — judgments. External perception can be a source of more or less probable judgments, but never certain judgments.

Brentano's view on the method of obtaining empirical data as a source of construction of concepts also was taken over by Twardowski:

"Inner experience is not [...] a delusion of backward psychologists, it is, on the contrary, the only way we can get some direct knowledge of psychic phenomena" [22, 99].

Twardowski, however, didn't content himself with simply borrowing the introspective method used by his master. The point is that Brentano himself drew attention to the fact that although introspection is the only source of direct knowledge of psychic phenomena, it is not free from some defects, the largest of which is subjectivity, which limits the range of knowledge only to the borders of own psyche of the subject. In work *"On Psychology, its subject, tasks, method, relationship to other sciences and its development"* Twardowski calls for supplementation of introspection data by reference to the so-called "objective method" due to which we get to know other psychic phenomena [20, 259]. The material for this method is psychophysical acts and products that are expressions of the corresponding mental acts and products. Then by analyzing the products of psychophysical acts and products we obtain indirect information about someone else's psychic life, which is not available for our introspection.

5. Intentionalism (thesis about intentionality)

Among all possible features of psychic phenomena that distinguish them from physical phenomena, Brentano as a distinctive feature puts forward their intentionality:

"Every mental phenomenon is characterized by what the Scholastics of the Middle Ages called the intentional (or men-

tal) inexistence of an object, and what we might call, though not wholly unambiguously, reference to a content, direction towards an object (which is not to be understood here as meaning a thing), or immanent objectivity. Every mental phenomenon includes something as object within itself, although they do not all do so in the same way. In presentation something is presented, in judgement something is affirmed or denied, in love loved, in hate hated, in desire desired and so on" [3, 68].

The thesis about intentionality of mental acts had gained importance of program within Brentanistic philosophy and became the starting point for more sophisticated theories of consciousness expressed by disciples of Brentano, primarily Meinong, Husserl and Twardowski.

Following Brentano, Twardowski claimed that intentionality was the natural feature of mental acts. The very first sentences of his habilitation dissertation *"On the content and object of presentation"* are as follows:

"Mental phenomena of presenting themselves, judging, desiring and disdaining always corresponds to something that is presented, judged, desired and despised — and without that these phenomena are nothing" [21, 3].

In other words, there are no such acts of consciousness that would not have been intentional, i. e. do not refer to some objects outside the consciousness, and do not have any content inside the consciousness. Twardowski, however, noted that Brentano, formulating his theory of intentionality, actually identified "direction of act to the object" and "referring in the act to some content". Therefore, the question is which of the terms of intentional reference — the content or the object — Brentano included in his theory of intentionality. Did he mean the object, which existed within the consciousness (immanent object), or the object which was transcendent in relation to consciousness? According to Twardowski, the source of this deep passage lies in the fact that Brentano had not noticed the ambiguity of name "that which is presented": it can mean both object of presentation and content of presentation. Twardowski filled the gap by making a clear distinction between the object and the content of presentations [21, 4]: object of presentation — this is a transcendent object, which exists objectively, beyond the consciousness and that our consciousness is directed to; content of presentation — this is an immanent object, mental equivalent of object of presentation.

6. The classification of mental phenomena (thesis about the principle of classification of mental phenomena)

Brentano considered different ways of references to immanent objects of psychic acts a basis for the classification of these phenomena. Due to a criterion of variety of intentional references, Brentano identified three basic classes of all possible psychic phenomena, namely presentations, judgments and emotions.

Twardowski took the Brentanistic classification of psychic phenomena on presentations, judgments and emotions for its

starting point; but, unlike his master, he did not recognize this classification as the final one. He believed that the discovery of new properties of mental phenomena should lead to modifications in their classification [23, 82]. Twardowski, however, had no doubt that psychic phenomena, even as complex as feelings can be classified in a logical way. In the work "On the classification of mental phenomena" (1898) he proposed the following classification:

- (1) presentations (including images and concepts);
- (2) judgments;
- (3) feelings;
- (4) acts of will [23, 38].

As we can see, this classification is the extension of Brentano's classification of mental phenomena; Twardowski only divided a class of emotions into two distinct classes: feelings and acts of will.

According to Brentano and Twardowski, three classes of mental phenomena correspond to three practical disciplines of philosophy concerned with the study of these classes of phenomena, namely:

- (1) presentations — esthetics;
- (2) judgments — logic;
- (3) emotions — ethics.

The laws of each of these sciences should be output through the appropriate analysis of the relevant class of psychic phenomena [22, 109–110].

7. Conclusions

Thus, we clearly see that the fulcrum of the Twardowski's philosophical doctrine was Brentano's conception of philosophy, because it turned out that the defining features of Twardowski's philosophy were the same elements that we have identified as the methodological and theoretical paradigms of Brentano's philosophy. However, Twardowski didn't simply borrow the methodological and theoretical base of his philosophy from finished samples of his teacher, but suggested original

arguments in their favour, so he was able to develop and significantly modify them. For instance, Brentano's introspectionism was significantly amended by "objective method", intentionalism — by distinction of subject and content of presentations, classification of mental phenomena — by splitting class of emotions into two separate classes: feelings and acts of will. Similar modifications of the basic three elements of Brentano's philosophy (with their simultaneous adoption as fulcrum) can be found in all of his other students' works, in particular in ones by Alexius Meinong, Anton Marty, Christian von Ehrenfels, Carl Stumpf, Edmund Husserl and others. On the other hand, all these characteristic elements of brentanistic philosophy constitute the skeleton of philosophical researches of Lvov students of Twardowski: Władysław and Tadeusz Witwickis, Stefan Baley, Kazimierz Ajdukiewicz, Mieczysław Kreuz, Tadeusz Czeżowski, Leopold Blaustein, Salomon Igel and others. So, we can say that all main principles of Brentano's descriptive psychology were 'imported' by Twardowski at the end of the XIX c. from Vienna to Lvov and instilled in his own followers.

The authors would also like to note that some specific features of this example of migration of scientific knowledge logically lead us to some theoretical consequences which, in the case of their generalization, may be relevant to the "Geography of knowledge" as follows:

(1) Geographic migration of scientific knowledge within empires was centrifugal in nature: its direction was from the larger city (in this case — the center of the empire (Vienna)) to the smaller one (in this case — one of the peripheries of the empire (Lvov)).

(2) Scientific knowledge, with regards to its geographic migration, cannot move from one spatial context to another space in an invariable kind: it passes a transformation that is presented in some modifications and specifications of its external elements, but herewith saves its theoretical and methodological core.

References:

1. Agar, Jon and Crosbie Smith, eds. *Making Space for Science: Territorial Themes in the Shaping of Knowledge*, Basingstoke: Macmillan, 1998.
2. Albertazzi, Liliana, Massimo Libardi and Roberto Poli. 'Introduction. Brentano and his School: Reassembling the Puzzle'. In *The School of Franz Brentano*, ed. Jan T. Srzednicki, 1–23. Dordrecht – Boston – London: Kluwer Academic Publishers, 1996.
3. Brentano, Franz. *Psychology from an Empirical Standpoint*. London – New York: Routledge, 1995.
4. Finnegan, Diarmid. 'The Spatial Turn: Geographical Approaches in the History of Science'. *Journal of the History of Biology* 41, no. 2 (2008): 369–388.
5. Galewicz, Włodzimierz. 'Brentana anatomia życia psychicznego'. In *Psychologia z empirycznego punktu widzenia*, Franz Brentano, XIII–LXV. Warszawa: PWN, 1999.
6. Gieryn, Thomas F. *Cultural Boundaries of Science: Credibility on the Line*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
7. Jöns, Heike, David N. Livingstone and Peter Meusburger, eds. *Geographies of Science. Knowledge and Space 3*. Dordrecht: Springer, 2010.
8. Livingstone, David N. 'The Spaces of Knowledge: Contributions towards a Historical Geography of Science'. *Environment and Planning D* 13 (1995): 5–34.
9. Livingstone, David N. *Putting Science in Its Place: Geographies of Scientific Knowledge*. Chicago-Illinois: University of Chicago Press, 2003.
10. Meusburger, Peter. 'Geography of Knowledge'. In *Encyclopedia of Geography*. Vol. 4, ed. Barney Warf, 1659–1663. Los Angeles – London: SAGE Publications, 2010.

11. Meusbürger, Peter. 'Spatial mobility of knowledge: A proposal for a more realistic communication model'. *disP – The Planning Review* 177, no. 2 (2009): 29–39.
12. Naylor, Simon K. 'Introduction: Historical Geographies of Science. Places, Contexts, Cartographies'. *British Journal for the History of Science* 38 (2005): 1–12.
13. Powell, Richard C. 'Geographies of Science: Histories, Localities, Practices, Futures'. *Progress in Human Geography* 31 (2007): 309–329.
14. Shapin, Steven and Ophir Adi 'The Place of Knowledge: a Methodological Survey'. *Science in Context* 4, no. 1 (1991): 3–22.
15. Smith, Barry. *Austrian Philosophy: The Legacy of Franz Brentano*. Chicago: Open Court, 1994.
16. Surman, Jan. 'Habsburg Universities 1848–1918. Biography of a Space'. PhD Dissertation, University of Vienna, 2012.
17. Tatarkiewicz, Władysław. *Historia filozofii. T. III. Filozofia XIX wieku i współczesna*, Warszawa: PWN, 1997.
18. Twardowski, Kazimierz. 'W sprawie klasyfikacji zjawisk psychicznych'. In: *Rozprawy i artykuły filozoficzne*. 33–42, Lwów: Książnica-Atlas, 1927.
19. Twardowski, Kazimierz. 'Autobiografia filozoficzna'. *Przegląd Filozoficzny – Nowa Seria* 1 (1992): 23–33.
20. Twardowski, Kazimierz. 'O psychologii, jej przedmiocie, zadaniach, metodzie, stosunku do innych nauk i o jej rozwoju'. In *Wybrane pisma filozoficzne*. 241–291, Warszawa: PWN, 1965.
21. Twardowski, Kazimierz. 'O treści i przedmiocie przedstawień'. In: *Wybrane pisma filozoficzne*. 3–91, Warszawa: PWN, 1965.
22. Twardowski, Kazimierz. 'Psychologia wobec fizjologii i filozofii'. In: *Wybrane pisma filozoficzne*. 92–113, Warszawa: PWN, 1965.
23. Twardowski, Kazimierz. 'W sprawie klasyfikacji uczuć'. *Przegląd Filozoficzny* IX (1906): 82–83.
24. Vallance, Paul. 'Rethinking Economic Geographies of Knowledge'. *Geography Compass* 1 (2007): 797–813.
25. Woleński, Jan. *Filozoficzna szkoła lwowsko-warszawska*. Warszawa: PWN, 1985.
26. Woleński, Jan. *Szkoła Lwowsko-Warszawska w polemikach*. Warszawa: Scholar, 1997.

*Karasevich Anton Olegovich,
The National Academy of Sciences of Belarus
postgraduate student, The Institute of Philosophy
E-mail: karasevich_anton@mail.ru*

Modeling of Quasi-graphical Objects

Abstract: The article describes Quasi-graphical Objects in the context of Four-dimensional Psychophysical Model of Reality. The described Model is a promising new approach for integrating and arrangement the world's psychological knowledge. By using a model can combine the detailed description of the dynamic of the psyche, the organism of the individual and his behavior, as well as the objective and social external world.

Keywords: Four-dimensional Psychophysical Model of Reality; Quasi-graphical Objects; Dynamic Model of the Psyche; the modelling of the psyche; thinking.

Four-Dimensional Psychophysical Model of Reality is a promising new approach for the integration and systematization of worldwide psychological knowledge. Using the Model we can integrate the basic psychological paradigms to unite their practical potential, and to find new areas of perspective research. Psychology has accumulated huge amount of scientific knowledge and skills. The problem is this knowledge is not systematized. We can do that with the use of Four-Dimensional Psychophysical Model of Reality. Visualization makes knowledge understandable and easily accessible. The computer program, which is now developed on the basis of the Model, can be used to model all diversity of psychic processes. The Model enables joint description of psyche, human organism and environment [1].

"Need-goal" matrix is the basis of Dynamic Model of Psyche. It includes the time period of mental activity between

activator of mental activity ("need") and "stop" of mental activity ("goal"). "Need" and "goal" in The Model are identical with many different notions of psychological paradigms. Under our Model there are external (organismal) and internal (psychical) activities. Organismal activity includes the organism movement and work of organs. Psychical activity includes the processes of sensation, perception, internal speech, thought, imagination, memory and emotion. It corresponds to the dynamic block of psyche. Stationary block of psyche covers all inborn and accumulated psychical material of the human. At the instant only small part of the psyche is in the psychical processes (actualized part). Other biggest not actualized part of the psyche is a stationary block of psyche. Stationary block has many components: knowledge, needs, goals, motives, temperament, character, self-esteem, ways to respond, and many others.

The Model consists of three elements: dynamical and stationary blocks of the psyche, organism (organismal activity) (Figure 1). Figure notes: 1 — external layer (denotes behavior and organismal activity), 2 — stationary block of psyche, 3 — dynamic block of psyche, 4 —

“need-goal” matrix, 5 — growth direction of the Model, 6 — environment. The Model is three-dimensional and dynamic, graphically made by means of *3ds Max*. The Model can demonstrate psychological paradigms and social processes.

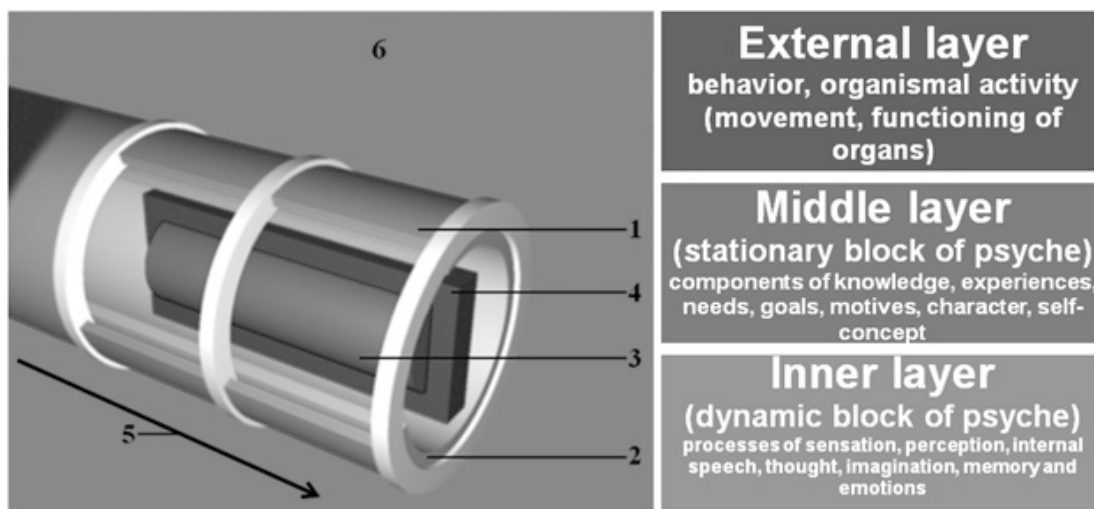

Fig. 1

Four-Dimensional Psychophysical Model can be applied for modeling of human psyche, brain and behavior (Figure 2). Figure notes: 1 — stationary block of psyche, 2 — external layer of model (denotes behavior and organismal activity), 3 — dynamic block of psyche, 4 — growth direction of model, 5 —

transition of the external world into the psyche, 6 — process of thinking, 7 — other psychological processes involved in map of consciousness, 8 — influence of stationary block of psyche on psychical activity, 9 — conscious part of the dynamic block of psyche, 10 — unconscious part of the dynamic block of psyche.

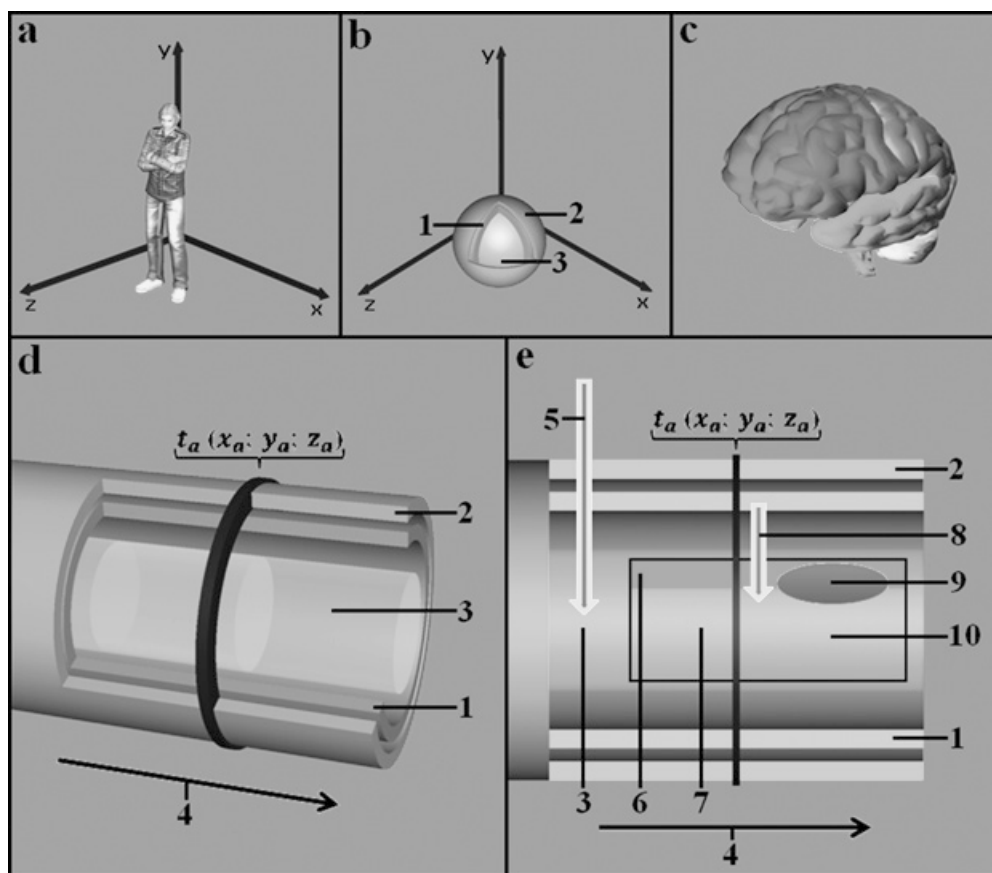

Fig. 2

In figure we have modeled only one point of time in the context of human activity, but for a detailed modeling we

need to analyze the huge number of such moments. Necessary to create a computer program to demonstrate the dy-

namics of the whole of human activity. This program will take into account the full range of determinants of mental activity. This program will be able to describe in detail the structure of the psyche, human physiology, his behavior and the environment in general. The creation of this program is a priority direction in the development of the Model, because the simulation of single sections is time-consuming and complicated work. The integration of paradigms must be accurate, compact, laconic, otherwise the integration will not give anything except a methodological confusion. Our Model is simple, but it includes everything needed for modeling a general psychological scientific knowledge. The Model especially designed maximum open. For example, the number of components of a stationary block of psyche and their contents are not strictly defined. This enables to find a lot of areas of intersection of scientific knowledge. A detailed version of the Model (with a demonstration of the dynamics of the nervous system) integrates psychological knowledge and neurobiology. Also, in the integration of scientific knowledge, we can describe diversity of its philosophical foundation. It reinforces the general methodological foundation of Model.

Perspectives of the Model application:

- Integration and systematization of global psychological knowledge;
 - Creating a computer program based on the Model;
 - Interdisciplinary dialogue with the use of the Model.
- Versions of computer program based on the Model:

- "Home Psychologist" version. Will be used for personal use. Everyone will be able to understand the own inner world and the causes of own actions, to get psychological counseling via Internet, and to create the own psychological map;

- Version for business. Will include testing of employees and monitor their mental state for optimization of working capacity;

- Version for science. Will be intended for professional psychologists. This version will be a big psychological guide. Conditions for research, discussion and interpretation of results will be created.

We now turn to modeling of quasi-graphical objects. According to V.A. Polikarpov, quasi-graphical object is the principle, or method, which is represented as a visual form [2]. We will model the simplest example of quasi-graphical object. This example V.A. Polikarpov took from experiments of J.A. Ponomarev [2]. Test subjects must to solve a task. How to connect four points using three lines to obtain a triangle? (Figure 3, a). Test subjects believe that the task cannot be solved (Figure 3, b). Then test subjects must to solve another task. How jump across three checkers in a game halma (test subjects receive information, that in this game you can walk diagonally and vertically and horizontally)? Test subjects easily to solve first (Figure 3, c) and second (Figure 3, d) tasks. The principle of solving the second task became a principle of solving first task. This principle is an example of quasi-graphical objects.

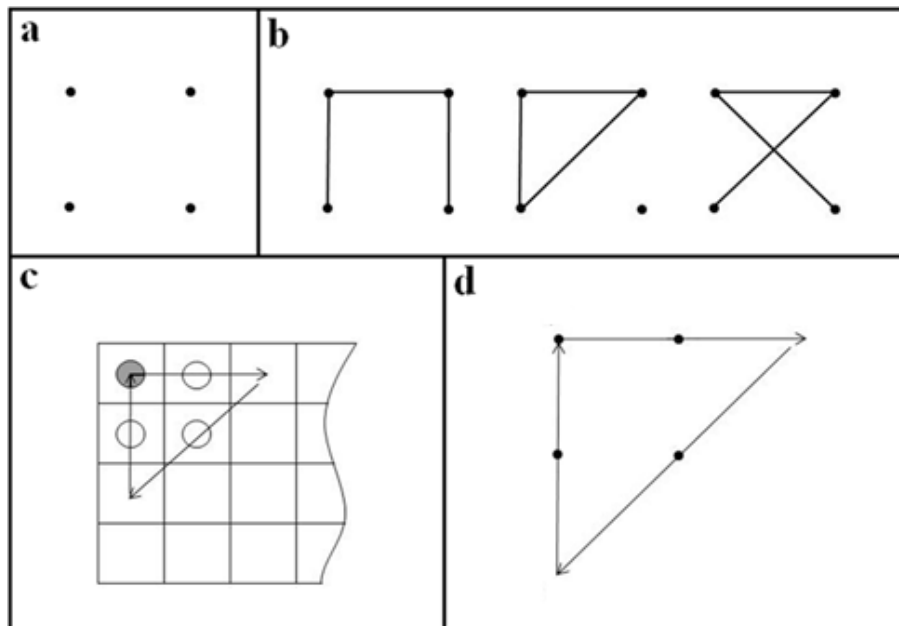

Fig. 3

Let us assume, the test subject knew the rules of halma and these rules have been used as a prompt for solving first task. Now we will model this situation (Figure 4). Figure notes: 1 — first task, 2 — perception of task, 3 — complete image of perception of task (t_1, b), 4 — etalons of memory, 5 — experience of test subject, 6 — recognition of verbal structures of task, 7 — interpretation and understanding of task, 8 — thinking (task), 9 — influence of memory (rules of Halma) on thinking, 10 —

memory of necessary situation in halma (t_2, b), 11 — solving of task (t_3, b), 12 — external layer of model (denotes behavior and organismal activity), 13 — perception, 14 — memory, 15 — thinking, 16 — stationary block of psyche, 17 — growth direction of model, 18 — «need-goal» matrix of perception and solving of task, 19 — dynamic block of psyche. For detailed research of visual component of quasi-graphical object should be used modeling in three-dimensional form (Figure 4, b).

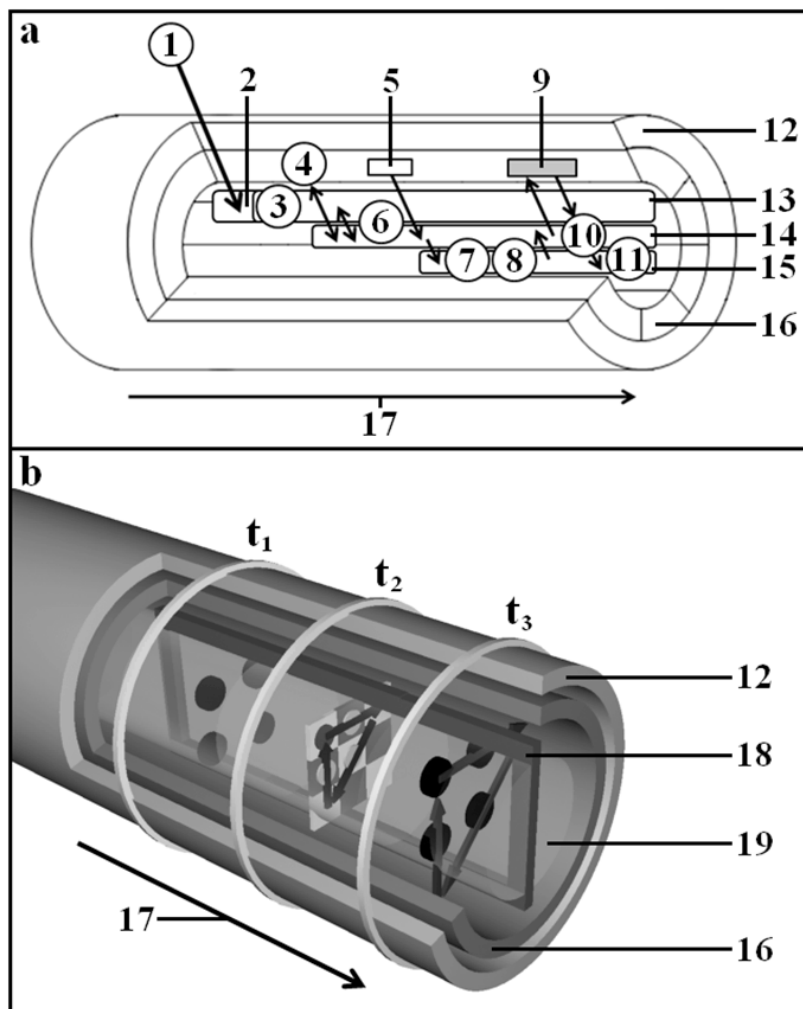

Fig. 4

Four-Dimensional Psychophysical Model of Reality can help to unite of scientific knowledge and practical potential

of the basic psychological paradigms, create new promising theories.

References:

1. Karasevich, A. New approach for integration of psychological knowledge. Young Scientist USA. 2014. № 1. P. 141–146.
2. Polikarpov, V.A. What quasi-graphical objects are. Philosophy and Social Sciences. 2010. № 3. P. 4–7.

Kyrylenko Katerina Michailovna,
Ph.D., Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy
Kyiv National University of Culture and Arts,
E-mail: katerinasophia@ukr.net

The evolution of philosophical discourse: from innovation to innovation culture

Abstract: rapid development of modern society has led to an increasing role of innovation in all spheres of modern person. It allows researchers talking about the formation of an innovative culture as a form of modern culture, which purposefully produces innovations, as well as about the methodological orientations of the modern world connected with the innovative transformations. The article is devoted to the scientific study of the formation of the concept of “innovative culture” in the context of globalization.

Keywords: innovation, innovative culture, globalization, synergy.

Кириленко Екатерина Михайловна,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
Киевского национального университета культуры и искусств,
E-mail: katerinasophia@ukr.net

Эволюция философского дискурса: от инновации к инновационной культуре

Аннотация: высокие темпы развития современного общества привели к возрастающей роли инноваций как внедрённых нововведений во всех сферах жизнедеятельности современного человека. Это позволяет исследователям все чаще говорить о формировании инновационной культуры как формы современной культуры, которая целеустремлённо продуцирует инновации, а также о методологической установке современного мира, связанной с инновационными трансформациями. Статья посвящена проблеме изучения формирования в научном дискурсе понятия «инновационная культура» в контексте процессов глобализации.

Ключевые слова: инновация, инновационная культура, глобализация, синергетика.

Автором термина инновация является австрийско-американский экономист Й. Шумпетер, в 40-х гг. XX в. он констатировал наличие инновационных волн, начало которым было положено промышленной революцией XVIII ст. в Англии. Инновационные волны имеют свойство появляться и затем исчезать каждые 50–60 лет, знаменуя собой начало очередной экономической эпохи развития. Термин инновация означал, согласно взглядов его автора, воплощение научного открытия, технического изобретения в новой технологии или в новом виде товара. Позже понятие «инновация» успешно разрабатывали такие известные ученые, как: Н. Кондратьев, С. Кузнец, Г. Меш, Р. Фостер, К. Фриман, Дж. Кларк, Л. Суите, Д. Львов, С. Глазьев, М. Познер, Ф. Хаек, П. Друкер и др. Они отмечали, что инновация является не просто чем-то новым, она есть такое нововведение, которое институализируется или внедряется. Ряд исследователей занимались классификацией инноваций: М. Демчук, А. Юркевич, М. Кларин, А. Поскряков, Т. Соболев, Д. Степаненко. Инновации группируют на: новые продукты, новые методы производства, новые структуры управления, новые рынки. За технологическими параметрами различают инновации продукта и процесса. Продуктовые инновации предполагают использование новых материалов, полуфабрикатов и комплектующих; получение принципиально новых продуктов. Процессные инновации являются внедрением новых методов организации производства, новых технологий, являются созданием новых организационных структур в составе предприятия и т. п., различают также инновации радикальные, улучшающие, модификационные, — в зависимости от изменений, которые ими внедряются. В зависимости от распространения инновации можно классифицировать как единичные и диффузные. В зависимости от масштаба изменений, который предполагается внедрением инноваций, инновации есть особенно крупные, крупные, средние, мелкие. От уровня новизны их дифференцируют на радикальные и ординарные; в зависимости от времени, которое необходимо для их реализации, на такие, что рас-

считаны на определённые длительные или кратковременные периоды; в зависимости от наследственности — замещающие, ликвидирующие, возвратные, открывающие и ретро введения; в конце концов, инновации могут быть завершённые и незавершённые, успешные или неуспешные. В зависимости от предлагаемой новизны инновации делят на новые для определённого направления в мире, новые для направления в стране, новые для предприятия или группы предприятий. Классифицируют инновации также в зависимости от сферы их применения: экономические, юридические, социальные, образовательные и др [4].

Следует отметить, что дефиниций понятия инновация в литературе существует большое количество, понятие успешно функционирует в предметных областях конкретных наук, инновационность которых рассматривается тем или иным автором, соответственно и определение термина инновация имеет чёткое предметное содержание; данный термин используется практически во всех отраслях жизнедеятельности современного человека.

Многоаспектность использования термина «инновация» даёт основания говорить о более широком аспекте реализации инновационности как установки современного общества: ученые все чаще употребляют термин «инновационная культура», ставя его в один ряд с такими, уже широко апробированными терминами, как «информационная культура», «инновационный менеджмент», «постиндустриальное общество». Одними из первых понятие инновационной культуры как составляющей инновационной деятельности начали изучать экономисты Г. Тренквист, Б. Санто, Т. Давила, Дж. Эпштейн, Р. Шелтон, а также представители смежных отраслей А. Николаев, А. Постряков, С. Быконя, В. Гусев и др. Позже инновационная культура стала предметом изучения в социологии (Ю. Карпова, Б. Лисин, В. Фокина), еще позже — в педагогике (О. Козлова, Р. Миленкова, О. Аматыева, Н. Гаврыш, В. Носкова, А. Кальянов, О. Ефросинина, Л. Елизарова, А. Герасимов, И. Логинов, Л. Холодкова, В. Чернолес). Существует огромное количество дефиниций этого термина,

они собраны, к примеру, в статье О. П. Коюды в журнале «Проблемы науки» [3].

Среди всё возрастающего количества определений термина «инновационная культура» следует обратить внимание на три доминирующие тенденции. Четкие очертания приобретает первый подход, что часто представляет собой эволюцию антагонистических взглядов на исследуемую проблему. Его представители (напр., А. Грицанов) инновационной называют любую историческую либо региональную культуру в контексте её нацеленности на изменения, в контексте продуцирования её представителями новаторских идей. При этом понятие инновации отождествляется с понятием новаторство, что не совсем правильно и корректно.

Представители второго подхода под инновационной культурой понимают особую форму современной культуры, которая стала результатом развития структур постиндустриального общества, результатом развития его информационной и технологической составляющей; которая институционно оформляет мировоззренческую установку современного человека на новые идеи, позволяющие сделать потенциально возможным будущее, реальность которого находится под угрозой без наличия этих идей. (Напр., В. Балабанов).

Подход третий предполагает определение инновационной культуры как черты современной культуры, которая нацелена на инновации в самых различных сферах жизни: в науке, экономике, управлении, образовании и пр., — или как методологической установки современного человека. (Напр., Бондарев В. П., Бочкарёва Т. С.) Безупречно, при изучении инновационной культуры, как, впрочем, и любого другого понятия, должны существовать различные подходы, которые представляют разные научные школы и позиции их исследователей. Это естественный путь научного поиска.

Ключевыми чертами инновационной культуры, не зависимо от той или иной позиции автора, являются: нацеленность культуры на обновление, на продуцирование идей и на их реализацию, на внедряемость результатов поиска; фундаментальной особенностью инновационной культуры является динамическое единство старого, современного и нового, а также стремление к синтезу естественно-научного и гуманитарного знания.

Формирование инновационной культуры происходит в русле процессов глобализации, которые в современном мире осуществляются по таким ключевым направлениям, как: трансформация современных социальных систем; создание единого экономического и информационного пространства; диверсификация управления на глобальном и региональном уровнях; создание более гибких социаль-

ных и политических систем; коммуникация государства с гражданским обществом. Исследователи отмечают наличие как положительных, так и отрицательных последствий процессов глобализации. В качестве положительных результатов глобализации можно указать на переход к технологиям более высокого уровня во всех сферах жизнедеятельности; увеличение уровня жизни многих социальных слоев; возникновение новых возможностей для творческой личности. Отрицательными результатами глобализации являются: неравномерный рост благосостояния разных слоев населения; приоритет рыночных ценностей над всеми другими; коммерциализация всех сторон жизни; возрастание негативного обмена между странами (увеличение оборота наркотиков, коммуникации между террористическими организациями и пр.); тенденции к унификации социальной жизни, к ликвидации региональных особенностей; нестабильность глобальных финансовых рынков. Глобализация — это интеграция, связанная с четвёртой информационной революцией, что произошла в последней трети XX века и связана с развитием сети Интернет. Как отмечают исследователи, в современном мире существует около 40 тысяч международных организаций, ежегодно более 50 тыс. туристов пересекают границы собственного государства, с начала XXI века ежегодно в мире проводится около 4 тысяч международных конференций [1, с. 25]. Это, безусловно, мощный стимул для развития и становления инновационной культуры, которая, по мнению автора, является мощным фактором усиления положительных тенденций процессов глобализации и снятия их негативных последствий.

Изучение как процессов глобализации современного мира, так и инновационной культуры, которая является их следствием и их основоположной чертой, возможно путем использования опыта синергетики. «Прежде всего, синергетическое понимание целостности весьма диалектично, поскольку рассматривает соответствующее единство многообразного процессуально. Это может быть процесс самоорганизации как становления нового целого, создающего себе части из наличных элементов среды (появление параметра порядка). Это может быть динамически устойчивый периодический процесс воспроизведения ставшего целого. Это может быть процесс перехода параметра порядка к хаотическому поведению» [2, с. 172], — отмечает профессор Добронравова И. С.

Следует отметить необходимость поиска путей более углублённого рассмотрения сути инновационных процессов современности в направлении их оформления в определённую установку и даже оформленную форму существования.

Список литературы:

1. Воронкова В. Г. Теоретико-методологічні засади розвитку сучасного соціуму в контексті синергетичної глобалізації. – Режим доступа: http://www.zgia.zp.ua/gazeta/visnik_50_21.pdf
2. Добронравова И., Финкель Л. Динамический хаос в социуме как среда социальной самоорганизации – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/819/199/1218/10_Dobronravovax26Finkel.pdf

3. Коюда О. П. Інноваційна культура та її характерні особливості/О. П. Коюда, О. А. Небилиця//Проблеми науки. – 2009. – № 7. – С. 15–20.
4. Кулагин А. С. Немного о термине «инновация»/А. С. Кулагин//Инновации. – 2004. – № 7 (24). – С. 56–59.

*Filippovskaya Tatiana Vladimirovna,
Uraler Staatliche Universität für Wirtschaft, Jekaterinburg,
Dozentin, Lehrstuhl für Stadtverwaltung
E-mail: ftatyana@mail.ru*

Kyniker — keine Zyniker!

Abstrakt: Der Autor versucht folgendes zu beweisen: die Identität der Begriffe Kynismus und Zynismus ist ein analytischer Fehler in der Geschichte der Philosophie

Stichwörter: der Kynismus, der Zynismus.

Peter Sloterdijk betrachtete modernen Zynismus als eine besondere Form der «aufgeklärten falschen Bewusstseins» [8]. In dieser Hinsicht gab es folgendes Problem: andere betrachteten den Zynismus nur als moralisches Phänomen. Ja, Zynismus ist mannigfaltig und macht den Eindruck seiner ewigen Existenz [7]. Zugleich wird in der Geschichte der Philosophie nicht nur Nachfolge, sondern auch Identität des Zynismus und Kynismus als traditionell empfunden. Es scheint, dass diese Einstellung einen analytischen Fehler impliziert. Dieser Annahme wird zugelassen, weil es seine indirekten Bestätigungen in den Arbeiten anderer Forscher gibt.

Zum Beispiel Isay M. Nakhov schreibt, dass der zynische Protest der Kyniker mit Zynismus der Macht konfrontierte [7, 235]. Dieser Zusammenstoß ist für einige zur Zeit der «klassischen» Kynismus ziemlich ungefährlich (Diogenes von Sinope), aber für die anderen endet er in der Zeit der Spätantike mit der Vertreibung nicht nur aus Rom, sondern auch aus Italien (Isidore).

Das heißt, dass Zynismus gegenüber Behörden typisch auch für Kyniker war (sogar Alexander der Große hatte kein Recht, Diogenes das Sonnenlicht zu versperren), und für die Behörden, die in verschiedenen Entwicklungsphasen des Kynismus unterschiedlich auf die Eskapaden gegenüber ihre Vertreter reagierten.

Das Vorhandensein von dem angegebenen analytischen Fehler kann indirekt bei Peter Sloterdijk bemerkt werden. Er sieht den kynischen Kern der christlichen Einstellung in den Werken von F. Schlegel [8, 80]. Bekanntlich beschrieb Friedrich Schlegel den Universalzynismus. Er manifestierte sich in der Verachtung für den politischen Glanz, in der Abwesenheit von der Ehrfurcht gegenüber den Behörden. Aber es ging um die Macht, die ihren gewalttätigen Charakter nicht versteckt.

In den Werken von Isay M. Nakhov finden wir fast eine direkte Einstellung: «die Kyniker sind keine Zyniker». Er behauptete, dass es in der Spätantike eher das soziale, und nicht das philosophische Phänomen gab. Von ihm «zieht sich ein Faden bis zum modernen Zynismus durch» [7, 236].

Dieser bekannte Forscher des Kynismus stellt fest, dass die Autoren der II — IV. Jahrhunderte (Dion Chrysostomos, Epik-

tet, Lucian, Athenaeus, Julian et al.), diese echten Adepten von der kynischen Lehre sich sehr deutlich von anderen zufälligen Mitläufern, Glücksrittern und Schurken unterschieden. Die letzteren trugen Masken der selbstlosen Diener der Wahrheit und waren Possenreißer an den Tischen der Reichen, die Almosen erwarteten. Die ersten — Antisthenes und Diogenes — riefen der Bewunderung hervor, und die anderen — falsche Philosophen und «kiniski» und «kinulki» aller Arten — erhielten die Verachtung und Spott. Isay M. Nakhov schreibt, dass es von diesen letzteren nämlich möglich ist, den Stammbaum des modernen Zynismus in seiner egoistischen und unsozialen Form nachzuvollziehen [7, 236].

Vladimir Jankelevitsch glaubt, dass Zynismus die Kehrseite des enttäuschten Moralismus ist. Dieser Moralismus realisiert sich in der wütenden Ironie, die Bürger schockiert. Es ist das Paradox des Dilettantismus und Skandals [11, 11].

Es scheint, dass es in der Tätigkeit von Antisthenes von Athen und vor allem Diogenes von Sinope nichts Ähnliches gab. Unsere Einstellung ist mit der Tätigkeit «klassischer Kyniker» verbunden, die angeblich einen Konflikt mit den moralisch-ethischen Prinzipien der athenischen Gesellschaft des 4. Jahrhundert v. Chr. hatten. Kaum könnte man Diogenes Sinop und seinen Anhängern etwas hinzuschreiben, was die öffentliche Moral verletzte. Forscher haben überzeugend bewiesen, dass das Leben der Athener jener Zeit untrennbar von den Symbolen der das Leben schaffenden Kraft, orgiastischen Kulte und der Materialisierung der Frivolität (aus der Sicht des modernen Menschen) in Statuen, Fresken und Vasen war. Der Kult der Fruchtbarkeit entwickelte grobe Ritualien, in denen die Frivolität und derbe Witze dominierten.

Daher folgt, dass Kynismus in der klassischen Phase kein Zynismus enthält. Es gab nichts, was die öffentliche Meinung schockieren könnte. Außerdem weckten die klassischen Kyniker, als oben erwähnt wurde, die Bewunderung der Mitbürger.

Warum bewunderte die Tätigkeit der Kyniker die Menschen in der klassischen Periode? Es scheint, aufrichtige Verachtung für alles, was das Gefühl der Harmonie von Natur und dem natürlichen Lauf der Dinge zerstört. Dies sprach

Diogenes Laertius über das Leben, die Studien und Sprüche der großen Philosophen [3, Buch VI].

Hier finden wir eine sprechende Bestätigung für die Tatsache, dass das Erbe der «klassischen Kyniker» ein Theater für den Marktplatz war, «Philosophie für den Marktplatz». Kyniker betrachteten keine Bedeutungen einfacher Konzepte (eine Tasse, ein Tisch, ein Mann, ein Pferd). Das asketische Leben war ein Element der Volkspädagogik. Witze, Anekdoten, persönliches Beispiel als Waffe wurden angeboten, um das Böse zu bekämpfen. Und heute haben wir von den Kynikern Verachtung für Demagogie und «sykopantns».

Theater für den Marktplatz war damals für Menschen notwendig. Viele Einwohner von Athen erhielten keine Subventionen für das offizielle Theater. Ein moderner Mensch kann das Theater in Athen jener Zeit kaum vorstellen. Ebendann, schreibt Friedrich Schlegel, war der Witz für die Griechen eine Grundlage der Freude und Vitalität [10, 52]. Hohes Lob an Bacchus und vulgäres Kommentar wurden integriert. Die Grenze zwischen Promiskuität und Freude, Freiheit und Eigenwillen war sehr dünn. Friedrich Schlegel sagte nicht umsonst, dass Sitten in Athen der klassischen Periode schon sehr verdorben waren, und das Gefühl für das Komische noch nicht entwickelt wurde [10, 54–55]. Darum kann vermutet werden, dass Diogenes die Vorliebe für das Komische entwickelte, indem er Skizzen des negativen Soziallebens für den Marktplatz hervorbrachte.

Es muss betont werden, dass Friedrich Schlegel die unmoralische Brutalität und die ästhetische Unmoral voneinander trennte. Die zweite sei nur ein Mangel an Harmonie und das ungezügelte Toben bestimmter Kräfte mit dem Akzent auf die Sensibilität [10, 58]. Witze der Kyniker in Athen des 4. Jahrhundert vor Christus waren weder unmoralische Brutalität noch ästhetische Unmoral im Rahmen des vorhandenen moralischen, ethischen und philosophischen Hintergrunds.

Kehren wir zu der «Philosophie für den Marktplatz» zurück, die oben erwähnt wurde, und erinnern wir uns an das russische Sprichwort «Schwein gebärt keinen Biber». Aus der unmoralischen Lehre konnten keine hohen moralischen Einstellungen entstehen. Die Kyniker protestieren gegen Regierung, viele wurden getötet.

Ein Beispiel dazu ist das Schicksal der Mitglieder von den «Protest»-Kreisen am Hof von Nero und viel «weicheres» Lebensende von Seneca im Vergleich zu ihnen [2].

Philosophiehistoriker behaupten, dass die tatsächliche kynische Lehre in zwei Richtungen weiterentwickelt wurde:

— bei Demetrius und Dion Chrysostomos im I. Jahrhundert — ein auf Mystik und religiösen Dogmen basierender Versuch, Kynismus mit Stoizismus und anderen philosophischen Strömungen zu kombinieren;

— bei Oenomaus, Demonat, Peregrine Proteus im II. Jahrhundert — Umdeutung des Radikalismus des ursprünglichen Kynismus durch Begrenzung seiner «schockierenden Leidenschaft für Freiheit» [1, 171–178].

Hier kann man an Georg Hegels Mahnung erinnern, die für die Übersetzer der Klassiker der «alten» Philosophie bestimmt wurde: «Schreiben Sie den Klassikern Ihre Ideen

und Ihr Verständnis für die Phänomene und Prozesse nicht zu!» [6, 9]. Es ist möglich, dass Forscher diese Warnung bei der Identifizierung von Zynismus und Kynismus vernachlässigt haben.

In der Tat ist Zynismus als moralische Qualität einer Person seit langem bekannt. Es gab immer einige Leute, die mit Verachtung die gemeinsamen Ideale und Normen behandelten. Die Frage ist — welche Ideale, Standards und «Regeln für den menschlichen Zoo» [9] zum Zeitpunkt der Zerstörung herrschten.

Das heißt, der Zynismus, ist nicht irgendeine Art vom rein ethischen Überbau von bestimmter philosophischen Grundlage, wie es Valentina Kudryavtseva beweist. Zynismus bedeutet etwas mehr, es gibt bestimmte Philosophie des Zynismus: Philosophische Anthropologie des Zynismus, Ontologie des Zynismus, Erkenntnistheorie des Zynismus [5, 5].

Es ist nicht ausgeschlossen, dass es daher, so Isay M. Nakhov, «veredelnde, existentialistische Interpretation des Zynismus erscheint, als eine Form der Selbstbestätigung der Person (der Selbstbehauptung) oder existentialistischer Protest des essentiellen Denkens, der durch die Angst vor der Absurdität des Daseins diktiert wird und der in Resignation resultiert» [7, 231].

Betrachten wir ein weiteres Argument zugunsten unserer Hypothese über die Nicht-Identität von Zynismus und Kynismus. Es ist auf dem philologischen Kontext basiert. Irina Kilachitskaya behauptet, dass der Prozess der Unterjochung von Griechenland, der von Rom im II. Jahrhundert durchgeführt wurde, wurde mit der Vertreibung der griechischen Sprache durch Latein [4, 289] nicht begleitet.

Im Gegenteil, viele Dichter und Schriftsteller jener Zeit gaben offen zu, dass die lateinische Sprache im Vergleich zu dem Griechischen lexikalisch kärglich ist. Römer in der Antike fanden einen Weg aus der Armut abstrakten Vokabulars auf zweierlei Art. Die erste ist die Wiedergabe von griechischen Begriffen mit zwei koordinierten lateinischen Wörtern. Im Lateinischen gibt es fast keine zusammengesetzten Wörter. Diese Methode wurde häufig von Cicero genutzt.

Die zweite Möglichkeit war die Entlehnung der griechischen Wörter. Der griechische Begriff wurde in Latein geschrieben. Wir denken, dass die zweite Möglichkeit als Grundlage des untersuchten analytischen Fehler betrachtet werden könnte. Aber da gibt es ein Problem. Es geht um die Nichtübereinstimmung der Transkription vom Konzept «Hund» im Griechischen und Lateinischen. Also wenn Kyniker schon in der Antike als Zyniker bezeichnet wurden, würden wir heute die Dominikaner (Domini Canes) Dominikaner (Domini Zynicus) nennen.

Alles spricht dafür, dass die Kyniker in der Antike die Philosophie des Lebens und für das Leben schufen, eine praktische Philosophie, die jeder Vertreter des «menschlichen Zoos» verstehen konnte. Sie ist eine notwendige Basis der moralischen Wahrnehmung des Lebenssinnes, der Verhaltensziele und der Einstellung zum Tod.

Also es scheint, dass wir bewiesen haben, dass Kyniker keine Zyniker sind, wie es der Titel des Artikels behauptet.

Referenzen:

1. Dario Antiseri, Giovanni Reale. Abendländische Philosophie von den Anfängen bis zur Gegenwart. I. Antike. – SPb.: TOO TK «Petropolis», 1994. S. 171–178.
2. Michael Grant. Nero. Herrscher der irdischen Hölle. – M.: Tsentrpoligraf 2002.
3. Diogenes Laertius. Über das Leben, Lehren und Sprüche der großen Philosophen. – M: Thought, 1986.
4. Irina R. Kilachitskaya. Griechisch im Lateinischen (Gründe des Einflusses auf das kirchliche und wissenschaftliche Latein)//XVI. Jährliche Theologische Konferenz der St. Tichon Orthodoxen Universität am 27–28. Januar 2006 – M.: 2006. S. 288–294.
5. Valntina I. Kudryavtseva. Zynismus in der Antike und moderner Zynismus: historische und philosophische Analyse des Konzepts von P. Sloterdijk. – Autoreferat der Dissertation Dr. der Philosophie, Spez. 09.00.03. – Jekaterinburg: Verlag Uraler Staatliche Wirtschaftliche Universität 2009.
6. Leonid S. Mamut. Etatismus und Anarchismus als Typen des politischen Bewusstseins. – Moskau: Nauka, 1989. C. 9.
7. Isay M. Nakhov. Kynismus und Zynismus. Verlebtes und Lebendiges (Geschichte der Begriffe und Wörter)/Lebendiges Kulturerbe der Antike. Fragen der klassischen Philologie. – Moskau: MGU, 1987 – Vol. IX. S. 231–245.
8. Peter Sloterdijk. Kritik der zynischen Vernunft. – Jekaterinburg: U-Factoria, M: ACT. Moskau. 2009.
9. Peter Sloterdijk. Regeln für den Menschenpark. Ein Antwortschreiben zu Heideggers Brief Über den Humanismus/Übersetzt von Tyagunova T., Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999 – URL: <http://www.nietzsche.ru/influence/philosophie/sloterdijk/>. Behandlungsdatum: 2014.12.06.
10. Friedrich K. Schlegel. Ästhetik. Philosophie. Kritik. In 2 B. B. 1/Einleitung. Übersetzt von N. Popov; Hinweise Al. V. Mikhailov und N. Popov. – M: Art. 1983.
11. Wladimir Jankelevitsch. Ironie. Vergebung. – M: Verlag Republik, 2004.

Section 10. Economics and management

*Bekenova Alima Beisembayevna,
Free university of Varna
"Chernorizets Hrabar", PhD student,
Department of «Administration and management»
E-mail: b.alima@mail.ru*

The role of self-assessment procedures in the accreditation process

Abstract: This article considers the issues of accreditation of language centers. Describes the methodology of procedure of self- assessment.

Keywords: accreditation, self-assessment, auditing, language center.

*Бекенова Алима Бейсембаевна,
Варненский свободный университет им. Черноризца Храбра,
Аспирант, кафедра "Администрация и управление"
E-mail: b.alima@mail.ru*

Роль процедуры самооценки в процессе аккредитации

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы аккредитации языковых центров. Описывается методика проведения процедуры самооценки.

Ключевые слова: аккредитация, самооценка, аудит, языковой центр.

Самооценка — это внутренняя оценка деятельности компании. Если рассматривать процедуру самооценки в процессе аккредитации языковых центров, то можно рассматривать ее одним из этапов аккредитации. Сама процедура самооценки завершается подготовкой отчета по самооценке.

Цель отчета по самооценке состоит в том, чтобы обеспечить группу аудита (внешняя оценка) ясным, объективным и четким описанием деятельности Центра. Отчет по самооценке является основой для принятия решения о посещениях Центра группой аудита. В рамках проведения самооценки Центр должен определить, насколько он удовлетворяет потребностям клиентов, и какую ценность представляет собой для всех заинтересованных сторон в рамках заявленной миссии.

Таким образом, самооценка Центра — это ключевая часть процесса аккредитации.

Основные цели процесса самооценки Центра:

1. Дать возможность всему коллективу изучить состояние Центра путем:
 - вовлечения в процесс не только ключевых фигур, но как можно большего числа лиц;
 - использования процесса самооценки для придания нового импульса в развитие Центра;
 - рассмотрения своей деятельности через призму исторической перспективы, то есть отражения основных этапов развития в соответствии с видением организации;

- использования самооценки как обучающего процесса, дающего возможность системного взгляда на положение Центра.

2. Дать основание посещению Центра группой аудита
Данное посещение должно помочь Центру в достижении баланса между желаемым и реальным. Центр обязан предоставить в распоряжение группы аудита информацию, которая может быть проверена аудитором во время посещения Центра. Информация должна включать основные данные и материалы, позволяющие понять и оценить состояние Центра.

3. Дать объективный, системный и критический самоанализ Центра посредством самооценки.

Коллектив Центра должен:

- задавать себе трудные вопросы;
- соизмерять деятельность Центра со стандартами и критериями аккредитации;
- выявить ключевые сильные и слабые стороны;
- оценить соответствие ресурсов (человеческих, учебно-методических, материальных, финансовых, информационных и т. п.) и определить рамки возможностей Центра;
- прийти к четкому пониманию путей достижения своих стратегических целей Центра.

Для того чтобы начать осуществление процедуры самооценки в связи с аккредитацией, Центр должен дока-

зять, что отвечает основным требованиям, предъявляемым к Центрам в соответствии с его статусом. Вместе с тем Центр должен показать, что:

- обучение ведется в соответствии с международной уровневой системой;
- отвечает запросам рынка услуг и потребителей в соответствующем регионе;
- предоставляет услуги высокого качества в пределах своего регионального/национального рынка;
- имеет достаточно высокую репутацию, приобретенную в результате предоставления услуг надлежащего качества обучения языкам в регионе, а также пользуется признанием в стране;
- имеет репутацию Центра, ориентированного на международный образовательный рынок;
- реализует языковые программы обучения для различных сфер деятельности слушателей;
- осуществляет дополнительное языковое образование для взрослых;
- имеет опыт в проведении корпоративных занятий с учетом специфики компании-заказчика;
- является методическим центром в области своей деятельности; способствует реализации государственных программ и проектов.

Центру, подающему заявление на прохождение аккредитации, необходимо провести предварительную оценку направления своей деятельности по перечисленным в стандартах аккредитации критериям и обеспечить группу аудита соответствующими материалами [1].

Более подробно остановимся к этапам процесса самооценки.

Руководитель Центра должен назначить руководителя проекта аккредитации для управления процессом самооценки и для подготовки Центра к посещению аудиторами. Руководитель проекта должен иметь соответствующую квалификацию для управления проектом аккредитации и обладать необходимыми информационными и человеческими ресурсами. Руководитель проекта создает проектную группу для подготовки отчета по самооценке. Основными критериями при формировании проектной группы, участвующей в самооценке, является компетентность членов группы в оцениваемых критериях и их составляющих, а так же их осведомленность о реальном положении дел в Центре по оцениваемым вопросам.

Руководитель проекта должен разъяснить всему коллективу цели процесса самооценки, связанные с аккредитацией Центра и ознакомить всех со стандартами и критериями аккредитации. Он должен четко распределить обязанности членов группы — кто, и какие критерии и их составляющие будет оценивать. В эту работу должны быть вовлечены все ключевые заинтересованные лица, что является сильной стороной этой процедуры. В течение всего процесса самооценки должна быть установлена четкая связь между вовлеченными сторонами. Все вовлеченные лица: преподаватели, административные сотрудники,

слушатели должны стремиться к отражению информации в объективном виде. Необходимо разработать детальный план проведения самооценки. Центр должен определить формат отчета, составить план-график проведения самооценки, соответствующий его внутренним потребностям и с указанием основных стадий, сроков их проведения и ответственных лиц. Обычный процесс самооценки в Центре длится в течение 1–2 месяцев. Основные стадии процесса самооценки Центра должны сопровождаться систематическим сбором данных, отвечающих стандартам и критериям аккредитации.

При проведении процесса самооценки следует придерживаться следующих принципов:

- Систематический подход — тщательное, всестороннее планирование.
- Объективность — использование различных источников информации.
- Целенаправленность и сбалансированность выводов — проведение анализа своих сильных и слабых сторон и возможностей.
- Максимальное вовлечение всех заинтересованных сторон — вовлечение различных групп сотрудников и слушателей в сбор данных и оценку результатов самооценки с целью достижения в согласованности выводов и разработки рекомендаций. Участие как можно большего количества лиц — главный фактор объективности.

Разработав методологию самооценки и определив форму отчета, необходимо определить ту информацию и документацию, которая будет представлена в отчете. Центр должен стремиться к использованию максимального количества источников информации для сбора данных и документов (например, годовые отчеты, специальные исследования, анкетирование, интервью и фокус группы).

Руководитель проекта может поддерживать тесную связь с Руководителем аккредитационного органа и Консультантом по аудиту в течение процесса самооценки с целью получения с их стороны консультативной помощи. А также, должен подготовить Центр к посещению группы аудита, и обеспечить условия для работы группы [2].

Формат отчета

Заключительный отчет по самооценке предоставляется Центром по индивидуальному формату. Существуют некоторые требования к формату отчета. Исходя из международного опыта, объем отчета по самооценке должен составлять не менее 25 страниц основного текста и дополнительный пакет документов в виде приложений. Формат – содержание отчета должно отвечать стандартам и критериям аккредитации. Общая информация – отчет должен начинаться с общей информации, включающей следующие пункты:

- название Центра;
- ФИО директора;
- название учредителя;
- контактная информация (почтовый адрес, тел., факс, e-mail);

- дата предоставления отчета по самооценке;
- ФИО контактного лица по подготовке отчета;
- список программ обучения, предлагаемых Центром;
- информация о проектной группе и процессе самооценки;
- заявление, подтверждающее точность и правдивость отчета, подписанное руководителем Центра или учредителем.

Основное содержание Отчета включает несколько разделов: введение, главы, общие выводы и заключения. Также в конце каждой главы Отчета делаются выводы и заключения. Отчет должен сопровождаться копиями материалов, описывающих деятельность Центра.

Вспомогательные материалы. Все разделы Отчета должны быть подкреплены необходимыми документами, удобнее их вывести в приложения (например, брошюры о Центре, нормативные документы, различные отчеты, финансовые документы по приобретению или аренды материально-технической базы и другие материалы).

Авторство. В целом отчет должен быть единым текстом, а не представлять собой собранные вместе разрозненные части. Вся информация должна включаться в отчет при непосредственном контроле руководства Центра. Отчет должен быть подписан руководством Центра с четким обозначением занимаемых должностей.

Выводы. Отчет должен содержать выводы по соответствию Центра стандартам и критериям аккредитации и направлениям работы по улучшению качества. Отчет по самооценке ни в коем случае не должен представлять собой или использоваться как рекламный документ.

Примерное содержание отчета по самооценке

Отчет по самооценке может состоять из нескольких глав:

1) Менеджмент и стратегический план развития (Управление. Окружающая среда. Миссия и видение. Нормативно-правовая база. Стратегические цели. Автономность организаций. Этика. Вклад в местное сообщество).

2) Организация учебного процесса (Программы обучения. Цели и разработка программ обучения. Содержание программ обучения. Методическая работа. Методы преподавания. Оценка слушателей. Оценка качества программ обучения. Преподавательский состав. Состав преподавателей и их управление. Внедрение современных методов обучения. Профессиональное развитие преподавательского состава. Оценка качества преподавательского состава. Слушатели. Цели программ и критерии отбора слушателей. Личностное развитие и прогресс слушателей).

3) Ресурсы и финансовая устойчивость (Финансовый менеджмент. Помещения и оборудование. Информационное обеспечение. Языковые лаборатории. Поддерживающие службы).

4) Корпоративные связи (Наличие и качество корпоративных связей. Региональное/международное измерение).

Таким образом, Отчет по самооценке должен отражать полную информацию о деятельности Центра в соответствии со Стандартами и критериями аккредитации языковых центров.

В Заключении надо привести краткий обзор основных достижений, выявление слабых сторон и описание мер по усилению позиций языкового центра по всем направлениям работы с указанием индикаторов качественного роста.

Список литературы:

1. Аверкин В. Н., Зайченко О. М. Аттестация и государственная аккредитация образовательных учреждений в территориальной системе образования. Москва, 2006. – 176 с.
2. Дик Н. Ф. Лицензирование, аттестация и аккредитация образовательного учреждения. Москва, 2007. – 320 с.

*Denisova Irina Petrovna,
doctor of economic sciences, professor,
the Faculty of Economics and Finance
Rostov state economic university (RINE)*

*Denisov Petr Vladimirovich,
assistant professor, the Faculty of Economics
The Rostov institute of Protection of Businessman
E-mail: denis8663@mail.ru*

Financial strategies of partner relationships implementation at microlevel

Abstract: the article considers problems of population social protection system financial provision at microlevel, offers complex programs development measures, reasons social partnership financial strategies stages.

Keywords: social risks, monitoring, “risk-management”, partner relationships, microlevel, social programs, system crisis.

Complexity and scope of the crisis problems solution in Russia are related to considerable costs and losses for people.

The burden of crisis and economic reforms has laid down mainly on impoverished population levels. During reforms

the Russian society middle class as a basis of its economic and sociopolitical stability has practically disappeared. As a result, the economic reforms social base has considerably reduced. Reforms development in Russia has resulted in the system crisis that acquired a chronic character and “a vicious circle” situation, when the economic recession leads to decrease in working people’s living standards and social sphere degradation. In its turn, it provokes further worsening of economic conditions in the country. In the absence of complex approach and without connection with the state budget real possibilities the social policy efficient implementation is impossible. There is an illusion that the crisis can be overcome by means of simultaneous solution of economic and social problems. However, social problems cannot be solved fast without sufficient financial resources and possibility to provide essential production increase in the shortest terms.

Mobilization of the state off-budget social purpose funds is necessary to solve social policy problems; mobilization should base on more accurate differentiation of their functions in obligatory social insurance system, radical improvement of insurers registration mechanism, insurance contributions collection system, partial self-repayment and self-financing principles development, voluntary or accumulative insurance system development.

One of the directions, providing social insurance targeting in crisis conditions and social insurance model elements at microlevel, can be social funds and programs of the enterprises. Enterprises social funds perform important functions — act as a stimulating factor of labor efficiency increase and labor motivation of social production effectiveness.

Their level depends on industrial and financial results of the enterprise activity: received profit volume and its distribution proportions. Funds enable to involve the human factor actively, to form healthy base for social-partner relationships in production.

It is necessary to mention that in Russia in practice the collective participation motivation had been widely used to achieve high results long before it was opened by the Japanese management and now is advertised as “know-how” of the modern control system.

In the world economic theory and practice there are two concepts of business social role and firm social responsibility, stipulated by various valuable approaches to firm public importance.

According to one of these concepts, the firm achieves only economic goals and its social responsibility is reduced to employees’ labor payment maximization. Performing this function, business provides employment, as well as dividends for shareholders. The active supporter of this concept — one of monetarism founders Milton Friedman considering a true role of business as consisting of its potential and resources use and activity aimed at profit extraction provided that business adheres to game rules and participates in open competition, «without resorting to swindle and deceit». According to the other concept, business shall not be limited to economic goals, it shall consider

human and social aspects of entrepreneurial business effect on employees, consumers and local community, as well as facilitate the nation-wide social problems solving. According to this point of view, business bears social responsibility before employees and society. It urged to achieve dynamic balance between economic and social interests and modern organization problems. This concept corresponds to the civilized market requirements, the socially oriented market economy model.

Organizational model of enterprises functioning with regard to the social problems solution, traditionally developed in this country, has many common features with the modern world concept of firm social-motivational management. However, successful implementation of this concept assumes available objective preconditions for national economy effective growth and profitably working enterprises. Unfortunately, these conditions have not been created in this country yet. Economic, and to be exact, system crisis, undergone by Russia, has acutely delivered the problem of enterprise elementary survival and has made burning a question of the future of community facilities, being on the enterprise balance, as well as social programs development at macrolevel.

It would be easier for enterprises to cease financing of social and cultural infrastructure, at best to transmit to local authorities balance, and at worst to privatize and re-orientate, thus releasing productive activity from the social commitment, and to focus it exclusively on profit maximization.

The decision of the future and prospects in social and cultural sphere, enterprise social programs development requires search of optimum balance between the current and perspective production management problems with regard to the Russian labor social motivation traditions.

In respect to the economic reform strategic course, construction of effectively functioning market economy of the civilized, socially focused type from the perspective of the strategy for Russia to achieve fastest the advanced countries level, the existing enterprise developed social infrastructure does not need its refusal and destruction but structural reorganization to involve actively social motivation system and social factors of production effectiveness.

At the same time it is expedient not to develop such social infrastructure facilities, as housing-and-municipal services, consumer services organizations, constraining employees’ mobility and labor market flexibility.

Absence of financial assets for current consumption, employees’ wages payment in connection with payments crisis and state inability to fulfill its fiscal obligations before enterprises put them in such a position, when they have no longer economic opportunities to maintain its social sphere and are forced to wind it down, and in some cases — to refuse it completely. It destroys the enterprise socially labor stability bases and undermines social-motivational management mechanism (collectivism psychology and egalitarian mentality, confidential-partner relationships in a labor collective).

Complete enterprise refusal of its social sphere weakens the employees’ social motivation to work and collective’s so-

cial protection in the market conditions, and makes it difficult to organize core employees as well.

On the other hand, another extreme approach to the decision of enterprise infrastructure problems is inadmissible either. The approach consists of transfer of all community facilities financed from the budget to managing commercial terms with account of regional features of services market formation. However, complete commercialization and privatization of community facilities would lead to tax privileges loss, provided to social sphere and would focus on the limited consumers circle at the present high market prices. It would be accompanied by the mass redesigning social and cultural organization. Experience of mass services commercialization in many USA states in the 80s showed that the least success was reached in social services — rendering of social assistance to the elderly and disabled people, children health care, public safety etc., where it is impossible to measure industrial and technical efficiency (productivity) and such services rendering quality.

Recent years managing practice has shown that in the process of enterprises economic recovery the enterprises start to pay attention to the labor collective's social aspect of life. Profitably working enterprises create a network of preventative clinics, canteens, rest houses, sports and fitness centers, etc.

For effective social problems solving the nation-wide, regional and local systems of collective-contractual regulation of social and labor relationships on the basis of social standards, as well as public service for collective labor disputes settlement should be generated as soon as possible.

Enterprise social program development within the limits of social partnership may include:

— employer's rights and responsibilities to provide working conditions, rest, employees' way of life, enterprises social infrastructure maintenance;

— employer's responsibilities to provide employees' living wages at the expense of paid wages;

— stimulating payments systems, including bonuses, incentives and compensatory payments;

— social infrastructure interaction of enterprises within the limits of one municipal entity;

— joint employer's and local authorities' liability in complex solution of social infrastructure development questions without prejudice to not only enterprise employees, but also to the population of area, city, etc. on the whole.

To provide targeting and efficiency the social funds and enterprises programs may serve as adaptable direction in the post-crisis conditions and social support model element at microlevel.

The process of social support complex program development at the enterprise includes the following algorithm:

1) development of the organization social passport (document containing information about professional collective and individual risks, enterprise financial possibilities), enterprise description as a system of social subjects and social risks complex, the least socially protected subjects' choice;

2) "risk-management" card — social risks ranging, preventive actions list and terms, government forms);

3) current and operating plan for social support financial provision (organizational forms and financial resources);

4) social risks financial asset internal monitoring test including natural and cost parameters analysis. In the thesis the interrelation of social protection system financial mechanism elements within the limits of the social partnership is reasoned; the interrelation enables to make its self-defense components (financial policy, organizational mechanisms) active.

Social support complex program at microlevel

Development stages and their documentation	Complex and measures contents
Stage1: organization social passport	1. Short description of the enterprise: activity, personnel number, sex-age structure, work conditions and complexity, work and rest condition, accident rate, etc. 2. Description of social individual and collective risks (family structure, dependents, morbidity, preventive measures frequency)
Stage2: «risk-management» card	1. Determination of emergency aid need in emergency situations, additional assistance in case of temporary incapacity of both employees and their family members, 2. Preventive measures plan development for collective social risks decrease. 3. Determination of social measures expenses cost. 4. Determination of potential social risks lists the subjects are liable, and determination of adverse events occurrence conditions, probability and possible expenses (on statistical data basis).
Stage3: current and operating plan for social support financial provision	1. Purpose social funds (reserves) creation source — income. 2. Voluntary insurance (long-term life insurance, pension insurance and (or) non-state pension provision, employees' voluntary personal insurance) source — expenses — income. 3. Obligatory and additional social payments — source off-budget funds. 4. Creation of benefit associations (collectively-insurance damage layout) 5. Insurance group organization (assignment of wages) 6. Additional social service program for shareholders (participants, incorporators), chiefs and enterprise employees on favorable terms (food, firm clothes, corporate events) source — income — expenses.

Stage4: social risks financial as- set internal monitoring test	Control of completeness, efficiency and productivity of social support system financial resources use.
---	--

Fig. 1. Algorithm of social support complex program development at the enterprise

The programs considered individual requirements for social protection, at the same time flexible privilege system connected with adversity period extent and duration is used. Constantly occurring changes in the legislation in economic questions, finance, taxation, in economic and political situations, at the enterprise (in production, technology, personnel, assets etc.) influence social risks

directly, therefore their management is a dynamical process.

Thus, besides the original social support program variant made at the business organization stage, it is also possible to speak about the monitoring (regularly reviewed) program considering and reflecting all current changes of the specific enterprise functioning external and internal environment.

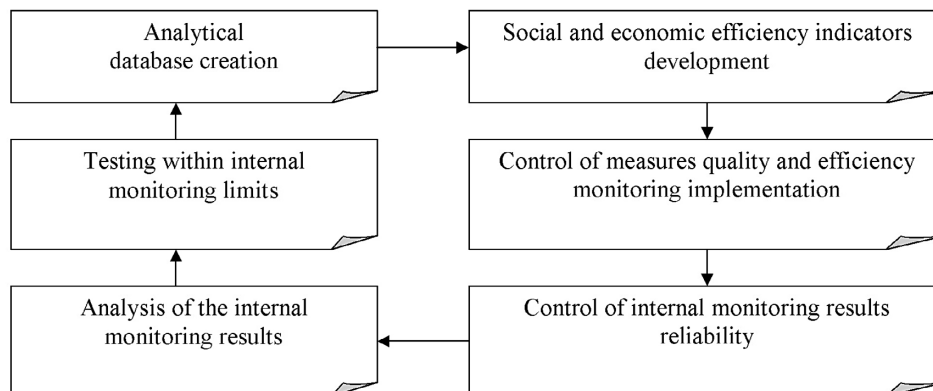

Fig. 2. Algorithm of financial asset internal monitoring implementation. Monitoring of social risks financial asset parameters

Subjects	Works and location	List of danger, social risks	Cases (list)	Probability of social risk approach time (degree)	Potential losses (in form of costs and incomes decrease) at risk approach, thous. rub.	Losses cost, thous. rub.	Risk maximum compensation (each kind), thous. rub.	Risks decrease and prevention measures

Fig. 3 Internal control test

To make the decision about social risks included into the insurance complex program, it is recommended to introduce internal monitoring system, being a source of information for estimation of financial provision, determination of risks list and cases for individual and collective requirements.

The program may consider individual requirements to social protection, at the same time system of flexible privileges related to adversity period scope and duration.

Organization social support complex program is aimed at subsidiarity principle implementation and social risks insurance layout at microlevel, increasing security and budget capacity relative independence.

Constantly occurring changes in the legislation in economic questions, finance, taxation, in an economic and political situation, at the enterprise (in production, technology, personnel, assets etc.) directly influence social risks. Therefore, their manage-

ment is a dynamical process. Thus, besides the original social support program variant made at the business organization stage, it is also possible to speak about a monitoring (regularly reviewed) program considering and reflecting all current changes of the specific enterprise functioning external and internal environment.

Thus, reformed Russian economy requires an adequate solving of social and labor relationship problems within the limits of social partnership at all state and municipal government levels in their close contact with employers' associations. The priority task is the development of legislation about social partnership at the federal level. Enterprises face the problem of determination of social programs development and implementation of general strategy and tactics; programs have rather specific and stable financial sources, provided in financial plans, embedded in investment projects and production development and improvement programs.

*Kinash Irina Anatolievna,
Podolsky State Agricultural and Technical University,
Associate Professor, Department of Economics
E-mail: kinash.irina@meta.ua*

Organization of system resource saving management in enterprise

Abstract: The functioning of the Ukrainian enterprises in the crisis, the transformation of the economy, limited resources, confronts them with new demands on management, namely its focus on the development of resource types.

Keywords: Resource management system, resources, resource saving management.

*Кинаш Ирина Анатольевна,
Подольский государственный аграрно-технический университет,
доцент, экономический факультет
E-mail: kinash.irina@meta.ua*

Организация системы управления ресурсосбережением на предприятии

Аннотация: Функционирование украинских предприятий в условиях кризиса, трансформации экономики, ограниченности ресурсов ставит перед ними новые требования по управлению, а именно его ориентацию на ресурсосберегающие типы развития.

Ключевые слова: ресурсосбережение, система управления, ресурсы, управление ресурсосбережением.

Сущность ресурсосбережения, с позиции системного подхода в рыночных условиях заключается прежде всего в научном обосновании целей, стратегий, мероприятий и ресурсов, которые при ограничивающих условиях внешней и внутренней среды, должны обеспечить предприятию достижение результатов, которые будут способствовать его непрерывному функционированию и дальнейшему развитию, а также рациональное использование имеющихся ресурсов предприятия. Обеспечение сбалансированности сложной по содержанию деятельности предприятия по управлению ресурсосбережением обуславливает необходимость создания соответствующей системы, которая способна решать задачи, связанные с преодолением неопределенности путей и результатов ресурсосбережения. Система управления ресурсосбережением состоит из определенного комплекса подсистем, которые должны полностью охватывать все элементы и все аспекты функционирования объекта ресурсосбережения [1, 304–314].

Применение предприятиями эффективных и своевременных управленческих решений по ресурсосбережению, эффективное использование ресурсного потенциала, снижение материалоемкости продукции помогут при решении имеющихся проблем, особенно в современных условиях хозяйствования. Причем, неважно какой именно ресурс нуждается в сохранении материальный, финансовый, трудовой или инвестиционный, внимания требует процесс управления ресурсосбережением, его эффективность. Процесс управления ресурсосбережением является составной частью управления предприятием, а поскольку предприятие является системой элементов, то и управле-

ние ресурсосбережением следует рассматривать с точки зрения системного подхода.

Управление ресурсосбережением в системе управления предприятием является относительно самостоятельной подсистемой (то есть целостной системой для составляющих ее элементов), содержит совокупность специфических инструментов, правил, структурных органов, информации и процессов, нацеленных на подготовку и обеспечение выполнения планов ресурсосбережения. При управлении ресурсосбережением осуществляется обоснованный выбор основных направлений ресурсосбережения на предприятии в целом и для каждой структурной единицы в частности; формирования комплексных целевых программ, определение и конкретизация задач по целям этих программ, определения критериев и закрепление за исполнителями; установление календарных сроков проведения работ по проектам; расчет потребности в ресурсах и распределение их по исполнителям.

Весомый вклад в разработку теоретических и методических положений по проблемам управления ресурсосбережением сделали ученые: А. Бреславцев, М. Иванов, А. Кроули, Н. Конищев, Д. Липницкий, Р. Фатхутдинов, Л. Хижняк, М. Чумаченко и др. Однако, важные аспекты управления ресурсосбережением на предприятии, а именно внутренняя система построения управления ресурсосбережением и применения в процессах управления системного подхода требуют дальнейшего решения и уточнения.

Целью исследования является определение подхода к сущности ресурсосбережения на предприятии и определение процесса управления ресурсосбережения с точки зрения системного подхода.

Главной чертой ресурсосберегающей деятельности предприятия на сегодня должна быть ориентация на проведение комплекса мероприятий, которые быстро реализуются, охватывающих различные стороны его деятельности и позволяют достичь максимального эффекта экономии. Объективные условия для их осуществления должна обеспечить целостная система управления ресурсосбережением на предприятии.

По нашему мнению под ресурсосбережением следует понимать прогрессивное направление использования ресурсного потенциала предприятия, непрерывный процесс экономии на всех этапах производственно-хозяйственной деятельности, обеспечит уменьшение издержек производства, рост производства продукции, уменьшение себестоимости при том же количестве использования ресурсов, сырья и топлива. Также следует отметить, что ресурсосбережение — это научная, коммерческая, организационная и информационная деятельность, направленная на рациональное и комплексное использование всех видов ресурсов предприятия с учетом существующего состояния НТП и состояния окружающей среды.

В процессе ресурсосбережения на предприятии используется комплекс организационно-технических мероприятий, методов и процессов, которые наблюдаются на всех стадиях жизненного цикла продукта.

Исходя из многоаспектности и многоуровневости понятие ресурсосбережения, можно утверждать, что оно имеет такие проявления, как: сфера экономической деятельности общества — организационно-экономическая система; процесс рационального использования всех видов ресурсов; результат — сумма всех видов эффекта.

По нашему мнению, под системой управления ресурсосбережением предприятия следует понимать совокупность действий по осуществлению влияния управленческих органов (субъект управления) на процесс ресурсосбережения (объект управления) с помощью реализации функций (общих, конкретных и обеспечивающих), направленных на достижение постоянного повышения эффективности использования всех ресурсов предприятия и, как следствие, повышение эффективности финансово-хозяйственной деятельности. Эффективность процесса управления ресурсосбережением зависит от того, по какому принципу формируется система управления. Поэтому в качестве системообразующего фактора предлагается рассматривать принцип функциональной полноты системы, то есть выделяются функции, способны обеспечить эффективную реализацию процесса управления ресурсосбережением [2, 146–150].

Согласно принципу функциональной полноты системы предлагается выделить следующие подсистемы системы управления ресурсосбережением: подсистема общих функций управления ресурсосбережением, подсистема конкретных функций и подсистема функций обеспечения управления ресурсосбережением.

Выполнение общих функций управления ресурсосбережением в полном объеме составляет цикл воздействия

управляющей подсистемы (субъект управления) на подсистему управления (объект управления) или процесс управления ресурсосбережением. Субъектом управления в процессе управления ресурсосбережением выступают руководство предприятия, менеджеры разных служб и подразделений предприятия, а также совокупность методов и технических средств информации, полученной от объекта управления. Объектом управления являются процессы ресурсосбережения на предприятии. Планирование уровня ресурсосбережения, мотивация ресурсосбережения, регулирования и координация осуществляются по прямой связи между субъектом и объектом управления ресурсосбережением. А оценка и анализ и мониторинг ресурсосбережения осуществляются через обратную связь, а именно через определение фактических показателей ресурсосбережения и эффективности использования ресурсов на предприятии; сравнение фактических показателей ресурсосбережения с нормативными; проведение анализа отклонений, выявленных; определения причин неудовлетворительного состояния ресурсосбережения на предприятии. Процесс управления ресурсосбережением реализуется через организацию этого процесса.

Конкретные функции управления ресурсосбережением раскрывают содержание процесса управления ресурсосбережением и должны обеспечить достижение непосредственно целей ресурсосбережения на предприятии [3, 491–496].

Реализация общих и конкретных функций управления ресурсосбережением невозможна без выполнения обеспечивающих функций, способствующих их выполнению. Эта группа функций включает: методическое обеспечение, информационно-техническое обеспечение, организационное обеспечение, кадровое обеспечение и обеспечение согласованности в системе управления ресурсосбережением.

Методическое обеспечение системы управления ресурсосбережением состоит из документов, которыми устанавливаются правила и инструкции по разработке определенных документов на отдельных стадиях ресурсосберегающей деятельности; по разработке нормативов использования ресурсов предприятия. Информационно-техническое обеспечение предназначено для принятия решений в процессах разработки и реализации планов по ресурсосбережению с помощью компьютерных технологий. Организационное обеспечение представлено совокупностью документов, устанавливающих структуру организационно-управленческого аппарата, формы и порядок прохождения документов, которые формируются в процессе разработки планов по ресурсосбережению, порядок взаимодействия должностных лиц, функциональных и линейных подразделений предприятия в процессе ресурсосбережения. Кадровое обеспечение направлено на определение количества и качества управленческих работников, привлекаемых к планированию уровня ресурсосбережения и инженерно-технических работников, ответственных за внедрение ресурсосберегающих техно-

логий и оборудования; их распределение по структуре предприятия; должностные обязанности в части процессов, направленных на разработку и реализацию мероприятий по ресурсосбережению; мотивацию персонала за выполнение запланированных работ по ресурсосбережению на предприятии.

Таким образом, нами предложен подход к формированию системы управления ресурсосбережением, основанный на принципе функциональной полноты системы и позволяет выявить недостатки в организации процесса управления и разработать меры по их устранению.

Список литературы:

1. Ипполитова И. Я. Теоретические основы управления ресурсосбережением на предприятии // Экономика промышленности: Сб. наук. пр. / НАН Украины ИЭП. – Донецьк. – 2004 – С. 303–314.
2. Маслова Г. Н. Проблемы повышения эффективности использования энергетических ресурсов / Г. Н. Маслова // Экономика и право. – 2009. – № 1. – С. 146–150.
3. Хумарова Н. И. Ресурсосбережение как доминанта экологизации регионального развития (на примере Приморского регионов) / Н. И. Хумарова // Nowoczesnosc ponowoczesnosc spoleczenstwo obywatelskie weuropie srodkowej i wschodniej. Lublin. – 2007. – Том II в. – С. 491–496.

*Sholoiko Antonina Serhiivna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
assistant, PhD in economics, the Faculty of Economics
E-mail: sholoiko@ukr.net*

Prospects of development of the insurance market infrastructure in Ukraine

Abstract: This article is devoted to state and prospects of development of the insurance market infrastructure in Ukraine. The publication presents the classification improvement of elements of the insurance infrastructure.

Keywords: insurance market, insurance infrastructure, intermediaries, insurer, insured.

*Шолойко Антонина Сергеевна,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
ассистент, кандидат экономических наук, экономический факультет
E-mail: sholoiko@ukr.net*

Перспективы развития инфраструктуры страхового рынка в Украине

Аннотация: Данная статья посвящена состоянию и перспективам развития инфраструктуры страхового рынка Украины. В публикации представлено усовершенствование классификации элементов страховой инфраструктуры.

Ключевые слова: страховой рынок, страховая инфраструктура, посредники, страховщик, страхователь.

Инфраструктура в любой сфере деятельности — это показатель уровня развития того или иного сегмента национальной экономики. Что касается страховой инфраструктуры Украины, то по такому критерию как количество страховых брокеров на одну страховую компанию (в 2014 г. на 7 страховщиков приходится 1 страховой брокер [1]) можно сделать вывод, что инфраструктуру и страховой рынок Украины еще нельзя назвать высокоразвитыми. Соответственно существует объективная необходимость в углубленном исследовании данного вопроса с разработкой предложений по усовершенствованию состояния страховой инфраструктуры, в чем состоит актуальность, цели и задачи данной работы.

Вопросам инфраструктуры страхового рынка посвящены работы таких ученых как: Алехина Е. С., Васильев А. В., Волосенко И., Ермолаев Г. Б., Осадец С. С., Саусь А., Пикус Р. В. и др. Но в условиях информатизации общества необходимо рассмотреть элементы страховой инфраструктуры с точки зрения открытости их ресурсов.

Прежде всего следует определить понятия «инфраструктура», а также «инфраструктура страхового рынка». Итак, в общем понимании инфраструктура представляет собой составные части общего устройства экономической или политической жизни, носящие вспомогательный характер, но обеспечивающие нормальную деятельность системы в целом [2].

Так как страховой рынок является составляющей финансового рынка, то целесообразно представить определение и инфраструктуры финансового рынка Васильева А. В., который подчеркивает, что инфраструктура финансового рынка призвана обеспечивать возможность реализации экономических интересов субъектов экономики, способствовать координации всех их экономических действий, помогать им интегрироваться в мировое экономическое и финансовое пространство [3, 204].

Волосенко И. определяет инфраструктуру страхового рынка как систему прямых и косвенных посредников, которые прямо или опосредствовано, работают на страховом рынке с целью обслуживания интересов продавцов и покупателей страховых услуг (то есть, страховщиков и страхователей) [4].

Ермолаев Г. Б. под инфраструктурой страхового рынка понимает систему институтов содействия созданию, купле-продаже и потреблению страховых услуг и соответствующих этим институтам различных регулирующих механизмов, обеспечивающих экономически выгодные условия для эффективного взаимодействия между страхователями и страховщиками на страховом рынке. Взаимодействие субъектов страхового дела является необходимым условием для функционирования страховой отрасли [5, 134–135].

Таким образом, наличие в достаточном количестве и качестве элементов инфраструктуры является необходимым условием надлежащего функционирования страхового рынка в целом.

Осадец С. С. определяет важное место элементов инфраструктуры (страховых и нестраховых посредников) среди структурных составляющих страхового рынка (страховщики, страхователи и их объединения), работу которых регулирует уполномоченный орган государственного надзора за страховой деятельностью [6].

Согласно такой организации страхового рынка в Украине следует выделить:

- 1) Регулятора — Национальная комиссия, осуществляющая государственное регулирование в сфере рынков финансовых услуг (Нацкомфинуслуг);
- 2) Страховщиков (на конец сентября 2015 г. общее количество страховых компаний составило 368, в том числе life-компаний — 50, non-life — 318 [7]) и их объединения:
 - а) общественные объединения — Лига страховых организаций Украины; Ассоциация «Страховой бизнес»; Украинская федерация страхования;
 - б) обязательные объединения по видам страхования — Аграрный страховой пул; Моторное (транспортное) страховое бюро Украины; Ядерный страховой пул Украины;
 - в) добровольные объединения по видам страхования — Экологический страховой пул; Украинский сельскохозяйственный страховой пул;
- 3) Страхователей (на конец сентября 2015 г. общее количество страховых договоров с физическими и юри-

дическими лицами составило около 172 млн. ед. [7]) и их объединения (Ассоциация страхователей Украины; Ассоциация работников больничных касс Украины);

4) Прямых страховых посредников: страховые агенты, страховые брокеры (в 2014 г. в государственном реестре всего 56 брокеров [1]) и их объединения (Ассоциация профессиональных страховых посредников Украины; Федерация страховых посредников Украины);

5) Непрямых страховых посредников: актуарии, специалисты по оценке рисков и убытков и их объединения (Общество актуариев Украины; Ассоциация аджастеров и сюрвейеров Украины);

6) Нестраховых посредников и их объединения (Независимая ассоциация банков Украины, Федерация профессиональных бухгалтеров и аудиторов Украины, Союз юристов Украины) [8, 239–240].

В работе вышеперечисленных участников страхового рынка есть определенная несогласованность действий, что чаще всего объясняется несовершенством законодательства.

Но для согласованности функционирования всех составляющих рынка важную роль также играет обеспечение их соответствующими информационными ресурсами и базами данных, которые необходимы для принятия решений и проведения исследований в сфере страхования в условиях информатизации общества. То есть в Украине, как и в других странах существует острая необходимость в создании информационно-аналитического центра [9, 6], который бы создал платформу для аккумуляции информации о деятельности всех участников рынка, на основании чего создавались бы аналитические обзоры, доступные всем, кто заинтересован в страховании.

За критерием доступности информации мы изучали элементы инфраструктуры страхового рынка на национальном и международном уровнях [10]. В данном контексте все элементы страховой инфраструктуры были охарактеризованы следующим образом:

- 1) Те, которые на официальном веб-сайте, предоставляют свободный доступ к информации:
 - а) без регистрации на веб-сайте;
 - б) при регистрации на веб-сайте;
- 2) Те, которые на официальном веб-сайте, предоставляют ограниченный доступ к информации:
 - а) информация предоставляется только членам организации;
 - б) информация может предоставляться не членам организации, но на платной основе;
- 3) Те, которые на официальном веб-сайте, предоставляют комбинированный доступ к информации, когда определенный объем информации предоставляется в свободном доступе, а определенный объем информации находится в ограниченном доступе.

Данная классификация элементов страховой инфраструктуры за информационной открытостью имеет важное значение, так как «... при развитии информационной про-

зрачности следует развитие инфраструктуры страхового рынка за счет возможности создания новых взаимосвязей, специфических для страхового рынка и призванных повышать конкуренцию рынка в целом, что в результате приведет к повышению надежности страховых компаний и возможности развития добровольного страхования» [5, 136].

Следующим важным шагом по усовершенствованию инфраструктуры страхового рынка является создание института досудебного урегулирования споров и защиты прав страхователей, так как отечественные хозяйственные суды находятся в перегруженном состоянии через решение мелких споров между страховщиками и страхователями.

В Украине среди составляющих институциональной инфраструктуры также должны появиться: Бюро страховых историй — для минимизации риска страхового мошенничества [10, 6] и Гарантийный фонд страховых выплат — для обеспечения получения страховых выплат страхователями в случае, если страховщик не сможет вы-

полнить свои обязательства перед ними [9, 6]. К тому же создание такого фонда будет содействовать активному развитию долгосрочного страхования жизни.

Таким образом, обобщение понятий инфраструктуры, инфраструктуры финансового рынка, а также инфраструктуры страхового рынка, дало возможность уточнить, что эффективная работа элементов страховой инфраструктуры является необходимым условием соответствующего функционирования страхового рынка Украины в целом. Также была предложена классификация элементов инфраструктуры страхового рынка за критерием информационной открытости. А с целью дальнейшего развития инфраструктуры страхового рынка Украины целесообразно: создать информационно-аналитический центр; институт досудебного урегулирования споров и защиты прав страхователей; Бюро страховых историй; Гарантийный фонд страховых выплат. Создание этих элементов страховой инфраструктуры будет содействовать активному развитию страхового рынка.

Список литературы:

1. Саусь А. Роль брокера на рынке страхования и украинские реалии: www.ufu.org.ua/ua/news/federation_news/6998.
2. Инфраструктура. Словари и энциклопедии на Академике: dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/17200/ИНФРАСТРУКТУРА.
3. Васильев О. В. Проблемы удосконалення інфраструктури страхового ринку/Вісник Чернігівського державного технологічного університету. – 2013. – № 2 (66). – С. 204–208.
4. Волосенко І. Страховий ризик у страховому правовідношенні/Підприємництво, господарство і право. – 2005. – № 11. – С. 118–122.
5. Ермолаев Г. Б. Информационная прозрачность и ее влияние на развитие инфраструктуры страхового рынка/Этап: экономическая теория, анализ, практика. – 2011. – № 6. – С. 132–141.
6. Страхування: підручник/керівник авт. колективу і наук. ред. С. С. Осадець, д-р ек. наук, проф. – 2-ге вид., допов. і переробл. – К.: КНЕУ, 2002. – 599 с.
7. Підсумки діяльності страхових компаній за 9 місяців 2015 року: http://nfp.gov.ua/files/sektor/sk_9_mis_2015.pdf.
8. Страхування: опорний конспект лекцій (українською та російською мовами)/Р. В. Пікус, Н. В. Приказюк, А. С. Шолойко та ін.; за наук. ред. проф. Р. В. Пікуса. – К.: Логос, 2015. – 276 с.
9. Алехина Е. С. Модель инфраструктуры регионального страхового рынка/Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: экономика и менеджмент. – 2008. – № 20 (120). – С. 4–9.
10. Шолойко А. С. Довідник інфраструктури страхового ринку. – К.: НУБіП України, 2014. – 117 с.

Section 11. Science of law

*Ahmeti Edmond,
Phd Candidate in Law
Ministry of Culture of Albania, Tirane
Phd Candidate in Law, Faculty of Law
E-mail: edmond.ahmeti@yahoo.com*

Digitalization of culture heritage and the connection with derivative works of copyright law

Abstract: Uncertainty for the digitalization of cultural heritage as in EU countries is obviously also present in Albania. Albanian photography institution “Marubi” has taken a leave to digitized cultural richness of its funds as to make its archive accessible for education and knowledge of the culture for future generations. However this good will for spreading of culture through digitalization programs should be developed on a legal framework that satisfies all sides, as holders of rights, the protection of copyright, publishers, libraries, archives, but also the public interests. This article is focused on the forecast of actions in way to suit this will, to distribute this cultural heritage of a country in the context of copyright. It is evident that this vision must be clarified first frame in an international context, and from that deriving the appropriate provisions in national legislation.

The purpose of this paper is to describe the specific cases to understand the connection of copyright with digitalization conducted by relevant institutions of culture.

Keywords: Cultural Heritage, Legal Framework, Originality, Marubi Phototheque, Photographic Works.

Introduction

This paper is based on the study of archival fund of Marubi Photo Gallery in conjunction with the initiative of this institution for digitization of archival fund and in the perspective of other culture organs to implement the digitalization as a mean for protecting and accessing, promoting the cultural heritage in interest of scientific researchers; for the interest of education of the new generation of cultural history archive of a society and in the interest of the general public on issues of national culture. This process is very important and obviously that implies aspects and different elements of the welfare and performance of digitalization such as the copyright on derivative works that will be created as a result of submission to another form, different from the original, that are precious works with a big importance for the historical and cultural memory of a country. Normally, this process of digitalization of cultural heritage is linked inevitably with new legal consequences and creation of new legal frameworks.

Archival cultural heritage funds can be in the form of texts as may be books, manuscripts, letters and newspapers, etc., in the form of images as may be photographs, paintings, maps of various drawings and any other form of presentation through image and in the form of objects as may be statues, sculptures, objects of value, coins or stylized vases etc. Another element that follows from the use of digital technology is that many works have the copyright protection and working on digitalization without the prior consent of the author we can

be on the incident of infringement of author's copyright. On digitalization practices done by cultural heritage institutions, is large sphere knowledge. The Albanian law on copyright provides exceptions from this protection with the clear purpose to protect, ensure and promote archives, being this institution Marubi Phototheque of other institution of cultural heritage.

In legal provisions is mentioned that due to the protection of the original work is allowed to make a copy in any form while in the case of digitized copies would then be inevitable to have their multiplication. The aim is to preserve the work that is likely to be damaged and in this sense the law has to provide provisions regarding an analog reproduction, by the other side the digitalization helps on finding a super audience and after that entering in a new mode of management suitable for the digital environment. The fact is that in Albania is a lack of legal provisions that regulate the practice of digitizing collections of works of cultural heritage, I am talking here about the way the treatment works on museum exposure. Another element remains the consideration and inclusion of TRIPS agreement in national laws, concretely on the chapters that contain the exceptions from protection on copyright. So the provisions of this agreement suggest to be taken into account in the national laws of copyright new exceptions that are appropriate for cultural heritage institutions. Perfect balance would be if the laws governing cultural heritage can ensure not only the physical protection of the authentic work but also the long-term public access on them for purposes already known

such as: knowledge and education to the culture of a society for centuries.

Often, cultural institutions that take initiatives in digitalization projects are not fully aware if they have, or may own, specific rights derived from activities that convert their physical form to digital form. Often exists the impression that some of them that do not agree to accept that these works are part of public domain or even if they are digitized works they have a copyright. These institutions in this process mostly are based on public domain status of such works. In the case of works that are in the public domain is not required authorization but when works are not on public domain you can act or being based on legal exceptions or you have to procure the author's consent. These institutions, at the same time are uncertain because allowing unlimited reproduction and digitization of their collections soon will reduce them significantly the sources of income. Some online libraries on the Internet that accumulate artworks shaped as image mainly in the public domain often face allegations of status of these digitized works. Examples of such cases are usually in jurisprudence regarding the status of these funds digitized, especially in terms of photography.

Every state institution in these conditions has its dilemmas to undertake such steps because it is about the national cultural heritage treasures, and of course that legal uncertainty in this case is present. If we talk about Marubi National Photo Archive it is understandable that it has a lot of problems experienced by a large number of member states of the EU with regard to the "obstacles to ensure that the material in the public domain remains in the public domain after digitization, mostly about the pictures and the rights of photographers" [1], "Fear of loss of control, the use of public domain materials to generate income and difficulties to protect the public domain status are reported as potential obstacles ...".

National Phototeque Marubi is created in 1970 after the donation that Gege Marubi has done to state to his personal archive that was an heridity of 3 generation and contained 150.000 photos. In this archive exists photos in negative form of all the formats, from 30x40 to 6x9 in glass editions. Photos have been collected from 1858 to 1959. This is one of the most rich archives of the Balkan. In it can find photos with different issues from ottoman vezires and officers to councils or ambassadors of different countries such as Italy, Austria, Rusia, Serbia France etc. Also there exists photos from the first and the second World Wars, important Albanian personalities such as: Luigj Gurakuqi, Ndre Mjeda, Adreni, Ernest Koliqi, etc. Gege Marubi the last element of the Marubi's dynasty was an genius of landscapes, portraits, he was also was a good master of infra-red photos, technique learned by him in France where he studied. This techniques was also used by other photographers of Shkoder such as Shan Pici which worked from 1926 to 1962 in Lezhe. He by himself donate to the state more than 70 photos in form of 18x24, 4x6 in glass plaques also films in celluloid. He was considered as the photographer of the north nature which in Albania is known with the name

of Malesi. The main topic of the photos donate by Shan Pici were: the urbanistic, the bazar, landscapes, sport and a lot of other topics.

European Commission concludes that "the legal provisions for digital reproductions of works in the public domain are unclear and require further attention", similar attitudes pointing to the fact that "public domain content in the analogue should remain in the public domain in the digital environment" [2] too are used very often. Therefore digitization activity primarily requires legal clarification to the required standard of originality and authorship. Another element is the classification of the work created by digitization. If the original works will be protected by copyright then works created by this process will be considered as derived works.

The impact of the copyright law and functions of digitalization projects.

The main subject of digitalization, in first instance is the ability of public to access in these archive and cultural heritage institutions through technology installed in their premises or from other countries via the Internet. In this way the original copy of the physical work will be less usable in the case of "fragile" works were due to the conditions of its asurance will be very difficult, but the digital copy allows the public to examine the contents with respect to each element, which in the case of original work in her physical condition it would not be possible because of its conditions. At this point the new law of copyright in the Chapter of restrictions allows to make a copy to the original work guaranteing besides preservation, protection or management of collections and access to the full on the content of any act which may be object of study or cultural — historical interest to the general public.

In cases where a donated collection consists on negative photographies, digitization provides a more effective way for the public to see and "enjoy" pictures. Similarly, even the oral histories or intangible heritage assets or folkloreik one are much more vulnerable and sensitive as well as more accessible when they are translated into digitized form. For example it would be very interesting and with particular cultural value for young generation to see materialized in the form of photography, through videogram or any form of adaptation, creations of visual art in the field of painting, sculpture and graphics, decorative monumental arts, oral histories in folk regime, which belong to the past historical periods.

Recordings of oral histories are easier to be reproduced and also is easier to utilize them in digital format. Reproduction of any work in digital format in any form is simple and can be reproduced on them and repeatedly. A different situation is in terms of digitizing the movies due to the practical limitations of the technology. It is impossible in accordance with internationally set standards for archiving film, for example, a film 30 min, for its [3] digital storage. In these terms their restoration ensures the function of their physical security.

Another secondary feature to digitize the collections of cultural heritage institutions is for storage purposes. Important for the protection and promotion of works and archi-

val institutions fund is no doubt initially maintaining their eventual impairment, to resist as much as their lifespan. However, according to specialists engaged with technical expertise of these institutions, the purpose of preservation through digital copy is not always perfect but has its difficulties. This is because of the operating system and requires a technological and considerable costs of logistics to conduct an archival collection or accurate the fund that virtually replaces the values and the importance of original physical work. The concept of digital materials in way to become inaccessible over time is a concern to experts in copyright field. The European KEEP [4] confirms that "any organization that depends on computer systems for its operation is sensitive to the threat of data loss due to obsolescence or its technical overhaul" [5].

One other function is to digitize collections on management purpose. This includes the register with the data, such as the physical condition of the works of archival fund to accumulate, their location, the status that is granted in cases if the donor has allowed for a volume or another lent to museums or other institutions of cultural heritage, providing information on the respect of copyright, etc.

Another important factor that influences the digitalization projects are works without author, which are works that are protected by copyright, but the owner can not be identified or defined. A substantial majority of the works that are part of the collections of cultural heritage institutions are such works without author. Things that are noticeable from different treatments seem literal doctrinal or works without an author appear as a matter of legal theory.

Should the cultural heritage institutions to benefit from digital technology projects to provide public access on the rise? On the other hand, should the cultural heritage institutions be affected by the risk of eventual author's apparition and can initiate legal proceedings for infringement of copyrights? [6].

It is difficult to determine whether we have a work online on the Internet that can be on the regime of the work without author, and has passed or not the duration of protection by the law of copyright, or is the author alive and still enjoys its right to copyright.

In fulfillment of the spirit of the law on copyright is important to design a legal document that each user or administrator of collections or of works can agree that has made all efforts to contact and identify the holder of the right and in any case it will be underposed to any legal action that will result as a consequence of use. Currently, our country has not yet become part of the directive on works without an author [7], reasoning that it will be integrated in the new law of copyright, which is expected to be approved soon, one year after its entry into force. This is due to the time it needed to be in way to make them parts and to integrate them in order such that the fulfills the obligations arising from the strategy of intellectual property but also national plan of European integration.

Significant obstacle remains the financing of these projects of digitalization, trained staff that will deal with this work as

costly as the most important and prudent to be implemented as and foremost the cost of maintaining the materials digitized audio-visual. What is required is that the picture, for example, does lose their integrity. So we can maintain multiple copies of archival collections in low resolution, but it does not allow for the researchers of the future to care for their full content in any digital file [8].

Treatment done by cultural heritage institutions to intellectual property issues

We can say that most of the institutions of cultural heritage in many countries do not have a formal policy on the treatment of intellectual property, these issues are fragmented, making the exception that some of them are in the process of developing such a policy. The most important application of the policy remain to purchase or donations or collections of works taking into account copyright and other rights to intellectual property relevant for each respective institution of cultural heritage based on the specifications of the exercise of their activity. The templates used for each collection donated should be formally complete to predict the copyright on those that are not public domain and in the parties agree to use them and report them to the owning other potential these collections.

To realize that there are other forms of conception but at its center to be involved the regulation of these collections in relation to copyright and making digital copies.

Conclusion

Cultural heritage institutions should apply clear legal norms in relation to their funds and use their archive forms part of ndyshme doing here the digital projects. However, this role must also play exemptions use of these archives in accordance with copyright. These provisions should express permission including the digital copies of their purpose, with the exception of those other collections or archival works for which the author has stated in writing not to digitize them. Another part that constitutes the public domain is easier in relation to copyright but made clear the position of the institution in their report for the purpose of reproduction profit. Undoubtedly, part of this relationship is the institution itself carrying these archives if there will be agreement on their commercial use.

On the other side of the cultural heritage of every institution should have the sensitivity to be removed from their website every act of derivative published at the request of the owner or right holder. Thus fulfilled even balance between public cultural interest as well as the rights of their owners. Furthermore to ensure that the objectives and policies of each institution to be in accordance with the legal basis of power for passing the format of archival copies of these institutions, facilitating the persistent problem of obsolescence of computer platforms to software and for ensuring that archives cultural heritage will remain accessible and protected also [9].

The important thing is verifying the status of the author of collections of cultural heritage institutions included in digitiza-

tion projects. In the proceedings of the projects of digitalisation of archives must be considered contractual provisions of agreements between the institution and the agency that makes this process by ensuring that cultural institution is the

holder of the copyright, the creator of these works derived originally from the digitization process. This clause will ensure that in exceptional cases in which these rights can arise is the cultural institution that owns these rights [10].

References:

1. See the Report on the Implementation of Commission Recommendation 2011/711/EU – Progress Report 2011–2013 of September 2014 “Digitisation, online accessibility and digital preservation”, available at <https://ec.europa.eu/digital-agenda/en/news/european-commissions-report-digitisation-online-accessibility-and-digital-preservation-cultural>, at 22.
2. See High Level Expert Group on Digital Libraries Sub-group on Public Private Partnerships, Final Report on Public Private Partnerships for the Digitisation and Online Accessibility of Europe’s Cultural Heritage, May 2008.
3. pg 15 – <http://ssrn.com/abstract=2040977>
4. The KEEP (– Keeping Emulation Environments Portable) Project is co-ordinated by the Bibliothèque Nationale de France and co-funded by the European Union’s 7th Framework Programme’s ICT-3–4.3 Digital libraries and technology enhanced learning priority.
5. The KEEP (– Keeping Emulation Environments Portable) Project is co-ordinated by the Bibliothèque Nationale de France and co-funded by the European Union’s 7th Framework Programme’s ICT-3–4.3 Digital libraries and technology enhanced learning priority.
6. Archiving our culture in a digital environment: copyright law and digitisation practices in cultural heritage institutions- Susan Corbett School of Accounting and Commercial Law Victoria University of Wellington – pg 18.
7. The european Directive Nr 2012/28.
8. KEEP (Keeping Emulation Environments Portable) Project – Abstract (September 2009) KEEP Newsletter 1 <https://www.keep.project.eu>.
9. The need for a format shifting exception to copyright for CHIs in the UK was also mentioned in The Gowers’ Review of Intellectual Property (HM Treasury, London, December 2006): see Recommendation 10b.
10. The digitization of cultural heritage: originality, derivative works and (non) original photographs Thomas Margoni – pg 54.

*Dzhansarayeva Rima Yerenatovna,
al-Farabi Kazakh National University, Head, Chair of Criminal Law,
Criminal Process and Criminalistics, Doctor of Law, Professor
E-mail: jansarayeva@mail.ru*

*Malikova Sholpan Baltabekovna,
al-Farabi Kazakh National University,
associate professor Chair of Criminal Law, Criminal Process
and Criminalistics, candidate of jurisprudence*

About the classification of migration

Abstract: The article provides an overview of theoretical approaches to the classification of migration. United universally accepted classification of migration does not exist. Spatial movements are diverse in nature and depending on the target symptoms are classified into different types. Classification of migration is necessary for understanding this phenomenon.

Keywords: international migration, internal migration, seasonal migration, commuting, labor migration, illegal migration.

For understanding of the migration’s essence it is necessary to classify the types of migration that will allow to trace its direction. Despite the attention of scientists from many countries to this phenomenon, a single universally accepted classification of migration does not exist. Spatial movements are diverse in nature and depending on the applied target attributes can be classified into different types.

Thus, having been the basis for classification of migration forms the purposes of departure, A. U. Homra highlights the industrial migration (related to work in various sectors of industry, agriculture) and non-productive (related to the service, consumption, and leisure). Depending on the category of migrants crossed the administrative-territorial boundaries he allocates intra village council, interdistrict and

raionwide, inter-state and intra-state forms of migration. The author also highlights the spontaneous and nonspontaneous, voluntary and forced, organized and unorganized forms of migration [1, 8–10].

The classification of population shift offered by M. B. Denisenko, V. A. Iontsev, B. S. Horev represents interest, and it is based on three main categories: type, look and form. Considering that the migratory movements happen as within the country, and between the countries, they allocate two main types of population shift: international (interstate, external) and internal (interstate) [2, 7–8].

The international migration includes both immigration and emigration. Immigration (from lat. “immigro” — become implanted) is an entry into the country of foreigners for the purpose of continuous accommodation in it or long stay and, as a rule, obtaining nationality. [3, 58].

Emigration (from lat. *emigre* — evicted) is a departure from one country in another on continuous accommodation (sometimes for vaguely long time), as a rule, with nationality change. [3, 332].

M. B. Denisenko, V. A. Iontsev and B. S. Horev consider that the main types of migration are: resettlements (irrevocable, stationary migration), seasonal and pendular migration. They allocate organized and unorganized migrations in a form. [2, p. 7–8] Classification of population shift offered by authors allows to reflect various territorial movements in the interconnected hierarchical system and, undoubtedly, is a step forward in scientific judgment of migratory movements. However it is impossible to consider it exhaustive, because other essential criteria, for example the reasons, motives of migratory movements, legality of such movements, etc. aren't considered in it.

A. I. Dolgova allocates the following main types of migration:

- stationary, when people move on a new residence on a constant basis, receive a registration, also get a job, etc.;

- seasonal, connected with temporary moving for performance of specific economic objectives (various crafts — fish, prospecting, etc.);

- pendular when people make daily moving from a residence to a work place and back;

- incidental, connected with temporary change of a residence for the period depending on the arrival purposes (business trips, trips, family visit, trips for rest and with other personal purposes) [4, 818].

A. Fedorako, having taken as a classification feature the causes of migratory movements, subdivides population shift on economic, political, ecological, recreational, related, ethnic, etc.

Political migration, according to the author, happens because of different prosecutions, and also political emergency situations (wars, revolutions, armed conflicts, political deportations, etc.).

The author considers that the reasons of economic migration are a low level of living, desire to earn and find decent

work, etc. To economic migration he refers labor and shuttle migrations which differ with that at labor migration the migrant “sells” the work in the state of entrance, and “shuttles” only acquire goods in the foreign state which realize in the homeland.

In turn, labor migration is subdivided by him into migration of low qualified and highly skilled labor.

As the scientist believes, ecological migration is caused by a catastrophic state of environment of certain regions of Earth (floods, desertification, environmental disasters of anthropogenous character — radiation contamination of the territory, etc.).

Related migration is a migration on family circumstances and is connected, as a rule, with reunion of families. Recreational migration is territorial movements for rest or tourism.

Ethnic migration is territorial movements of the separate people, ethnic groups: both moving on the historical homeland, and eviction from the rendered habitable lands [5].

The voluntary and compelled migrations are allocated depending on motives of movement. Voluntary migration is a people movement in space at own will. At the compelled migration movement is carried out owing to the force majeure menacing to person's life or health. Individual prosecution, war, general violence, serious violations of human rights, tortures and others cruel, inhuman or degrading treatments and punishments, etc. are immediate causes of the compelled migration.

Population shift on duration of absence of the migrant in exit places and on duration of its stay in installation places can be long-term (irrevocable) and short-term (seasonal and other temporary order) [6, 18].

With regard to compliance with migration law, migration can be legal and illegal. Despite active use of the term “illegal migration”, accurate and unambiguous definition of it is not present. According to A. Fedorako, “illegal migration is a migration that occurs in violation of the legal norms adopted in a particular country and establish the grounds and procedure of entry, transit, stay and departure from the country of foreign citizens and stateless persons” [5].

At the international and national level for people designation, who drive to the country or are in it without the corresponding permission of the authorities, a variety of terms is used, calling them: illicit migrants, illegal migrants, migrants with the illegal status, persons with not settled status, etc.

At the international level attempts to develop the uniform term for this category of persons were made. So, at the International conference on the population and development in 1994 it was offered to use the term “persons without documents”. However it can be hardly considered successful as the migrant who drove with observance of all legislation requirements can become illegal (for example, having the national passport, the entry visa etc.), but he or she didn't leave the country after the allowed stay term. The term “the person with not settled status” which defines a legal status of the called category of persons more precisely is recom-

mended for use at the International symposium on migration in Bangkok in 1999.

In accordance with Article 1 of the Cooperation Agreement of states-members of the Commonwealth of Independent States in the fight against illegal migration, “illegal immigrants are citizens of third countries and stateless persons who have violated the rules of entry, exit, residence or transit through the territory of the Parties, as well as citizens of the Parties, violated the staying rules in the territory of one Party, established its national legislation”.

Proceeding from this norm, the illegal migrant is the foreigner who violated requirements of the legislation, which determines the rules of entry into the country, transit, stay and departure from the host country.

Allocation of the additional concretizing signs that allow to consider the studied phenomenon from the perspective of the science of criminal law cycle produced birth and such definitions, as: “illegal migration”, “criminal migration”, “crime of migrants” and “migratory crime”.

So, T. B. Smashnikova considers that “illegal migration is the voluntary or compelled movement of the population through frontiers for the purpose of changing their staying or residence place made with violations of the law operating in the territory of the migration state.

Criminal migration is a voluntary or forced displacement of people across national or administrative borders of territories for the purpose of clearly illegal stay on the territory of the host state to carry out criminal activities, attracting socially dangerous consequences and getting under action of standards of the criminal legislation.

Illegal migration is the voluntary or compelled population movement through the state or administrative borders of territories for the purpose of changing their staying or residence place which is obviously made with violations of the migratory legislation existing in the territory of the migration state, but without the expressed criminal character” [7, 7].

Criminal and illegal migration are different concepts though having the general signs the main thing from which is illegality. So far as concerns illegal migration, first of all, standards of the migratory legislation, that is an established order of entrance, departure, stay and transit of certain persons to the country are broken. For concept of criminal migration an obligatory sign is violation of criminal precepts of law, or attempt at their violation, and also the purpose of commission of crime, and observance or non-compliance thus with standard provisions on migratory regulation is not important.

In the concepts “criminal” and “illegal” migration, along with distinctions, it should be noted their interrelation. Yu.Yu. Byshevsky allocates two basic connecting elements:

— the legal — these two phenomena are connected with violation of law precepts.

— the personal — the person which violated administrative precepts of law is already inclined to illegal behavior and isn't excluded that further it will be capable to make more dangerous act, including criminal [8].

If to proceed from the fact that the word “legal” comes from latin “legalis” and means solvable, recognized as the law, respectively, “illegal” has the return value.

In this way, if to proceed from literal interpretation of the term “illegal” migration, just refers to unlawful migration.

References:

1. Homra A. U. Migratsiya naseleniya: voprosy teorii, metodiki issledovaniya/A. U. Homra. – Kiev: Navuk. Dumka. – 1979. – 148 s.
2. Horev B., Denisenko M., Iontsev V. Migratsiologiya. Uchebnoe posobie. – M.: Izd. MGU. – 1989. – 96 s.
3. Yudina, T. N. Migratsiya: slovar osnovnykh terminov/T. N. Yudina. – M.: Izd-vo RGSU, 2007. – 472 s.
4. Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov/Pod obsch. red. d.yu. n., prof. A. I. Dolgovoy. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Norma. – 2005. – 912 s.
5. Fedorako A. Migratsiya naseleniya: ponyatie, prichiny, posledstviya//Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy. – 2012. – # 4. – S. 3–11.
6. Popova, A. H. Metodologicheskie osobennosti izucheniya migratsii naseleniya: uchebnoe posobie/A. H. Popova, F. H. Abaeva, V. N. Chapek. – Ordzhonikidze: RIO OOGU. – 1986. – 30 s.
7. Smashnikova T. B. Administrativno-pravovoe protivodeystvie nezakonnoy migratsii v Rossiyskoy Federatsii i Respublike Belarus: sravnitelno-pravovoy analiz. – avtoref. ... diss. kand. yurid. nauk. – Chelyabinsk. – 2012. – 20 s.
8. Migratsiya kak kriminologicheskaya problema. Monografiya/Byishevskiy Yu.Yu. – Stavropol: Izd-vo SevKavGTU, 2007. – 258 s.

*Dzhansarayeva Rima Yerenatovna,
al-Farabi Kazakh National University, Head, Chair of Criminal Law,
Criminal Process and Criminalistics, Doctor of Law, Professor
E-mail: jansarayeva@mail.ru*

*Malikova Sholpan Baltabekovna,
al-Farabi Kazakh National University,
associate professor Chair of Criminal Law, Criminal Process
and Criminalistics, candidate of jurisprudence*

About the migration situation in the Republic of Kazakhstan

Abstract: The article characterizes contemporary migration situation in the Republic of Kazakhstan. Stable economic growth has led to conditions of Kazakhstan's transition from the category of the sending country in the category of the host. Modern migration situation in Kazakhstan is characterized by a significant increase in the volume of labor migration. In connection with the growing economic attractiveness of Kazakhstan is increasing the number of migrant workers who wish to work in Kazakhstan. There has been an increase in the quota for foreign labor for realization of labor activity on the territory of the Republic of Kazakhstan. Unstable socio-economic and socio-political situation in a number of countries led to the presence of refugees in the Republic of Kazakhstan, the number of which is increasing annually. The growing number of immigrants in Kazakhstan brings to the agenda the question of ensuring their rights. Actualized the problem of illegal migration and crime.

Keywords: migration, migration situation, labor migration, illegal migration, migration crime.

Migration issues are common to all states of the modern world. After gaining independence from their faces and the Republic of Kazakhstan. In the process of rapid globalization, many states have set themselves the task of finding adequate solutions to the problems related to migration processes themselves and the processes generated by this phenomenon. The integration of Kazakhstan into the international space made it necessary to engage in the process of regulation of migration processes at the global level. Kazakhstan has acceded to the Convention on the Status of Refugees, the International Labour Organization conventions, ratified the agreement on cooperation with the International Organization for Migration.

In the early years of independence in Kazakhstan, there is a consistent tendency of exceeding the number of citizens who have left the country over the number of entrants. Comparison of the Soviet census of 1989 and the census in Kazakhstan in 1999 shows a decrease in the population of the republic for 10 years 1 mln. 511 thousand people. [1] In 1990, our country has left 729 579 people in 1999, the trend of departure from Kazakhstan fell by almost half — 397 374 people. Emigration reached the highest level in 1994, when the country has left 804 391 people, and the negative balance of migration amounted to more than 406 000 people. In the late 90's and early 2000s due to lower intensity of emigration flows observed stabilization of the negative balance of migration. Since 2004, population growth has resumed a positive trend and grew until 2011, when it was granted 1 mln. 353 permits to foreign nationals.

From 2004 to 2012 in Kazakhstan was positive net migration due to an active immigration policy, particularly in the area of ethnic repatriation. The first state solution regulating migration, in particular, the development of the immigra-

tion of Kazakhs in Kazakhstan, adopted November 18, 1991 № 711 "On the order and conditions of resettlement in the Kazakh SSR persons of the indigenous nationality, wishing to work in rural areas, from other republics and foreign countries". As a result, in 1991–1992, in the Republic of Kazakhstan arrived 13,188 families — 61,609 people, and between 1991 and 2014, more than 952,100 of the five million ethnic Kazakhs have returned to Kazakhstan, making a significant share of immigrants in Kazakhstan (5.5% of the total population).

From 1992 to the 3rd quarter of 2015 the Ministry of the Interior granted the citizenship of the Republic of Kazakhstan 965.1 thousand people, including 859.0 thousand. (89%) — repatriates.

Registered out of citizenship to 10013 persons.

For 9 months of 2015 the citizenship of the Republic of Kazakhstan made 5.8 thousand people, including 1.2 thous. (23.6%) — repatriates.

Most accepted the citizenship of the Republic of Kazakhstan are immigrants from the Republic of Uzbekistan (903 pers.), China (244), Russia (34) and Mongolia (30).

The simplified procedure of citizenship of the Republic of Kazakhstan made 5.2 thousand people.

At present, the draft law "On amendments and additions to some legislative acts of Kazakhstan on migration and employment" provided for repatriates reduction of the term of residence for citizenship Kazakhstan up to one year.

In 2012 and 2013, again a decrease in the number of entrants to the country for 1426 and 279 people respectively, which was due to a decrease in the level of immigration. One reason for the slow emigration Kazakhstanis abroad, is a dynamic growth of living standards in Kazakhstan.

In general, according to the Ministry of Internal Affairs of Kazakhstan registered legal migration from neighboring countries (the former Soviet Union) was in 2009 year — 1036484 people, in 2010 year — 1129892, 2011 year — 1216215, 2012 year — 928140, 2013 year — 820310.

Temporary migration from non-CIS countries consists mainly of citizens of China and Turkey, followed by citizens of Mongolia and India, the European states are represented by immigrants from Germany, Britain and Italy.

Every year an increasing number of refugees. So, in 2013, all were registered — 539 people (124 families). The refugees came from the following countries: Afghanistan — 517, Uzbekistan — 11, Syria — 2, China — 5, Ethiopia — 1, Somalia — 1, Palestine — 1, Egypt — 1.

In 2014, all were registered — 640 people (138 families) from the following countries: Afghanistan — 602, Uzbekistan — 16, Syria — 12, China — 5, Ethiopia — 1, Somalia — 1, Ukraine — 1, Palestine — 1, Egypt — 1.

As of October 1, 2015 the number of recognized refugees in the Republic of Kazakhstan is 678 people (143 families). The refugees are registered in four regions: Almaty (383 pers.), South Kazakhstan (240), Almaty (49) and Zhambyl (6) of the region.

The refugees came from the following countries: Afghanistan — 633, Syria — 18, Uzbekistan — 16, China — 5, Ethiopia — 1, Iran — 1, Ukraine — 1, Palestine — 1, Egypt — 1, Turkmenistan — 1.

Contemporary migration situation in Kazakhstan is also characterized by a significant increase in the volume of labor migration. There has been an increase in the quota for foreign labor for realization of labor activity on the territory of the Republic of Kazakhstan, established annually by the Government of the Republic of Kazakhstan. In connection with the growing economic attractiveness of Kazakhstan is increasing the number of migrant workers who wish to work in Kazakhstan.

Accession to the UN Convention on the Status of Refugees 1951 and Protocol of 1967, the unstable socio-economic and socio-political situation in a number of countries led to the presence of refugees in the Republic of Kazakhstan, the number of which is increasing annually.

The intensity of internal migration shows the movement of population from rural areas to regions with higher living standards and infrastructure of the environmentally disadvantaged regions to regions with better ecological environment.

Socio-economic problems of the population and, in particular, the migration are among the major issues of all highly developed countries, who currently spend a special selective immigration policy in respect of foreign nationals arriving. Along with this, a number of countries in order to preserve national identity and the identity of their States, conduct a specific ethno-historical migration policy. Kazakhstan belongs to the states, are actively implementing the migration policy of ethnic repatriation.

The geopolitical location of the Republic of Kazakhstan, the transparency of borders with the CIS countries, the ab-

sence of a single coherent policy and imperfect legislation, a favorable economic climate, social and political stability, the liberal international migration policy are the main factors contributing to illegal immigration in the country.

According to the International Organization for Migration, Kazakhstan is among the countries of the world, where the most powerful migration processes. Stable economic growth, the emerging since the early 2000s, at the transition of Kazakhstan led premise of the discharge of the sending country in the category of the host. Currently, Kazakhstan is a leader in Central Asia on the influx of immigrants. The growing number of immigrants in Kazakhstan brings to the agenda the question of ensuring their rights. On the other hand, it updated the problem of illegal migration and crime. Illegal migrant status gives rise to major challenges: growing level of criminalization of society, both at the expense of criminality among migrants and by crimes against migrants: corruption, exploitation and the use of slave labor, non-payment of termination, robbery; emerging threats to economic security, public health, etc.

The crime of illegal migration is clear. It is traditionally considered in criminological doctrine as a background phenomenon of crime, t. E. Being itself is not a crime, illegal migration has the ability to produce various types of crime. Illegal migration is often used to commit illegal actions against drugs, weapons, currency, to commit other criminal acts, to search for clandestine infiltration into other countries, expands the basis for the activities of organized criminal groups and international terrorist and extremist organizations, enhances the threat to the national security of the host State. The criminal statistics has been a steady increase in crimes committed by foreigners and stateless persons.

The migration processes have a negative impact on the crime situation in different regions of the country. So, for violations of migration legislation have been reported following the crime.

Deliberate illegal crossing of protected frontier of the Republic of Kazakhstan (art. 330 of the Criminal Code) — in 2010 year — 115 crimes, in 2011 year — 104, 2012 year — 118, 2013 year — 180, 2014 year — 149, in the first nine months of 2015 year — 175.

Failure to comply with the decision on expulsion (art. 330-1 of the Criminal Code) — in 2010 year — 186 crimes, in 2011 year — 72, 2012 year — 61, 2013 year — 87, 2014-79, for the first nine months of 2015 year — 603.

The organization of illegal migration (art. 330.2 of the Criminal Code) — in 2010 year — 15 crimes in 2011 year — 19, 2012 year — 30, 2013 year — 46, 2014 year — 125, in the first nine months of 2015 year — 37.

Repeated violation of the rules of engagement and use of the Republic of Kazakhstan of foreign labor (art. 330-3 of the Criminal Code) — in 2010 year and 2011 year — 4, 2012 year — 5, 2013 year — 1, 2014 year — 2, in the first nine months of 2015 year — 3.

In recent years, the territory of Kazakhstan, more crimes committed by nationals of other countries and stateless persons. Thus, according to official statistics, in Kazakhstan in

2012 year, foreigners had committed the crimes in 1988 year, in 2013 year their number increased to 2143; for 8 months in 2014 year crime was committed in 1467, which is higher than the previous year by 4% (1346).

The proportion of crimes against foreigners remain low and each year does not exceed 0.4% of the total registered. For example, in 2012 year it was 0.4% (783 out of 196 552), in 2013 year — 0.3% (960 out of 276 008). For 8 months of 2014 year in relation to foreign nationals committed a crime against 813 761 during the same period last year.

Despite the fact that the share of this species of crime in the total number of crimes committed relatively low, their dynamics and intensity determine the need for, including a scientific solution to this problem. This criminal phenomenon requires a detailed study of a number of reasons, not only determined by a significant increase in crimes committed by foreign citizens and stateless persons, and the number of acts directed against them, due to the increased victimization of individuals.

References:

1. Ishik Kushchu, "Ethnic Return Migration and Public Debate: The Case of Kazakhstan", *International Migration*, vol. 52 (2), 2014. – P. 184–189.

*Zhesterov Pavel Valer'evich,
candidate of law All-Russian Scientific Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
the doctoral candidate
E-mail: zhesterov@mail.ru*

*Simmons Paul,
Ph. D. in History, Lomonosov Moscow State University,
visiting lector of modern history
E-mail: simmonspaul@hotmail.com*

The criminal repression of the military for crimes in Russia: historical and legal aspect

Abstract: This article is devoted to the interdisciplinary problem criminological understanding of military history of punishment in the Russian Empire in the period from 1864 to 1917. It was during this historical period of time the key legal acts adopted military criminal law and finally develops a system of penalties for the crimes of the military.

Keywords: criminal repression, criminal policy, military reform, crimes of the military personnel, criminal penalties, corrective punishments, prisoner companies, military and corrective companies.

*Жестеров Павел Валерьевич, кандидат юридических наук,
Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации, докторант
E-mail: zhesterov@mail.ru*

*Симмонс Пол, доктор истории,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
приглашенный лектор по истории
E-mail: simmonspaul@hotmail.com*

Уголовная репрессия за преступления военнослужащих в России: историко-правовой аспект

Аннотация: Данная статья посвящена междисциплинарной проблеме криминологического осмысления истории наказания военнослужащих в Российской Империи в период с 1864 г. по 1917 г. Именно в этот исторический отрезок времени принимаются ключевые правовые акты военно-уголовного законодательства и окончательно складывается система наказаний за преступления военнослужащих.

Ключевые слова: уголовная репрессия, уголовная политика, военная реформа, преступления военнослужащих, уголовные наказания, исправительные наказания, арестантские роты, военно-исправительные роты.

Уголовная репрессия есть «основной элемент уголовной политики, характеризующейся специфическим предупреждением преступлений с помощью уголовно-правовых средств» [1, 13]. Следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что «решение задачи предупреждения преступлений неразрывно связано с глубоким криминологическим анализом преступности, ее разнонаправленной оценкой, как в ретроспективном, так и в прогностических аспектах» [2, 7]. Исследование уголовной репрессии за преступления военнослужащих согласуется с общей направленностью развития криминальной ситуации в стране, так как «все позитивные и негативные тенденции и закономерности, свойственные государству и обществу в целом, в полной мере проявляются и в войсках» [3, 3].

Традиционно ретроспективный анализ уголовной репрессии за преступления военнослужащих большинство исследователей осуществляет в рамках дореволюционного периода. Первые упоминания института уголовного наказания военнослужащих относятся к периоду реформ Александра II. Поражение русской армии в Крымской войне (1852–1856 гг.) дало толчок к военной реформе, нацеленной на создание в России постоянно действующей армии. В свою очередь перевод российской армии на качественно новый уровень функционирования и необходимость поддержания в ней более строгой дисциплины обусловили модернизацию военно-уголовного законодательства.

В середине 1860-х гг. были утверждены Воинский устав о наказаниях [4], Устав дисциплинарный [5], Военно-судебный устав [6]. Уголовная репрессия того времени в полной мере отражала на реакцию государства на совершаемые военнослужащими преступления и иные «негативные моменты в социальной истории армии» (братания, дезертирство, членовредительство, разбой, мародерство, пьянство, разврат) [7, 47].

Спецификой института уголовного наказания военнослужащих являлось то, что оно преследовало «не только общеуголовные цели наказания, но и специфическую для военной отрасли — поддержание дисциплины» [8, 140]. Это обстоятельство в значительной степени повлияло на построение системы наказаний за совершение военнослужащими преступлений. С 1 сентября 1868 г., когда Воинский устав о наказаниях был введен в действие, уголовная репрессия за преступления военнослужащих стала представлять собой две группы наказаний: уголовные и исправительные. Уголовные наказания были предусмотрены за тяжкие преступления, такие как убийство и государственную измену. Исправительные наказания назначались за менее тяжкие преступления, например, за самовольную отлучку [9].

Надо отметить, что уголовные наказания военнослужащих отличались строгостью. За совершенное военнослужащим преступление могло быть назначено наказание в виде расстрела или повешения, ссылки на каторжные работы от четырех лет до пожизненного срока, заточение в крепости от 10 до 20 лет. Уголовные преступления также влекли за собой лишение всех прав и преимуществ,

исключение из службы (статьи 24–37 Воинского устава о наказаниях) [4].

Кроме того, наказания за преступления зависели от звания осужденного и вида преступления. Наиболее суровым наказанием для офицеров было заключение в крепость продолжительностью до четырех лет. Это не предусматривало исключение из службы, но обозначало потерю прав на продвижение по службе и получение медалей (статьи 24–37 Воинского устава о наказаниях) [4].

Другие исправительные наказания для офицеров заключались в: размещении в военно-исправительных ротах или содержании на гауптвахте сроком до двух лет, денежном взыскании, разжаловании в должности и исключении из службы. Если офицера судили за наживу, он не имел больше права работать на правительство и участвовать в выборах (статьи 27–41 Воинского устава о наказаниях) [4]. Примечательно, что во время Первой мировой войны наиболее распространенное преступление офицеров и солдат, которое влекло исправительное наказание, состояло в плохом поведении. На практике единственным реальным наказанием было содержание на гауптвахте, на хлебе и воде.

В первой половине XIX века солдаты, приговоренные к исправительному наказанию, отправлялись в так называемые «штрафные части» (арестантские роты), где они выполняли физический труд [10, 216]. Арестантские роты послужили прообразом военно-исправительных рот, созданных в результате утверждения 16 мая 1867 г. Положений о военных тюрьмах, о военно-исправительных ротах, о крепостных военно-арестантских отделениях [11]. Во вновь сформированных ротах, размещавшихся в местах дислокации расформированных военно-арестантских рот, обучали грамоте, проводили занятия по гимнастике [11]. Таким образом, это был первый шаг на пути разделения гражданских и военных заключенных. Следующим шагом стало принятие Воинского устава о наказаниях, который предусмотрел, что только военные преступления могли быть наказаны исправительными наказаниями. Вскоре военно-исправительные роты переросли в дисциплинарные воинские части и дисциплинарные батальоны.

Специализированные подразделения для исполнения наказания военнослужащим появились в России в 1878 г. Их цель состояла во внушении заключенным чувства дисциплины и долга, во время отбывания ими наказания. Службу в дисциплинарных батальонах определял либо военно-окружной суд, либо полковой суд. Срок службы мог длиться от одного года до трех лет. Функционирование дисциплинарных батальонов подчинялось военным нормам. Заключенных содержали в казармах. Они маршировали, занимались гимнастикой, фехтованием, стрельбой, чтением. Заключенным, отличившимся хорошим поведением и усердием в работе, могли сократить срок на пять-шесть месяцев от первоначального приговора [12, 133–136]. Солдаты, приговоренные к пребыванию в батальонах, по-прежнему числились в своих полках, и до 1913 г. служба

в дисциплинарном батальоне добавлялась к их общей воинской повинности.

В соответствии с Уставом дисциплинарным большинством обычных наказаний для военнослужащих до Первой мировой войны заключались в размещении в дисциплинарном батальоне или части не более чем на три года, или в одиночном заключении в военной тюрьме продолжительностью до четырех месяцев, в зависимости от тяжести преступления.

Первые военные тюрьмы были созданы в 1867 г., а заключенные должны были отбыть большую часть приговора в одиночной камере, без права посещения. В 1875 г. срок максимального приговора был снижен с шести до четырех лет. Заключенные имели право покидать свои камеры для ежедневных упражнений и прогулок. В это время они должны были хранить молчание [5].

С началом Первой мировой войны в соответствии со статьей 1429 Военно-судебного устава все исправительные наказания (в том числе направление в дисциплинарные батальоны), назначенные в театре военных действий (например, в окопах), откладывались на послевоенное время. Солдаты, приговоренные к таким наказаниям, теряли определенные права и преимущества, становились *штрафованными*. У них не было возможности продвигаться по службе, они не имели права служить в почетном карауле, защищать полковое знамя, а также принимать участие в других торжественных событиях. Им давали дополнительные наряды, и они могли получить телесные наказания, если продолжали совершать преступления. Им не полагался отпуск, они могли уйти лишь на один день с разрешения командира роты, но не раньше вечерней переклички. Солдаты низшие по званию также могли быть штрафованными (статьи 83–88 Дисциплинарного устава) [5]. Разжалование до статуса «штрафованного» назначалось решением суда в мирное время, и по приказу офицера в военное время. Штрафованный военнослужащий, отбывающий условное наказание, который проявил храбрость и героизм, мог быть помилован [13].

К началу XX века вопросы дисциплины в отрядах русской армии стал меньше зависеть от командования воинского подразделения. Официально российский военачальник мог лишь назначить дисциплинарное наказание за мелкие проступки; в других случаях должен был состояться полковой суд. Несмотря на это, российские командиры сохраняли за собой право назначить определенные наказания без суда, так как власти боялись, что полное лишение офицеров власти вершить все формы наказания, подорвет их авторитет.

Наказания в Уставе дисциплинарном делились на две категории: для офицеров и для рядовых. После отмены

телесных наказаний в 1904 г. сохранившиеся дисциплинарные наказания состояли из: воспрещения отлучаться из казармы на время больше одного месяца; назначения вне очереди нарядов; простого ареста сроком не более одного месяца; строгого ареста не более чем на 20 дней; усиленного ареста; лишения ефрейторского звания; уменьшения оклада. Дисциплинарные наказания должны были осуществляться незамедлительно. Однако по большей части они были не совсем неуместны для преступлений, совершенных в военное время, в частности, на фронте (статьи 13–16 Дисциплинарного устава) [5].

Осужденные солдаты находились под различными видами ареста: простого, строго и усиленного. Лица под простым арестом содержались в одиночных камерах, спали на нарах и получали еду от своих кампаний. Солдаты под строгим арестом получали только хлеб, соленую воду и чай, а горячая пища выдавалась через день. Заключенные, содержащиеся под усиленным арестом, содержались в темной камере. Им был запрещен табак, водка, игры, песни и общение с другими солдатами. Военнослужащие сержантского состава подвергались наказаниям в виде выговора и лишения права продвигаться по службе (статьи 74–76 Дисциплинарного устава) [5]. Существовала практика применения в отношении солдат так называемой *ставки под ружьем*, что обозначало стояние навтыжку на протяжении многих часов в полном вооружении, с полной выкладкой в окопах (статьи 13–16 Дисциплинарного устава) [5]. Некоторые военачальники били солдат в лицо (мордобитие) или использовали известный русский мат [14, 126].

Определенные виды наказаний могли быть изменены после вынесения приговора, если обстоятельства допускали это. Например, заточение в крепости могло быть заменено на содержание на гауптвахте, если крепость располагалась очень далеко или не было возможности перевезти заключенного. Взыскания, которые не могли быть оплачены, заменялись на тюремное заключение от десяти дней до четырех месяцев, в зависимости от суммы. Кроме того, приговоренных к смертной казни мог помиловать лично Император, а в военное время также и главнокомандующий армией. В этом случае высшая мера наказания заменялась на пожизненную ссылку и каторжные работы (статьи 52–62 Воинского устава о наказаниях) [4].

В заключении следует отметить, что вновь созданные Воинский устав о наказаниях и Устав дисциплинарный четко определили стандарты наказаний военнослужащих, послуживших эффективным средством предупреждения совершения ими преступлений, вплоть до их отмены в период ранней революционной законности 1917 года.

Список литературы:

1. Жестеров П. В. Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе: монография/под науч. ред. Г. Ю. Лесникова. – М.: Проспект, 2015. – 64 с.
2. Краснова К. А., Волкова М. А. Исторический аспект развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за бандитизм//История государства и права. 2011. № 20. С. 7–11.

3. Жестеров П. В. Криминологическая характеристика и предупреждение дезертирства среди военнослужащих срочной службы внутренних войск: Дис/канд.юрид.наук. – М., 2006. – 169 с.
4. Воинский устав о наказаниях: Высочайше утвержденный 27 марта 1875 года. – 2-е изд., дополненное позднейшими узаконениями и распоряжениями по 1879 год. – Казань: Университетская типография, 1879. – 119 с.
5. Устав дисциплинарный//Свод военных постановлений 1869 года. Кн. 23. 4-е изд. (по 1 января 1913 года). – СПб: Государственная типография, 1913. – 40 с.
6. Военно-судебный устав 1867 г. /И. М. Погорелкин – М.: Книга по Требованию, 2011. – 449 с.
7. Письма с войны 1914–1917/составление, комментарии и вступительная статья А. Б. Астахова и П. А. Симмонса/. – М.: Новый Хронограф, 2015. – 800 с.
8. Янченко Е. Е. Наказание военнослужащих за преступления в дореволюционной Руси//Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 137–141.
9. Simmons P. Discipline in the Russian Army in the First World War: Thesis (Ph. D.). – Oxford: University of Oxford, 2011. – 223 p.
10. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России/Л. Г. Бескровный. – М.: Воениздат, 1973. – 616 с.
11. Гвоздков С. В. Военно-тюремная система российского государства в 1825–1914 гг.: историческое исследование: Автореф/дис.канд.истор.наук. – М., 2011. – 25 с.
12. Кепель О. В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в российской армии, 1874–1914 гг.: Дис/канд. истор. наук. – М., 2007. – 246 с.
13. Приказ военного министерства от 30 июля 1914 г. № 464//Приказы по Военному ведомству за 1915 год. № 1–695. Алфавитный [и хронологический] указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного Штаба за 1915 год. – СПб, 1915. – 860 с.
14. Чаадаева О. Н. Солдатские письма в годы мировой войны//Красный архив. 1934. № 4–5 (65–66). С. 118–164.

Contents

Section 1. Journalism.....	3
<i>Djumagazieva Nurjan</i>	
Kyrgyz Aqyns Toktogul and Togolok Moldo about nature and environment.....	3
<i>Nakonechna Zoriana Ivanivna</i>	
The peculiarities of formation of the repertoire of the periodicals of the concern	
“The Ukrainian press”	7
Section 2. Cultural studies	11
<i>Shahla Badir Naghiyeva</i>	
Maintenance of meaning and form in poetry translation.....	11
Section 3. Linguistics.....	15
<i>Khrisonopulo Ekaterina Yurievna</i>	
The interactive dimension of personal reference in dialogic responses: the case of <i>I bet</i>	
and <i>you bet</i> in English	15
<i>Hamaliia Vladyslava</i>	
Die rolle des tempos in der prosodischen gestaltung eines werbetextes	19
Section 4. Pedagogy	22
<i>Ajibayeva Aynura Jakshymbekovna</i>	
Some questions of quality management of training in higher education institution	22
<i>Kuzina Irina Valeryevna</i>	
Media representation as way of formation of common cultural competences of process of	
professional formation of future teachers.....	24
<i>Asipova Nurbubu Asanaliyevna, Karabalaeva Gulmira Tashtanovna,</i>	
<i>Mamyrova Meerim Ishenbekovna</i>	
Valuable orientations of modern students and the ways of their formation in the process	
of curatorial work	28
<i>Gurov Valeriy Nikolaevich, Ivantsova Natalya Aleksandrovna</i>	
School methodological support in the context of the creation and implementation	
of innovative models of modern school	31
<i>Mironycheva Valentina Fyodorovna</i>	
Technology of productive design training in spiritual and moral education of school students.....	36
<i>Prikhodko Aliona Mykhailivna</i>	
Role kvaziprofessionalnoy activity in the formation of professional communicative competence	
of foreign students in higher technical educational institutions.....	39
<i>Roshchin Igor Genadievich</i>	
Historical aspects of occurrence of physical preparation as the focused pedagogical process.....	42
<i>Tastemirova Gulshara Asilbaevna, Ibragimova Meruert Nurhjigitovna</i>	
Some peculiarities of teaching kazakh to afghan listeners	45
<i>Umarbekova Anara Anarbayevna</i>	
The pedagogical help to parents concerning the organization of studies of pupils of initial classes.....	46
<i>Fedoseyeva Natalia Viktorovna</i>	
Problems of selection and structuring content of spiritual and moral education	49
<i>Fedoseyeva Natalia Viktorovna</i>	
Variety of forms of carrying out out-of-class actions on spiritual moral education	52
<i>Heiko Ital</i>	
Konkurrenzkampf im südkoreanischen Schulsystem.....	54
<i>Yussupova Tamara Kazyhanovna, Aliyeva Ainur Zekenovna</i>	
Trilingual integration of languages and disciplines in a skills-based learning environment	56

Section 5. Political science	58
<i>Atoyan Vardan</i>	
University affiliated Think Tanks in Armenia	58
<i>Cherpak Tatyana Valerevna</i>	
The legislative process in Ukraine: Possible ways to improve the quality	59
Section 6. Psychology	63
<i>Kravets Alexandr Vitalyevich, Utyuganov Aleksei Anatolevich</i>	
The main psychological and pedagogical approaches to research the phenomena of citizenship and patriotism	63
<i>Prykhodko Anna Mykolaivna</i>	
Psychological traits of doctors and patients researched on base of family planning and medical genetics centres in Ukraine	67
Section 7. Sociology	74
<i>Bobryk Adam, Kalita Cezary</i>	
Policy and the national minorities in Poland. Social and philosophical aspect	74
Section 8. Philology	79
<i>Abdikarimova Malika Nyshanbayevna</i>	
About the method of the experimental and phonetic analysis of intonation	79
<i>Malakhov Sergey Viktorovich</i>	
Names of the three right-bank Rhine cities	81
<i>Meiramgalieva Raigul Manapovna, Sarsekeeva Natalia Kantaliyevna</i>	
The existential consciousness of prose of Leonid Andreev and Smagul Elubay	85
<i>Pysarenko Kateryna Viktorivna</i>	
The scientific reception of R. Ivanychuk's historical novels	88
Section 9. Philosophy	91
<i>Ivanyk Stepan</i>	
Franz Brentano's and Kazimierz Twardowski's theories of mental acts: comparative analysis	91
<i>Karasevich Anton Olegovich</i>	
Modeling of Quasi-graphical Objects	95
<i>Kyrylenko Katerina Michailovna</i>	
The evolution of philosophical discourse: from innovation to innovation culture	98
<i>Filippovskaya Tatiana Vladimirovna</i>	
Kyniker — keine Zyniker!	101
Section 10. Economics and management	104
<i>Bekenova Alima Beisembayevna</i>	
The role of self-assessment procedures in the accreditation process	104
<i>Denisova Irina Petrovna, Denisov Petr Vladimirovich</i>	
Financial strategies of partner relationships implementation at microlevel	106
<i>Kinash Irina Anatolievna</i>	
Organization of system resource saving management in enterprise	110
<i>Sholoiko Antonina Serhiivna</i>	
Prospects of development of the insurance market infrastructure in Ukraine	112
Section 11. Science of law	115
<i>Ahmeti Edmond</i>	
Digitalization of culture heritage and the connection with derivative works of copyright law	115
<i>Dzhansarayeva Rima Yerenatovna, Malikova Sholpan Baltabekovna</i>	
About the classification of migration	118

<i>Dzhansarayeva Rima Yerenatovna, Malikova Sholpan Baltabekovna</i>	
About the migration situation in the Republic of Kazakhstan	121
<i>Zhesterov Pavel Valer'evich, Simmons Paul</i>	
The criminal repression of the military for crimes in Russia: historical and legal aspect	123